

ЖИВАЯ СТАРИНА

1899-13 пр. 2
5059

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

30
603.

1899-14 пр. 2
5060

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

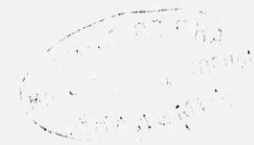
подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

№ 21012.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1899
—

ОТДѢЛЪ I.

ОБЪ АВГАНИСТАНѢ И ЕГО НАСЕЛЕНІИ.

(По поводу статьи Л. А. Бича «Авганистанъ и его эмиръ». «Русск. Вѣсти.», 1898 г. авг., стр. 128—150, и сент., стр. 98—108).

I. Положеніе научныхъ изученій и литературы объ Авганистанѣ и авганахъ.

И ранѣе весьма мало извѣстныя страны, занятыя авганами или имъ подвластныя, сдѣлались послѣ первой англо-авганской войны (1838—1842 г.г.) почти недоступными для европейскихъ путешественниковъ и ученыхъ изслѣдователей. По этой же отчасти причинѣ и имѣющіяся, въ общемъ немалыя, свѣдѣнія объ Авганистанѣ и его населеніи до сихъ поръ весьма недостаточно подвергались соотвѣтствующей современнымъ требованіямъ научной обработкѣ. О положеніи географіи и топографіи Авганистана можно судить по тому факту, что нѣкоторыя мѣстности, напр., части страны хезарейцевъ и Кафиристана, значительная часть бассейна рѣки Балха и т. д., остаются непосѣщенными европейцами и наносятся на карты по разспросамъ и догадкамъ. По этнографіи существуютъ только отрывочныя и случайныя данныя, научно необработанныя, потому что труды Белью и нѣкоторыхъ другихъ касавшихся этой отрасли знанія писателей почти лишены научнаго значенія. По языкованію, нарѣчія западныхъ авганскихъ племенъ, хезарейцевъ, аймаковъ, кафировъ и т. д. почти неизвѣстны, если не считать кое-какія свѣдѣнія и образчики, доставленные не-лингвистами, а потому для науки мало пригодныя. По разнымъ отраслямъ естествознанія наука вынуждена пока довольствоваться общими, неточными и неопредѣленными свѣдѣніями. Исторія находится въ столь же плачевномъ положеніи: даже время умершаго 125 лѣтъ тому назадъ основателя существующаго авганскаго государства Ахмедъ-шаха научнымъ образомъ не изучено и важныя для этого изученія источники не использованы, какъ указалъ недавно Оскаръ Маннъ (Quellenstudien zur Geschichte des Ahmed Schah Durrani, 1747—1773, въ Zeitschrift der Deutschen Mor-

genländischen Gesellschaft, 1898, B. 52, s. 97). Неудивительно, что существующія исторіи Авганистана и авгановъ (Феррье и Маллесона) представляютъ собою болѣе или менѣе плохія компіляціи изъ одностороннихъ, тощихъ и неподвергнутыхъ научной критикѣ источниковъ. Служащее до сихъ поръ необходимымъ и единственнымъ пособіемъ для общаго ознакомленія съ авганами и ихъ страной, прекрасное, для своего времени, сочиненіе Эльфинстона (An Account of the Kingdom of Cabool etc., by Mountstuart Elphinstone, London, 1815) было составлено на основаніи разспросовъ и немногихъ туземныхъ литературныхъ источниковъ, личное же знакомство автора съ Авганистаномъ было незначительно, такъ какъ въ предѣлы его онъ далѣе Пинавера не проникъ. Между тѣмъ, это устарѣвшее почти на цѣлое столѣтіе сочиненіе остается до сихъ поръ ничѣмъ незамѣненнымъ.

Разумѣется, такое состояніе научныхъ изученій и литературы неизбежно отражается на служащихъ обычными пособиями для большинства пишущаго люда обобщающихъ сочиненіяхъ, энциклопедіяхъ и энциклопедическихъ словаряхъ, а затѣмъ вообще на публицистикѣ. Вслѣдствіе этого политическія брошюры, книги, журнальныя и особенно газетныя статьи объ Авганистанѣ и имѣющихъ къ нему отношенія предметахъ слишкомъ часто бѣдны вѣрными свѣдѣніями и правильными взглядами, и, наоборотъ, обильны ошибками, недоразумѣніями и вымыслами.

Наша научная литература по Авганистану, кромѣ лингвистическихъ работъ академика Дорна, ограничивается весьма цѣнными дополненіями В. В. Григорьева и Н. В. Ханькова къ тѣмъ отдѣламъ „Землеуѣдѣнія“ Карла Риттера, которые обнимаютъ Авганистанъ („Кабулистанъ и Кафиристанъ“, переводъ съ примѣчаніями и дополненіями В. В. Григорьева, Спб., 1867 г. „Иранъ К. Риттера. Перевелъ и дополнилъ Н. В. Ханьковъ“, Спб., 1874 г.). Труды Григорьева и Ханькова, во-первыхъ, уже значительно устарѣли и не содержатъ свѣдѣній и научныхъ пріобрѣтеній за 30 и 25 почти лѣтъ послѣ ихъ изданія, во-вторыхъ же, и во время своего выхода въ свѣтъ не обнимали всѣхъ имѣвшихся свѣдѣній. Такъ, по исторіи Авганистана Григорьевъ далъ не имѣющій себѣ равнаго въ западно-европейской литературѣ обзоръ исторіи Кабулистана съ древнѣйшихъ временъ до XI вѣка и хорошій очеркъ англо-авганской войны 1838—1842 г.г.; исторію же остальныхъ частей Авганистана въ древнѣйшее время и всей страны съ XI столѣтія Ханьковъ, на обязанность котораго это падало, сообразно содержанию изложенія Риттера, не составилъ. По этнографіи Авганистана дополненія Ханькова, на долю котораго достались этническія и этнографическія свѣдѣнія объ авганахъ и другихъ народностяхъ, кромѣ обитающихъ въ Кабулистанѣ и Кафиристанѣ, также недостаточны, неполны и неудовле-

творительны. Даже географическія дополненія Ханькова оставляютъ желать многого какъ относительно полноты, такъ и систематичности.

О томъ, каковы были свѣдѣнія объ Авганистанѣ двадцать лѣтъ назадъ въ нашей литературѣ и въ военномъ вѣдомствѣ, можно судить по слѣдующему свидѣтельству составленной въ 1882 году записки одного изъ самыхъ компетентныхъ по этому предмету чиновъ генеральнаго штаба: „Когда въ 1878 году явилась необходимость оказать давленіе на Англію со стороны Индіи, то нами были сформированы два отряда и двинуты къ сторонѣ Афганистана совершенно наугадъ: мы не знали ни мѣстности, по которой придется идти, ни населенія, съ которымъ встрѣтимся“ („Сборникъ географическихъ и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 5, 1883 г., стр. 108). Съ 1882 года, по примѣру англійскаго правительства, которымъ давно уже издается сборникъ Central Asia, compiled for political and military reference, и у насъ выходитъ „Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи“. Этотъ „Сборникъ“, — содержащійся въ которомъ статьи за восьмидесятыя года указаны въ „Библиографіи Азіи“ Межова, — состоитъ въ настоящее время уже почти изъ 80 выпусковъ и дѣйствительно даетъ, и относительно Авганистана, довольно значительное количество матеріала, правда, почти исключительно переводнаго или являющагося сокращеннымъ изложеніемъ печатныхъ книгъ и статей. Конечно, специалисты, слѣдящіе за литературою предмета, и въ „Сборникѣ“ найдутъ мало имъ незнакомаго, тѣмъ не менѣе и для нихъ „Сборникъ“ очень полезенъ, вслѣдствіе трудности каждому отдѣльному лицу просматривать выходящія въ свѣтъ массы книгъ и періодическихъ изданій, изъ которыхъ многія отсутствуютъ въ самыхъ лучшихъ бібліотекахъ. Цѣнность матеріаловъ „Сборника“, страдающихъ слабостью географической стороны и почти отсутствіемъ этнографической и исторической, видна изъ того, что, пользуясь едва не ими одними, В. Т. Лебедевъ издалъ недавно обстоятельно разработанный проектъ похода до Инда („Въ Индію. Военно-статистическій и стратегическій очеркъ. Проектъ будущаго похода“, Спб., 1898 г.), тогда какъ до сихъ поръ вмѣсто серьезныхъ проектовъ появлялись и были возможны одни фантастическія мечтанія. Къ сожалѣнію, какъ англійскій, такъ и русскій „Сборники“ недоступны для большинства публики.

Русскіе путешественники съ учеными цѣлями въ Авганистанъ не проникали, за исключеніемъ Н. В. Ханькова, совершившаго въ 1858 г. поѣздку изъ Мешхеда въ Хератъ, съ экскурсіею въ Обе, и затѣмъ въ 1859 году проѣхавшаго изъ Херата въ Сеистанъ по западной окраинѣ Авганистана; географическія замѣтки Ханькова не лишены интереса, этнографическія же скудны и авганъ почти не касаются („Иранъ К. Риттера“, Спб., 1874 г.,

стр. 301—312 и 342—360). Записокъ первого правительственнаго посланца въ Афганистанъ поручика Виткевича, ѣздившаго въ Кабулъ и Кандахаръ въ 1837—1838 г.г., не сохранилось или до сихъ поръ не опубликовано. О посольствѣ генерала Столѣтова изъ Ташкента въ Кабулъ сообщены любопытныя свѣдѣнія въ сочиненіи доктора И. Л. Яворскаго („Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 г.г.“, два тома, Спб., 1882—1883 г.г.). О поѣздѣ въ 1878 г. изъ Мазари-Шерифа въ Хератъ полковника Гродекова изданы имъ путевыя записки („Черезъ Афганистанъ“, Спб., 1880 г.). Къ сожалѣнію, посольство Столѣтова и маршрутъ Гродекова почти не коснулись земель, заселенныхъ авганами, притомъ же члены миссіи и г. Гродековъ находились все время, если не подъ стражею, то подъ такимъ стѣснительнымъ надзоромъ авганскихъ властей, что лишены были возможности изучать страну и собирать свѣдѣнія о населеніи. Въ источникахъ карты Азіатской Россіи, приложенной къ монографіи „Геодезическія работы разныхъ вѣдомствъ и учреждений въ связи съ постройкою Великаго Сибирскаго пути“ (1896 г.), упоминается о поѣздѣ г. Комаровскаго въ 1891 г. отъ Пишавера въ Кафиристанъ, но никакихъ свѣдѣній объ этой поѣздѣ мнѣ болѣе не встрѣчалось. Въ нынѣшнемъ году, командированный въ Индію генеральнаго штаба капитанъ Новицкій коснулся при поѣздѣ своей части земель восточныхъ авганскихъ племенъ.

Въ нашей публицистикѣ слѣдуетъ упомянуть три сочиненія, не лишеныя интереса въ разныхъ отношеніяхъ: Л. Н. Соболева „Страница изъ исторіи восточнаго вопроса. Англо-афганская распря. Очеркъ войны 1879—1880 г.г. Исслѣдованіе“, Спб., 1882—1885 г.г., 1534 стр., in—8°, и С. Н. Южакова „Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ“, Спб., 1885 г., 195 стр., in—12°, и „Англо-русская распря. Небольшое предисловіе къ большимъ событіямъ. Политическій этюдъ“, Спб., 1885 г., 106 стр., in—12°.

Журнальныхъ статей объ Афганистанѣ у насъ очень мало, заслуживающихъ же вниманія между ними почти нѣтъ. Газетныхъ статей появляется во время столкновеній Англіи съ авганами, особенно же во время политическихъ неладовъ Англіи съ Россією, чрезвычайное обиліе, но по незнакомству авторовъ съ научной литературой и съ основательной публицистикой, при недостаточности притомъ фактическихъ свѣдѣній о текущихъ событіяхъ въ Афганистанѣ и Индіи, статьи эти, въ огромномъ большинствѣ, не серьезны.

Этотъ, слишкомъ быть можетъ, краткій обзоръ положенія науки и публицистики относительно Афганистана указываетъ на очень большія трудности составленія въ настоящее время удовлетворительныхъ общихъ описаній или очерковъ этой страны, ея населенія и политическихъ отношеній, хотя появле-

ніе ихъ крайне желательно. Недавно напечатанная статья Л. А. Б-ича „Афганистанъ и его эмиръ“ представляетъ попытку дать подобный очеркъ, притомъ съ той точки зрѣнія, которой держатся составители большинства нашихъ газетныхъ статей. Разборъ статьи г. Б-ича, располагавшаго свѣдѣніями, даже нѣсколько превышающими обычный уровень освѣдомленности нашихъ газетныхъ писателей, можетъ поэтому намѣтить нѣкоторые недостатки и ошибки не только статьи г. Б-ича, но и вообще нашей газетной публицистики. Я не ограничусь, однако, однимъ, конечно, достаточно доказательнымъ, указаніемъ промаховъ и недочетовъ разсматриваемой статьи, но сдѣлаю поправки и дополненія по нѣкоторымъ наиболѣе важнымъ предметамъ, въ особенности по поводу этническихъ и политическихъ отношеній, насколько это оказалось возможнымъ безъ доведенія настоящаго разбора до слишкомъ значительнаго объема.

I. Происхожденіе, главный источникъ, основная тенденція и задачи разсматриваемой статьи.

Въ номерахъ 232, 234 и 237-мъ 23, 25 и 28-го августа 1897 года газеты „Мировые Отголоски“ была напечатана статья постоянного лондонскаго корреспондента этой, въ нынѣшнемъ году уже закончившей свой недолгій вѣкъ, газеты Нила Бронского „Афганистанъ и его эмиръ“. Статья эта состоитъ, главнымъ образомъ, въ изложеніи изданнаго въ 1895 году краткаго описанія поѣздки Дж. Керзона въ Афганистанъ (A Recent Journey in Afghanistan, London, 1895), съ мало основательными и неинтересными большею частію комментаріями и разсужденіями самого г. Бронского и немногими свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Не отличая невѣрные и извращенные слухи и вѣсти отъ правильныхъ извѣстій объ отношеніяхъ эмира къ Англіи во время разгоравшейся тогда войны Англіи съ независимыми отъ эмира авганскими пограничными племенами, г. Бронской думалъ, что пограничныя племена открыли военныя дѣйствія по подстрекательству эмира, который намѣревается и самъ объявить Англіи войну. Въ № 237 читаемъ у г. Бронского: „Эмиръ... по послѣднимъ извѣстіямъ дѣятельно собираетъ въ Кабулъ со всѣхъ сторонъ Афганистана муллъ съ цѣлью объявить джехадъ“... „Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ, что мы, очевидно, находимся наканунѣ великихъ событій, теперь мы можемъ сказать, что мы присутствуемъ при ихъ началѣ. Вопросъ о томъ, совершится ли англо-авганская война, теперь находится въ сомнѣніи. Тѣ, которые соберутся подъ зеленымъ знаменемъ пророка, составятъ лишь резервъ авганской арміи, съ организаціей которой читатели мало или совершенно

незнакомы. Это меня обязывает сообщить объ этомъ на основаніи достовѣрнѣйшихъ источниковъ, поговорить подробно о тѣхъ племенахъ, которыя встали и встанутъ подъ зеленое знамя пророка, и о театрѣ военныхъ дѣйствій, на-стоящемъ и возможномъ въ будущемъ. Это намѣреніе свое г. Бронского и исполнилъ въ №№ 245, 260 и 262 „Мировыхъ Отголосковъ“, не указавъ—изъ какихъ именно „достовернѣйшихъ источниковъ“ онъ свѣдѣнія свои почерпаетъ. Хотя Л. А. В—ичъ даже не упоминаетъ о статьѣ г. Бронского, появившейся въ „Мировыхъ Отголоскахъ“ менѣе чѣмъ за годъ, но собственная его статья въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за августъ и сентябрь 1898 г. воспроизводитъ не только заглавіе, но и содержаніе статьи Нила Бронского. Отличія состоятъ въ томъ, что извлеченія изъ Керзона помѣщены у г. В—ича не въ началѣ статьи, какъ у Бронского, а въ концѣ; что встрѣчаются и другія неважныя перемѣненія; что г-номъ В—ичемъ предпослано „очерку“ небольшое вступленіе и сдѣланы мѣстами нѣкоторыя дополненія, и, наконецъ, что въ статьѣ г. В—ича не повторено разныхъ неосновательныхъ сужденій г. Бронского и выкинуты извѣстія дня, неумѣстныя въ печатаемомъ черезъ годъ очеркѣ и притомъ же оказавшіяся явно невѣрными. Во всемъ остальномъ статья г. В—ича есть повтореніе статьи Нила Бронского, частію тѣми же словами и, мѣстами, съ тѣми же описками,—повтореніе, воспроизводящее въ точности иногда даже опечатки. Вѣроятнѣйшее объясненіе кажущейся безцеремонности г-на В—ича,—въ отношеніи къ автору статьи „Мировыхъ Отголосковъ“, писаніями котораго онъ такъ пространно воспользовался, не упомянувъ о томъ ни однимъ словомъ, и въ отношеніи читателей которые получили въ качествѣ оригинальнаго „очерка“ едва не одну перепечатку газетной статьи,—состоитъ въ томъ, что Нилъ Бронской и Л. А. В—ичъ есть, повидимому, одно и то же лицо, и что г. В—ичъ пожелалъ ознакомить и читателей „Русскаго Вѣстника“ съ своими свѣдѣніями и взглядами относительно Авганистана, вновь обработавъ и улучшивъ для этого свою газетную статью.

Основнымъ и, въ сущности, единственнымъ источникомъ описанія Авганистана у г-г. Бронского и В—ича, хотя оба объ этомъ умолчали, служила книжка Ш. Симона или Симонда (Charles Simond—L'Afghanistan. Les russes aux portes de l'Inde, Paris, 1885).

Это одна изъ компиляцій, которыя появляются на книжномъ рынкѣ по поводу выдающихся политическихъ событій и составляются на-скорю, въ нѣсколько дней или недѣль. Какъ видно изъ подзаглавія, предисловія и содержанія, книжка эта написана по поводу столкновеній между Англіею и Россіею относительно сѣверо-западной границы Авганистана, ознаменовавшихся стычкою на Кушкѣ 18—30 марта 1885 года и грозившихъ войною. Книжка

(въ ней всего 319 страницъ in—12⁰) дѣлится на три части, изъ которыхъ вторая „Русская интрига“ и третья „Англійская интрига“ отданы вмѣстѣ съ „Заключеніемъ“ политикѣ, вторгающейся мѣстами и въ первую часть, озаглавленную „Ключи Индіи“. Если изъ этой первой части оставить въ сторону главы вторую „Стратегическія дороги“ и шестую „Прошлое Авганистана“, содержащія жиденькое исчисленіе путей и плохой обзоръ исторіи Авганистана, то останется 70 страничекъ на описаніе Авганистана, которое и служило основой трудовъ гг. Бронского и В—ича. Авторъ не указываетъ вообще своихъ источниковъ съ желательной аккуратностью и подробностями, изъ сдѣланныхъ же мѣстами ссылокъ видно, что свѣдѣнія свои онъ бралъ изъ словарей Мейера, Брокхауза, Вивьенъ де-Сенъ-Мартена, изъ „Всеобщей географіи“ Эл. Реклю, изъ исторій Маллесона и Феррье, а также изъ разныхъ книгъ и брошюръ, вызванныхъ войною 1878—80 гг. и столкновеніемъ 1885 г. и т. п.

Большинства публицистовъ и политическихъ дѣятелей пока весьма мало коснулось научное движеніе второй половины, особенно же послѣдней четверти истекающаго вѣка. Внутреннія и особенно внѣшнія отношенія государствъ продолжаютъ имъ казаться зависящими почти исключительно отъ дѣятельности правительствъ и находящихся въ ихъ распоряженіи средствъ, тогда какъ для современной науки становится все болѣе и болѣе несомнѣннымъ, что жизнь человеческихъ обществъ повинуется законамъ ихъ эволюціи, законамъ болѣе сложнымъ и труднѣе раскрываемымъ, чѣмъ законы природы, но столь же непреложнымъ, а потому дѣйствія правительствъ тогда только успѣшны и плодотворны, когда, сознательно или безсознательно, сообразны съ этими законами. Шарлю Симону внѣшняя политика представляется лишь борьбою дипломатіи, военныхъ и другихъ силъ и средствъ соперничающихъ государствъ, борьбою, имѣющей цѣлью захватъ территорій и увеличеніе могущества державъ, благопріятствуемыхъ случайностями, неумѣемъ дипломатовъ и превосходствомъ военныхъ и другихъ средствъ. Авганистанъ для него лишь театръ русскихъ и англійскихъ „интригъ“ и неизбежной затѣмъ войны, въ результатъ которой достанется побѣдителю, авганы же „будутъ подавлены громаднымъ превосходствомъ численности (военныхъ силъ) и съ этого дня начнется ихъ быстрое исчезновеніе съ политической сцены“ (р. 7). Какъ французъ восьмидесятихъ годовъ, Симонъ столь же мало желаетъ успѣха бывшей всегда враждебною его странѣ Англіи, какъ и опасной своимъ военнымъ могуществомъ для всей западной Европы полуварварской Россіи. Теперь, когда Россія и Франція связаны союзомъ, французскій публицистъ, сохраняя въ сущности то же отношеніе къ соперничеству Россіи и Англіи на востокъ, задался бы лишь вопросомъ—не слишкомъ ли ослабѣетъ союзникъ,—побѣди-

телемъ ли онъ окажется или побѣжденнымъ,—для войны съ цѣлью „реванша“.

Русскій публицистъ, хотя бы и столь же чуждый научной точки зрѣнія, конечно, не можетъ усвоить исключительно французское отношеніе своего главнаго источника къ Афганистану. Но г. В-ичъ страждетъ другой, не менѣе односторонней и ошибочной точкой зрѣнія: „Рано или поздно, сразу-ли весь, или по частямъ, Афганистанъ долженъ попасть въ наши руки въ силу самой нашей великой миссіи въ Азіи и мы ждемъ этого не предупреждая событій, не торопя ихъ“... Вѣдь „по словамъ Абу-Ифазила (XVI вѣкъ)“, Афганистанъ „служить воротами въ Индостанъ и та европейская держава которая овладѣетъ Афганистаномъ упрочитъ свое владычество во всей этой части свѣта“ (стр. 130)*). „Англо-Русскій конфликтъ“ „разрѣшится именно въ Афганистанъ“ (стр. 150) и „судьбы Афганистана“ уже стали „à l'ordre du jour, благодаря послѣднимъ событіямъ“ (130). „Овладѣвъ Гератомъ Россія не только пошатнетъ весь Востокъ до Калькутты и Бомбея, но и до крайнихъ предѣловъ Азіи, а ударъ этотъ не можетъ не отозваться и въ Европѣ“ (стр. 102, у Симона, р. 94: ébranlera tout l'orient jusqu'à Calcutta et Bombay et peut-être au delà, vers l'extrême-est de l'Asie). Хотя г. В-ичъ не выясняетъ, въ чемъ именно „наша великая миссія въ Азіи“ состоитъ и на чемъ его увѣренность въ ея существованіи основывается, но приведенныя мѣста его статьи достаточно ясно вы-

*) Здѣсь и повсюду ниже я стараюсь въ точности удерживать орфографію и пунктуацию подлинника. У Ch. Simond, р. 2, читаемъ: «C'est là, écrivait Abou-Ifazil au seizième siècle, que depuis la plus haute antiquité se trouvent les portes de l'Indoustan». Et il ajoutait: «Quiconque parmi les puissances européennes possèdera ce territoire, affermera sa suprématie sur toute cette partie du globe». Источника своего французскій авторъ не указываетъ и не позаботился объяснить—какимъ это образомъ восточный, судя по имени, писатель XVI вѣка оказался одареннымъ пророческими талантами, потому что въ его время едва начинавшіе появляться на берегахъ Индіи европейцы играли слишкомъ ничтожную роль, чтобы кто-либо могъ предугадать будущее владычество ихъ во всей странѣ. Истинное имя восточнаго автора не Абу-Ифазиль, а Абуль Фазль, министръ и историкъ императора Экбера, родившійся въ 1551 г. и убитый въ 1602 г. (Ханыковъ, «Иранъ К. Риттера», стр. 404). Въ сочиненіи его Айнъ и Экберъ, содержащемъ описаніе царства Экбера, говорится: «Кабуль и Кандахаръ считаются съ глубокой древности воротами Индостана. Одинъ даетъ входъ изъ Турана, а другой изъ Ирана. Но если оба города надлежащимъ образомъ охраняются, то обширная индостанская имперія вполне безопасна отъ вторженій иностранцевъ». Объ европейскихъ державахъ Абуль Фазль, конечно, не говоритъ тутъ ни слова (Ayseu Akbery, or the Institutes of the Emperor Akber, translated by Francis Gladwin, London, 1800, vol. 2, р. 180). Такимъ образомъ Симонъ, а за нимъ и г. В-ичъ, приписали Абуль Фазлю, превращенному въ Абу-Ифазила, соображенія, ему ни въ какомъ случаѣ не принадлежащія.

ражаютъ, что эта миссія заключается въ овладѣніи Афганистаномъ, Индіею и всею Азіею или связана со всеми этими завоеваніями, если не въ нихъ вся ея суть. Источникомъ этихъ мечтаній служить, надо думать, узкій націонализмъ, столь удобно, по своей нераціональности, соединяющійся съ мистицизмомъ. Однако, мистическія грезы о „великихъ миссіяхъ“ никогда не выдерживаютъ обращенія къ реальной дѣйствительности. Въ этой дѣйствительности оказывается безспорнымъ, что величайшіе завоеватели и могущественнѣйшія государства, стремившіяся къ всемірному владычеству, никогда не овладѣвали ни всей Европой, ни всей Азіею, потому что встрѣчали непреодолимое сопротивленіе со стороны государствъ и народовъ, отстаивавшихъ свою независимость. Въ настоящее время,—если ограничиться даже однимъ цивилизованнымъ человѣчествомъ,—кромѣ русскихъ, существуютъ народности англосаксонская, нѣмецкая, группа романскихъ. Эти народности и по численности лишь немного уступаютъ русской (англо-саксонская—123 м., даже превосходятъ), по культурѣ же, техникѣ и богатству стоятъ много выше. Каждая изъ этихъ великихъ народностей дорожитъ своей самобытностью и въ состояніи отстоять ее противъ всякой изъ остальныхъ, не говоря уже о томъ, что притязанія на преобладаніе которой-либо изъ нихъ неизбежно встрѣчаются съ коалиціею прочихъ. Разумѣется, военное могущество Россіи значительно, но, во-первыхъ, она не можетъ съ успѣхомъ противостоять коалиціи, во-вторыхъ же, военное могущество досталось ей и поддерживается цѣною народной бѣдности и низкаго сравнительно со всеми народами Европы уровня культуры, техники и народнаго образованія. Между тѣмъ, современная война все болѣе и болѣе дѣлается борьбою техники, и перевѣсъ даетъ въ ней не одна численность войска, а главнымъ образомъ совершенство техники, достигаемое высшимъ уровнемъ науки, промышленности и богатства. Чтобы только удержатъ свое почетное мѣсто въ средѣ великихъ народовъ, Россіи необходимо употреблять все свои средства и усилія на распространеніе и развитіе народнаго образованія, благоустройства и богатства, отказавшись отъ всякихъ дальнѣйшихъ расширеній территоріи и завоеваній, которыя въ ея положеніи лишь ослабляютъ силы, а не увеличиваютъ.

Выводы въ „великія миссіи“ часто неразлучны съ наклонностью къ легковѣрію. Россія и Англія, „по слухамъ, въ нѣкоторыхъ кружкахъ въ Лондонѣ циркулирующимъ, вошли уже въ соглашеніе о раздѣлѣ Афганистана“—сообщилъ въ августѣ мѣсяцѣ г. В-ичъ (стр. 128), устраняя возникающее вслѣдствіе такого раздѣла и соглашенія недоумѣніе—не полагается ли этимъ предѣлъ „великой миссіи“—успокоительнымъ поясненіемъ фатальности послѣдней: „рано или поздно, сразу ли весь, или по частямъ, Афганистанъ долженъ попасть въ наши руки“ (стр. 130). Въ октябрѣ 1876 года, желая

преодолѣть упорное несогласіе эмира Ширъ-Али на водвореніе въ Кабулъ постоянного британскаго агентства и на посылку англійскихъ офицеровъ въ сѣверные предѣлы его владѣній, вице-король Индіи лордъ Литтонъ, между прочимъ, приказалъ передать Ширъ-Али, что ежели онъ не войдетъ немедленно съ Англіей въ предлагаемое соглашеніе, то его замѣнитъ Россія, которая желаетъ заключить соглашеніе съ Англіей на его счетъ (см. въ „Синихъ книгахъ“ *Afghanistan*, 1878, I, p. 183). Можетъ быть лордъ Литтонъ не просто обманывалъ, а основывался на слухахъ или недоразумѣніяхъ, но Ширъ-Али ему не повѣрилъ. Въ настоящее время нужна необычайная степень легковѣрія, чтобы допустить, что Англія, — почти столѣтіе добывающаяся обладанія Авганистаномъ, какъ щитомъ для Индіи съ сѣверо-запада, и достигшая по соглашеніямъ съ Россією 1873, 1885—1887 и 1895 г. точнаго установленія границъ Авганистана и признавая нахожденія его въ сферѣ своего исключительнаго вліянія, т. е. верховенства, — согласилась вдругъ дѣлать этотъ щитъ съ державою, противъ которой онъ направленъ и пресса которой не перестаетъ угрожать нашествіемъ на Индію.

Если дѣйствительно „мы ждемъ“ непреложнаго осуществленія „великой миссіи“, „не предупреждая событій, не торюя ихъ“, — какъ пишетъ г. Б—ичъ, — то не слѣдовало бы съ лихорадочнымъ легковѣріемъ собирать вздорные и невѣрные слухи и возвѣщать о начавшемся осуществленіи „великой миссіи“, когда къ этому на самомъ дѣлѣ не имѣлось никакихъ серьезныхъ основаній. Между тѣмъ уже въ августѣ 1897 года „мы“ находились съ Ниломъ Бронскимъ „наканунѣ великихъ событій“, а черезъ нѣсколько дней даже „присутствовали при ихъ началѣ“ (см. приведенныя выше выдержки изъ „Мировыхъ Отголосковъ“). Все это оказалось произведеніемъ возбужденной фантазіи и результатомъ невѣдѣнія дѣйствительнаго положенія англо-авганскихъ дѣлъ и отношеній. Эмиръ (какъ будетъ изложено подробнѣе въ своемъ мѣстѣ) не только не объявилъ священной войны, но словесно, письменно и на дѣлѣ показалъ себя вѣрнымъ другомъ Англіи и отказалъ воевавшимъ съ нею пограничнымъ племенамъ въ какой бы то ни было помощи. Пограничныя племена, дѣйствовавшія, какъ всегда, разрозненно, были послѣдовательно разгромлены англійскими войсками, проникавшими во все доселѣ считавшіяся недоступнымъ горныя тущобы, вынуждены просить мира и уплатить наложенные въ наказаніе штрафы, съ выдачею значительныхъ массъ оружія. Съ заявленіемъ покорности упорствовавшими долѣе всѣхъ афридіями, съ марта 1898 года на англо-индійской границѣ установилось полное спокойствіе. Авганскіе горцы понесли такой уронъ, лишились столь значительной части оружія, особенно скорострѣльнаго, и подверглись такому раззоренію, что трудно ожидать новой войны ихъ съ англичанами въ ближайшемъ будущемъ, тѣмъ болѣе, что англій-

ское правительство рѣшилось уважать независимость племенъ, не вмѣшиваться въ ихъ управленіе и вообще избѣгать поводовъ для возбужденія вражды, въ какомъ смыслѣ и даны индійскому правительству инструкции (см. депешу лорда Хамилтона отъ 23 января 1898 г. въ послѣдней „Синей книгѣ“, С.—8714, *Military operations on the North-West Frontiers of India*, London, 1898, vol. II, p. p. 172—182). Если, несмотря на все это, г. Б—ичъ въ августѣ 1898 г. продолжаетъ твердить, что „судьба Авганистана“ стала „à l'ordre du jour, благодаря послѣднимъ событіямъ“, толкуетъ о небывалой „перемѣнѣ курса политики эмира и улучшенія его отношеній къ Россіи“ (148), съ которою онъ не имѣетъ никакихъ сношеній, и увѣряетъ, что занятіе эмиромъ „въ началѣ настоящаго года“ „страны Момандовъ“ „теперь грозитъ стать причиною кровавой борьбы которая, быть можетъ, и разрѣшитъ Средне-Азіатскій вопросъ“ (131), — то приходится удивляться замѣчательной рѣшимости пребывать въ области фантазій и игнорировать происходящее въ дѣйствительности.

Поводомъ своей статьи г. Б—ичъ указалъ „судьбу Авганистана, ставшую à l'ordre du jour, благодаря послѣднимъ событіямъ“; можетъ быть этимъ отчасти и объясняются замѣченныя странности. Задачею своею Л. А. Б—ичъ ставилъ „дать краткій очеркъ“ Авганистана и „характеристику“ авганскаго народа и эмира, въ виду того, что Авганистанъ „большинству русскихъ читателей, не специалистовъ, мало знакомъ“ (стр. 130). Авторъ находитъ интереснымъ вопросъ — „кто виноватъ въ возстаніи племенъ и англійскихъ неудачахъ?“ Еще болѣе его „интересуютъ толки о прямомъ или косвенномъ участіи въ этомъ возстаніи... эмира авганскаго“ и отношенія „эмира къ Россіи и Англіи“ (128). Въ этомъ приблизительно порядкѣ я и разсмотрю трудъ г. Б—ича.

III. Авганская страна.

Это — заглавіе первой главы первой части книжки Симона, который, приведя выше воспроизведенныя мною цитаты изъ „Абу-Ифазиля“, писалъ (р. 2): „Чтобы убѣдиться въ значительной важности этой стратегической позиціи, достаточно бросить взглядъ на карту Азии (Dr. Jos. Chavanne, *Afghanistan, Land und Leute, mit Rücksicht auf den englisch-afghanischen Kriege*, Wien, 1879). На сѣверѣ авганская страна командуетъ, посредствомъ Хиндукоха, надъ долиною Аму-дарьи, на востокѣ, посредствомъ Сулеймановыхъ горъ, надъ долиною Инда; на западѣ, на большомъ протяженіи, она господствуетъ надъ Персіей посредствомъ хребта Кокъ-и-Бундавъ“ и т. д. У г. Б—ича: „Чтобы убѣдиться въ стратегическомъ значеніи Афганистана, стоитъ

лишь взглянуть на карту Средней Азии: на сѣверѣ—Гиндукушемъ—Афганистанъ командуетъ долиной Аму-Дарьи; на востокѣ—Сулеймановскими горами—долиной Инда (есть основанія полагать что, по договору Дьюранда, точнѣе по его ненапечатанной картѣ, Сулеймановы горы вошли въ составъ Индійской территоріи); на западѣ пѣвью Кохъ-и-Бундала онъ командуетъ на значительномъ протяженіи Персией“ (130 и 131) и т. д. Хребта Кохъ-и-Бундавъ (Бундаль г. В—ича) нѣтъ ни на картѣ при книжкѣ Симона, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ картахъ и описаніяхъ: вообще, господство западной окраины Афганистана надъ Персией есть „стратегическое“ увлеченіе доктора Шаванна *). Далѣе у г. В—ича: „при такихъ условіяхъ государство Абдурахманъ-хана могло бы быть ограждено отъ всѣхъ нападений, если бы его политическія границы соотвѣтствовали физическимъ барьерамъ; но первыя совершенно условны и даже не опредѣлены, несмотря на нѣсколько работавшихъ въ послѣднее время разграничительныхъ комиссій, что и дало поводъ въ началѣ настоящаго года недоразумѣніямъ между Индійскимъ правительствомъ и эмиромъ занявшимъ страну Момаидовъ и что теперь грозитъ стать причиною кровавой борьбы которая, быть можетъ, и разрѣшитъ Средне-Азіатскій вопросъ“. У Симона (р. 3), конечно, нѣтъ „Момаидовъ“, и „кровавой борьбы“ опасался онъ по поводу совершавшагося въ 1885 году разграниченія Афганистана съ бухарскими и русскими землями (р. 3). Утвержденія на счетъ неопредѣленности границъ Афганистана уже со стороны Симона были не совсемъ вѣрны, потому что границы съ Персией были установлены съ точностію еще въ пятидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, со стороны же г. В—ича, въ 1898 году, почти совсемъ неосновательны, ибо граница съ Россіею и Бухарою опредѣлена живыми урочищами или пограничными знаками въ 1885—7 и въ 1895—6 гг., граница съ Белуджи-станомъ пролегаетъ пустыней и никакихъ недоразумѣній не возбуждаетъ, граница же съ Индіею установлена соглашеніемъ Дьюранда 1893 года и хотя не вся еще обозначена знаками въ натурѣ **), по независѣвшимъ отъ

*) По ротмистру Стрѣльбницкому, путешествовавшему по восточному Хорасану въ 1890 году, граница между Афганистаномъ и Персией лежитъ здѣсь въ «громадной впадинѣ, отдѣляющей возвышенности Персіи отъ системы Гиндукуша, впадинѣ, простирающейся отъ Сенстана до центральной части Каракумовъ и вмѣщающей бассейнъ Хамуна, ряда соленыхъ котловинъ Хафской пустыни, нижняго теченія Герируда и, наконецъ, древняго озера Арія-Палусъ» («Сборникъ географическихъ и пр. матеріаловъ по Азій», выпускъ 46, Сиб., 1891 г., стр. 145).

**) Пограничные знаки не поставлены только на сѣверѣ отъ Кабуль-дарьи, граница же на югъ отъ Кабуль-дарьи уже точно опредѣлена пограничными столбами и пр. Граница эта значится на всѣхъ лучшихъ картахъ съ 1897 года. См. напр. Philips' large—Scale Map of the North-Western Frontier etc., 1897.

обѣихъ сторонъ причинами, но направленіе ея опредѣлено достаточно ясно и важныхъ споровъ вызвать не можетъ, особенно при существующихъ дружественныхъ отношеніяхъ между эмиромъ и Англіею. Что касается занятія эмиромъ страны момендовъ (momunds, momands, mohmunds, mohmends у англичанъ, mohmounds у Симона, „момаиды“ же статьи г. В—ича есть описка или опечатка вмѣсто „моманды“, какъ у Нила Бронского, хотя, благодаря вѣроятной редакціонной заботѣ объ однообразіи, опечатка эта проведена по всей статьѣ, гдѣ „момаиды“ встрѣчаются много разъ), то свѣдѣнія г. В—ича по этому предмету есть результатъ какихъ нибудь его недоразумѣній или довѣрія къ неосновательнымъ слухамъ. Если бы дѣйствительно случилось что-нибудь, грозящее серьезными послѣдствіями, въ началѣ нынѣшняго года, то, конечно, въ серьезной прессѣ имѣлись бы своевременно подробныя извѣстія. Между тѣмъ говорить объ этомъ, и притомъ въ августѣ, одинъ нашъ авторъ, невѣдомо откуда это взявшій и, быть можетъ, незнающій, что эмиру подвластна значительная часть момендовъ и что въ его предѣлахъ, въ Мальпурѣ, обитаетъ главный ханъ этого племени.

Толкуя о сѣверной границѣ Афганистана, Симонъ говоритъ, что она принимаетъ юго-западное направленіе отъ „города Ходжа-Сала, лежащаго (на Аму-дарьѣ) немного ниже переправы (gué) Килефской (de Kilef)“, и достигаетъ персидской границы „ниже города Саракса“ (р. р. 3 et 4). Дѣйствительно такое представленіе и существовало въ Западной Европѣ объ этой части афганской границы въ маѣ 1885 года, когда Симонъ кончалъ свою книжку, но пишущему въ 1898 году автору, повторившему сказанное Си-мономъ безъ поправокъ и назвавшему „Килафъ“ „знаменитой переправой, бродомъ“, слѣдовало бы знать, что граница оставляетъ Аму-дарью у селенія Босага, а не у оказавшагося деревней, а не городомъ, Ходжа-Сала; что граница эта примыкаетъ къ персидской не „подъ городомъ Сераксомъ“, а у Зульфакара, болѣе сотни верстъ выше Серакса, и, наконецъ, что при Келифѣ существуетъ переправа, а не бродъ, такъ какъ здѣсь одно изъ самыхъ глубокихъ мѣстъ Аму-дарьи, русло которой стѣснено тутъ высотами съ обѣихъ сторонъ.

Засимъ встрѣчаемъ у г. В—ича слѣдующее: „Одинъ изъ афганскихъ поэтовъ, Молла-Мохаммедъ-Му-Амай, такъ воспѣвалъ Кабуль: Пейте, пейте веселѣе въ Кабулѣ вино, пусть чаша непрерывно совершаетъ свой кругъ, ибо здѣсь, въ Кабулѣ, все соединено: городъ и пустыня, высокія горы и быстро-бѣгущіе потоки“. По мнѣнію нашего автора, „это же можно отнести и ко всему Афганистану, площадь котораго представляетъ замѣчательное сочетаніе высочайшихъ горъ и пустынь прорѣзанныхъ потоками, на берегахъ которыхъ расположены густо населенные города“ (131 и 132). Во-первыхъ,

даже Симонъ, приводящій при описаніи Кабула эти самыя слова поэта, но называетъ его авганскимъ (р. 78). Во-вторыхъ, султанъ Баберъ, благодаря „Запискамъ“ которого до насъ дошли эти персидскіе стихи, говоритъ, что поэтъ произнесъ ихъ владѣльцу Херата, изъ чего слѣдуетъ, что поэтъ былъ персидскій, а не авганскій. Въ-третьихъ, поэтъ высказалъ далеко не то, что приписали ему Симонъ и нашъ авторъ, а слѣдующее: „Ней вино въ замкѣ (цитадели) Кабульскомъ и пусть чаша ходитъ кругомъ безъ отдыха; здѣсь одновременно находятся гора, море, городъ и обширная равнина“ (Mémoires de Baber, trad. par Pavet de Courteille, Paris, 1871, t. I, p. 280). Дѣйствительно, изъ цитадели видны городъ Кабуль, горы и зеленые луга его окрестностей, а, можетъ быть, и озеро Везирабадъ, названное по поэтической вольности моремъ, но до „пустынь“ отсюда слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ представлять себѣ природу Авганистана въ общемъ подобною красивому пейзажу окрестностей Кабула было бы большою ошибкой. Совсѣмъ иначе рисуютъ природу Авганистана даровитѣйшіе изъ его владѣтелей Достъ-Мохаммедъ-ханъ и Судтанъ Бабуръ или Баберъ. По словамъ перваго, страна его—одни скалы и камни (History of Afghanistan, by Malleson, 1879, p. 1). По Баберу, горы Авганистана „имѣютъ видъ однообразный: высоты—средней, почва—вообще обнаженная, воды—рѣдки, растительности—никакой, физіономія—печальная и строгая. Впрочемъ, онѣ вполнѣ соответствуютъ своему населенію“ (Mémoires, t. I, p. 311). Надо впрочемъ имѣть въ виду, что во время Бабера Авганистаномъ именовалась только страна Сулеймановыхъ горъ, коренное, истинное отечество авганской народности, въ которомъ, отражая его природу, выработались основныя черты народнаго характера.

По увѣренію г. Б—ича, Кохи-Баба и его вѣтви „составляютъ ту горную область, которую древніе называли Паропамизосомъ (у насъ Параміійскія горы) или Индійскимъ Кавказомъ“ (132). Но еще В. В. Григорьевъ выяснилъ, что Паропамисомъ древніе называли западную часть Хиндукуша, который именовали Кавказомъ, а „прозваніе Индѣйскаго дано этому Кавказу лишь въ новое время учеными Европейскими“ („Кабулистанъ и Кафиристанъ“, 1867 года, стр. 178, 187—189). Не знаю—съ чего взялъ г. Б—ичъ, что „Паропамизосъ“ у насъ называютъ „Параміійскія горы“. Даже извращеніе Паропамизоса въ „Паропамизосъ“ встрѣчается весьма рѣдко не въ видѣ опечатки, компетентные же наши авторы пишутъ Паропамисъ, какъ Григорьевъ, или Паропамизъ, какъ Ханыковъ, названія же „Параміійскихъ горъ“, еще болѣе извращеннаго, они не вѣдаютъ. Неправильно также называетъ г. Б—ичъ хребетъ Тирбандъ-и-Туркестанъ всѣхъ картъ *) и описаній „Турбанъ-и-Туркестаномъ“.

*) Кроме карты при книжкѣ Симона, гдѣ Turban-i-Turkestan, но на картѣ при

Симоновскій (р. 7) Tukht-i-Suliman вмѣсто Takht-i-Suliman, какъ написано правильно на картѣ Маллесона, обращенъ нашимъ авторомъ въ „Пухти-Сулиманъ или тронъ Соломона“ (132): на самомъ дѣлѣ эта вершина называется Тахти-Сулейманъ, что дѣйствительно значить „тронъ Соломона“, тогда какъ Пухти-Сулиманъ можетъ значить лишь „гора Соломона“.

Горный округъ Сиби или Сиви, или Сивистанъ (Sewestan на картѣ при Исторіи Авганистана Маллесона, къ которой всего ближе подходитъ карта при книжкѣ Симона), лежащій въ Сулеймановской горной системѣ, на юго-востокѣ, между горами Чапаръ и восточнымъ Сулеймановскимъ хребтомъ, по линіи между Дера-Гази-ханомъ и Пишиномъ, III. Симонъ неправильно называетъ Сеустаномъ (Seouestan). Упомянувъ о томительной знойной температурѣ въ этомъ округѣ, онъ приводитъ стихи неназваннаго персидскаго поэта: „Боже, сотворившій Сеустанъ, зачѣмъ ты создалъ адъ?“ (р. 20).

На самомъ дѣлѣ это не стихотвореніе, а пословица, гласящая: Боже, для чего было, послѣ сотворенія Сивистана, создавать адъ (L'Afghanistan, par N. Perrin, Paris, 1842, p. 35)?.

Г. Б—ичъ, во-первыхъ, обратилъ симоновскій Сеустанъ въ Сецестанъ и, во-вторыхъ, помѣстилъ его въ Сецестанъ, въ сосѣдство съ низовьями Хильменда и Хамуна, гдѣ будто бы находится „Сецестанская, Саистанская и др. пустыни“ (стр. 132 и 134). По его же замѣчанію, такъ какъ Гельмундъ „лежитъ поперекъ дороги Англичанъ изъ Кветты въ Кандагаръ, то какъ это обстоятельство, такъ и то что лѣвый, или южный, берегъ Гельмунда командуетъ надъ правымъ, составляютъ интересныя детали въ стратегическомъ отношеніи“. Въ дѣйствительности Хильмендъ не лежитъ между Кветтою и Кандахаромъ, а пересѣкаетъ дорогу отъ Кандахара въ Хератъ. Такъ и значится у Симона (р. 16), котораго авторъ нашъ, оказывается, не повѣлъ: „Лѣвый или южный берегъ Хельменда выше праваго или сѣвернаго: подробность, интересная съ стратегической точки зрѣнія, ибо Хельмендъ находится на дорогѣ между Кандахаромъ и Хератомъ, и англійская армія, которая направилась бы изъ Кветты въ этотъ послѣдній городъ (т. е. въ Хератъ), должна была бы перейти черезъ эту рѣку“.

Климатъ Авганистана, „смотря по широтамъ, или очень холодный, или очень теплый,—зима такъ же сурова какъ въ Сибири, лѣто такъ же знойно какъ въ Бенгаліи“ (133). Въ дѣйствительности, различія въ климатѣ разныхъ мѣстностей въ Авганистанѣ зависятъ, главнымъ образомъ, не отъ широты (вся страна лежитъ на протяженіи градусовъ восьми), а отъ высоты надъ уровнемъ моря: всѣхъ путешественниковъ, начиная съ судана Бабера, History of Afghanistan by Malleson, служившей картѣ Симона источникомъ, значится правильно Tirband-i-Turkestan.

поражало различіе въ климатѣ и растительности между нижней и верхней частями долины Кабуль-дарьи, хотя широта почти одинакова. Ссылка нашего автора (134), вслѣдъ за Симономъ (р. 18), въ доказательство знойности Авганистана, на температуру „въ окрестностяхъ Кея“, опредѣленную Ловетгомъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ 125° Фаренгейта, не достигаетъ цѣли, потому что Кеджъ (Kej), а не Кей, находится не въ Авганистанѣ, а въ Белучжистанѣ, градусы въ четырехъ южнѣе самыхъ южныхъ пунктовъ Авганистана, и притомъ невысоко надъ уровнемъ моря, которое находится верстахъ въ ста. Приравненіе суровости зимы къ сибирской есть, во всякомъ случаѣ, напрасное преувеличеніе. На сѣверѣ и югѣ страны „климатъ сухой и здоровый“: да, если не обращать вниманія на лихорадки балхскія, кундузскія, сеистанскія и вообще всѣхъ низкихъ долинъ, которыя губятъ европейцевъ, да не щадятъ и туземцевъ.

Гг. Симонъ и В—ичъ повидимому не оцѣнили значенія для климата и производительности страны атмосферной влажности и условій ея распредѣленія, отъ которыхъ зависить растительность страны. „Сильная и многотѣнная растительность встрѣчается лишь въ сѣверной половинѣ Авганистана, въ искусственно орошенныхъ долинахъ и по берегамъ рѣкъ“ (134). На самомъ дѣлѣ, благодаря вліянію достигающихъ частію сюда муссоновъ, склоны Хиндукуша, отчасти даже западнаго, особенно южные, богаты травами и деревьями, даже лѣсами, въ всякой зависимости отъ почти несуществующаго въ нихъ искусственнаго орошенія и отъ рѣкъ. Есть мѣстами, въ подобной зависимости, растительность и въ Сулеймановыхъ горахъ. Такъ хвалятъ растительность Хайсагара или Тахти-Сулеймана и увѣряютъ, что тутъ можно найти всѣ растенія и деревья, встрѣчающіяся въ другихъ странахъ (Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan etc., by Ch. Masson, London, 1842, vol. I, p. 48).

„Исключая лишь нѣкоторыя области юго-востока, почва всей страны родитъ изобильно рисъ, кукурузу, пшеницу, ячмень“. Если это вѣрно, то какимъ образомъ не хлѣбные продукты, а плоды составляютъ „главную пищу населенія въ теченіе года какъ въ свѣжемъ видѣ, такъ и въ сушеномъ“ (134)? Отвѣта у нашего автора не находимъ, но объясненіе заключается въ томъ, помимо недостатка во многихъ мѣстахъ воды, что „страна вообще весьма бѣдна почвою способною къ воздѣлыванію, такъ какъ огромныя ея пространства заняты или голыми скалами, или дровою... Всякій лоскутъ удобной къ воздѣлыванію не остается втунѣ, такъ-что если Кабулистанъ славится своимъ плодородіемъ, обязанъ онъ этимъ не столько природѣ, сколько упорному труду человѣка“ (Григорьевъ „Кабулистанъ и Кафиристанъ“, стр. 371 и 372). Въмѣсто изобилія, производство хлѣбныхъ растеній столь не-

достаточно, что населеніе во многихъ мѣстностяхъ вынуждено, за неимѣніемъ хлѣба, питаться мукою изъ сушеныхъ ягодъ шелковицы и сырыми или сушеными плодами, которые причиняютъ кишечныя и желудочныя болѣзни.

Въ фаунѣ „высокихъ долинъ Гиндукуша“ авторъ напрасно помѣстилъ „малорослыхъ львовъ“ и пропустилъ тигровъ. На львовъ слухи указывали только въ горахъ около Кабула, но зоологи въ существованіи ихъ сомнѣваются. На тигра же охотился въ окрестностяхъ Пишавера султанъ Баберъ.

Къ скуднымъ свѣдѣніямъ изъ Симона о произведеніяхъ и минеральныхъ богатствахъ страны г. В—ичъ добавилъ, изъ неуказанныхъ источниковъ, нѣсколько цифръ объ оборотахъ внѣшней торговли Авганистана съ нашей Средней Азіей и Индіей, дѣлая изъ нихъ заключеніе, что размѣры первой во много разъ превышаютъ обороты послѣдней. Подобныя цифры дѣйствительно встрѣчаются въ англійскихъ справочныхъ книжкахъ. Напр., въ Stanford's Compendium of Geography and Travels, Asia, vol. II, by A. H. Keane, London, 1896, p. 52, находимъ, что ввозъ въ Авганистанъ изъ Индіи (въ 1893 г.) оцѣнивался въ 68 т. фунтовъ стерлинговъ, и изъ русской Центральной Азіи и Бухары 394 т. ф. ст., а всего 462 т. ф. ст. Вывозъ въ Индію равнялся 34 т. ф. ст., въ русскую центральную Азію 398 т. ф. ст., а всего 432 т. ф. ст. Цифры эти, однако, весьма сомнительны уже потому, что главными предметами вывоза изъ Авганистана въ русскія владѣнія и Бухару служатъ индійскій зеленый чай, кисея и индиго, которые провозятся чрезъ Авганистанъ и, безъ сомнѣнія, составляютъ главную часть его вывоза, въ цифрѣ котораго и значатся, но въ привозѣ изъ Индіи въ Авганистанъ почему-то не показываются. Въ виду этого предполагаемый г. В—ичемъ громадный перевѣсъ оборотовъ бухарско-русской торговли съ Авганистаномъ надъ оборотами торговли Авганистана съ Индіей есть явная ошибка. Сверхъ того, г. В—ичу осталось неизвѣстнымъ, что въ послѣдніе годы въ торговлѣ средней Азіи съ Индіей, въ которой Авганистанъ былъ лишь посредникомъ, совершились радикальныя перемѣны, совершенно видъ ея измѣняющія. Такъ уже съ начала девяностыхъ годовъ, избѣгая платежа пошлинъ въ Авганистанѣ и обращаясь къ болѣе дешевой морской перевозкѣ, чай стали направляться въ среднюю Азію не сухимъ путемъ чрезъ Авганистанъ, а моремъ чрезъ Персидскій заливъ въ Персію и чрезъ нее на Каспійское море и закаспійскую желѣзную дорогу. Съ 1895 г., со включеніемъ бухарскихъ и хивинскихъ владѣній въ русскую таможенную черту, торговля индійскимъ чаемъ и пр. чрезъ Авганистанъ должна была еще сократиться, тѣмъ болѣе, что чай этотъ направился главнымъ образомъ даже не чрезъ Персію, а чрезъ Суэзскій каналъ, Батумъ и закаспійскую желѣзную дорогу. Въ результатѣ, по свѣдѣніямъ за 1895 г. („Вѣстникъ Финансовъ“ и пр., 1897 г.,

№ 35, „О внешней торговлѣ Россіи по азіатской границѣ за 1895 г.“), привезено изъ Авганистана жизненныхъ припасовъ (подъ этой рубрикой значатся и чай) на 577 т. р. и издѣлій (кислот и т. д.) 200 т. р., итого привозъ 702 т. р. (по прочимъ рубрикамъ въ источникѣ нашего свѣдѣнія о привозѣ изъ Авганистана нѣтъ, но цифры должны быть незначительны). Вывозъ въ Авганистанъ сырыхъ и полуобработанныхъ материаловъ опредѣленъ въ 38 т. р., животныхъ на 2 т. р. и издѣлій на 558 т. р., итого (безъ жизненныхъ припасовъ, о которыхъ цифры для Авганистана въ нашемъ источникѣ нѣтъ) вывезено въ Авганистанъ на 598 т. р.

Торговля наша съ Авганистаномъ въ послѣдніе годы ведется почти исключительно чрезъ Авганскій Туркестанъ и Кабуль. О положеніи ея на границѣ съ Хератской областью, — т. е. именно тамъ, гдѣ земли наши непосредственно примыкаютъ къ Авганистану, который въ другихъ мѣстностяхъ вездѣ отдѣленъ отъ насъ бухарскими землями, за исключеніемъ небольшого пространства на Памирахъ, — даютъ понятіе слѣдующія строки изъ „Обзора Закаспійской области за 1896 г.“ (стр. 147 и 148): „Торговля сношенія съ Авганистаномъ были попрежнему стѣснены недружелюбными отношеніями къ намъ, подъ англійскимъ вліяніемъ, авганскихъ властей. Прямые пути въ Гератъ и далѣе внутрь страны были попрежнему закрыты для нашихъ торговцевъ, кромѣ туземцевъ. Въ виду этого торговля съ Авганистаномъ выразилась самыми скромными цифрами и ведется исключительно по долигѣ Мургаба, черезъ Пендинскую таможенную, находящуюся въ сел. Тахта-Базаръ. Въ отчетномъ году, по свѣдѣніямъ Закаспійскаго таможеннаго округа, совсѣмъ не было вывоза отъ насъ въ Авганистанъ, а привозъ къ намъ авганскихъ товаровъ уменьшился противъ предшествующаго года, спустившись до цифры 104 т. р. *) (въ 1895 г. ввезено къ намъ на 183 т. р., а вывезено на 21 т. р.). Позволительно надѣяться, что съ проведеніемъ желѣзной дороги до границы Авганистана торговля наша съ этой страной получить должно оживленіе“. Сомнительно, чтобы эти надежды оправдались въ ближайшемъ будущемъ. Помимо „недружелюбныхъ отношеній къ намъ“, эмиръ Абдэррахманъ-ханъ, повидимому, вообще не любитъ желѣзныя дороги. Такъ, онъ до сихъ поръ „бойкотируетъ“, по выраженію майора А. С. Yates, англійскую желѣзную дорогу, доведенную отъ Инда до Новаго Чеме́на и отдѣленную отъ Кандахара равниной, тогда какъ на прямомъ пути между кушкинской желѣзной дорогой и Хератомъ лежитъ недежно проходимый горный хребетъ. Эмиръ запретилъ своимъ подданнымъ пользоваться англійской желѣзной дорогой и потому влады ихъ идутъ мимо Новаго Чеме́на на вьюкахъ. Очевидецъ, впро-

*) Скоть, кожи и т. под., исключительно изъ округа Маймене, а не изъ Херата.

чемъ, увѣряетъ, что это запрещеніе, какъ и запретъ на вывозъ хлѣба, не исполняются на практикѣ, хотя за контрабанду полагается въ Авганистанѣ смертная казнь (The Scottish Geographical Magazine, 1898, March, Chaman, by Major Yates, p. 138).

Въ свѣдѣніяхъ нашихъ авторовъ о городахъ Авганистана прежде всего встрѣчаемся опять съ Абуль Фазлемъ: „По словамъ индусовъ, никто не можетъ считать себя господиномъ Индостана, если не обладаетъ Кабуломъ. Такъ говорилъ въ XVI вѣкѣ секретарь Акбара Великаго“ (Ch. Simond, p. 77). „Не овладѣвъ Кабуломъ не будешь владѣть Индостаномъ, говорилъ въ XVI вѣкѣ секретарь Акбара Великаго“ (В—ичъ, стр. 98). Если же справиться съ исторіей, то окажется, что наслѣдовавшій престолъ отца въ Дели въ 1556 году Экберъ двадцать пять лѣтъ властвовалъ въ Индостанѣ, не владѣя Кабуломъ, гдѣ сидѣлъ братъ его Мохаммедъ-Хакимъ; лишь около 1580 г. покушеніе послѣдняго захватить и Пенджабъ повело къ пораженію Мохаммедъ-Хакима и къ подчиненію Кабула Экберу, который оставилъ, впрочемъ, покорившагося брата правителемъ Кабула до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1586 году (History of Afghanistan, by Malleson, 1879, p. p. 181—190).

„Султаны и шахи, владыки Афганистана (географическаго), до созданія изъ него отдѣльнаго государства, нерѣдко, въ ущербъ Персіи, выбирали Кабуль своею резиденціей“ (стр. 98). Спрашивается, какой же могъ быть ущербъ Персіи отъ нахожденія резиденціи владѣтелей Авганистана въ Кабулѣ? Оказывается, что г. В—ичъ неправильно понялъ Симона, который говоритъ, что государи, властвовавшіе надъ Авганистаномъ ранѣе того времени, какъ авганскій старшина, скроилъ себѣ на востокъ Персіи царство на ея счетъ (Симонъ разумѣлъ гильдѣйскаго Миръ-Вейса, возмущившагося противъ Персіи въ принадлежавшемъ ей въ то время Кандахарѣ и основаннаго независимое царство изъ персидскихъ земель), нерѣдко дѣлали изъ Кабула свое любимое мѣстопробываніе (p. 77).

Въ томъ, что Кабуль есть „одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Азіи“ „легко убѣдиться... по существующимъ еще идоламъ Баміана которому въ IX вѣкѣ нашей вѣры принадлежали Кабуль и Газни“ (стр. 99). Идолы Баміана никоимъ образомъ не доказываютъ древности Кабула. Г. В—ичъ опять не понялъ Симона, по которому гигантскіе идолы Баміана доказываютъ древность Баміана, а не Кабула, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упоминаетъ, что въ IX вѣкѣ послѣ Р. Х. Кабуль и Газни платили дань Баміану, и утверждаетъ, что время основанія Кабула „теряется во мракѣ временъ“ (p. p. 79, 80).

„Время и англичане почти разрушили его высокія стѣны и башни, но отремонтированный Бала-Гиссаръ можетъ быть и теперь грозенъ наступающему непріятелю“ (стр. 99). „Во 145 верстахъ къ югу отъ Кабула... располо-

женъ городъ Газни съ сильнѣйшей въ Афганистанѣ крѣпостію“. „Цитадель Газни считалась неприступною до 1839 г., когда Англичане, правда, послѣ очень долгой осады, взяли ее; въ 1842 году Англичанамъ опять-таки стоило большихъ трудовъ овладѣть крѣпостію (осада длилась три мѣсяца) въ которой въ ту эпоху томились въ клоповникѣ всѣ офицеры 27 пѣхотнаго полка, взятые Афганцами въ плѣнъ. Англичане взорвали крѣпость, сожгли и разграбили Газни и изъ богатаго города обратили его въ развалины. Достъ-Магометъ возстановилъ крѣпость, а Ширъ-Али дополнилъ защиту города при помощи русскихъ инженеровъ научившихъ Афганцевъ строить блиндированные казематы“ (стр. 101). Почти все это ошибочно или невѣрно, хотя и взято у Симона. Азіатскія крѣпости могутъ быть грозны лишь для азіатцевъ, при европейскомъ же противникѣ съ нынѣшней артиллеріей онѣ большею частію могутъ быть опасны лишь для своихъ гарнизоновъ. Бала-Гиссаръ, между прочимъ, замѣчательнѣе тѣмъ, что и азіатскимъ врагамъ доставался обыкновенно безъ хлопотъ. Очень долгая осада Газны въ 1839 г. существовала только въ воображеніи Симона (р. 87) или его источника, если вымыселъ этотъ не принадлежитъ ему лично: подошедшій къ Газнѣ 21 іюля 1839 г. и неимѣвшій осадной артиллеріи отрядъ генерала Кина взял ее на разсвѣтъ 23 іюля штурмомъ, удачно взорвавъ одни изъ городскихъ воротъ (History of the war in Afghanistan, by John Kaye, London, 1851, vol. I, p. 442—451). Въ 1842 году Газна была занята отрядомъ генерала Нотта, пришедшимъ наканунѣ, утромъ 6 сентября, такъ какъ оказалась оставленною гарнизономъ и жителями въ теченіе ночи; въ стѣнахъ опустѣвшаго города, состоявшаго изъ развалинъ, англичане нашли лишь нѣсколько индусовъ и нѣсколько сипаевъ 27 полка, бывшаго въ плѣну у авганцевъ послѣ сдачи англійскаго гарнизона цитадели 6 марта 1842 года; плѣнныхъ офицеровъ 27 полка въ Газнѣ не оказалось, потому что всѣ были отправлены въ Кабулъ заблаговременно; уходя изъ Газны къ Кабулу, генералъ Ноттъ велѣлъ взорвать стѣны города и цитадели, въ которой зданія были въ исправномъ видѣ (Kaye, vol. II, p. 602—606), но никакихъ дворцовъ не разрушено, потому что ихъ не было, если не считать губернаторскія помѣщенія въ цитадели (id., vol. I, p. 441), да и быть не могло, ибо газневидскіе дворцы и другія сооруженія были уничтожены около 1152 года гуридомъ Ала-эддиномъ, а затѣмъ городъ былъ еще разрушаемъ при нашествіи монголовъ (Tabakat-i-Nasiri, translated by major Raverty, London, 1881, p. 353, 1042 etc.), съ той же поры Газна не бывала уже столицею значительныхъ государствъ и не могла обзавестись замѣчательными зданіями. Слухи, которыми повѣрилъ Симонъ (р. 88), относительно помощи русскихъ инженеровъ въ улучшеніи укрѣпленій Газны при Ширъ-Али (1863—1879 г.г.) и наученія ими

авганцевъ строить блиндированные казематы, были совершенно неосновательны: если бы въ нихъ была тѣнь правды, то въ 1878 году наши туркестанскіе отряды не оказались бы относительно путей по Афганистану и его населенія въ томъ невѣдѣніи, какое изображено въ цитированной выше запискѣ компетентнаго русскаго генерала.

Изъ Кандахара, по словамъ г. Б—ича, вывозятъ, между прочимъ, „лошадей и джабусъ (пони)“ (стр. 101). Положимъ, у Симона значится (р. 91) „jabus (poneys)“, но все же странно, что г. Б—ичу неизвѣстно, что это животное именуется не джабусъ, а ябу, въ англійской транскрипціи uabu. Невѣдомо почему, г. Б—ичъ слященнымъ долгомъ считаетъ англійскій знакъ множественнаго числа, букву s, воспроизводить въ русской транскрипціи, результатомъ чего явились диковинные джабусъ и разныя племена и народности: дуранисы или дураниссы, вмѣсто дурани или дуранинъ, афридиссы вмѣсто африди или афридінъ и т. д. Не постигаю, почему онъ не пишетъ, уже за одно, понисы, вмѣсто пони, момандсы (momands), вмѣсто моменды, и т. д.

Повторяя, вѣдѣтъ за Симономъ, преувеличенія и ошибки разныхъ публицистовъ, авторъ нашъ утверждаетъ, что округъ Херата „можетъ не медля дать весь необходимый провіантъ и перевозочныя средства для стотысячной арміи“; что Хератъ—„точка опоры занявъ которую можно весь міръ перевернуть“; что „овладѣвъ Гератомъ Россія не только пошатнетъ весь Востокъ до Калькутты и Бомбея, но и до крайнихъ предѣловъ Азіи“; что „если Гератъ попадаетъ въ руки русскихъ..., то въ Индостанѣ не окажется базара на которомъ не будетъ объявлено главенство русскихъ вмѣстѣ съ паденіемъ англійской власти“ и т. д. (стр. 102—104, а у Симона р. р. 93—95). Долина Херируда дѣйствительно плодородна, но избытка хлѣба не производить за неимѣніемъ сбыта; можетъ быть она и дастъ, *) при постоянномъ спросѣ, достаточное для стотысячной арміи количество провіанта (однако, не перевозочныхъ средствъ), но для такого огромнаго увеличенія производства потребуются года, въ продолженіе которыхъ значительная армія не можетъ рассчитывать на продовольствіе изъ мѣстныхъ продуктовъ. Во время осады Херата въ 1838 году персидская армія въ 20—30 т. человекъ находилась временами въ критическомъ положеніи вслѣдствіе недостатка продовольствія которое доставлялось съ большимъ трудомъ и проволочками съ большихъ разстояній изъ персидскихъ предѣловъ („Осада города Герата“, подп. Вларам-

*) Если хватить воды для орошенія дополнительныхъ новыхъ посѣвовъ. Но это весьма сомнительно, потому что вода Херируда, во время полива, разбирается до капли почти и теперь, отчего въ наши предѣлы воды его въ это время не достигаютъ.

берга, въ „Сборникѣ геогр. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 16, стр. 12 и др.). Въ виду этого, мнѣніе г. Лебедева („Въ Индію“, Спб., 1898 г., глава VII) о томъ, что продовольствіе и перевозочныя средства завоевательной арміи должны быть почти полностью обезпечены изъ русскихъ и персидскихъ предѣловъ, совершенно правильно. Согласается съ нимъ всѣ свѣдущіе люди, не ослѣбляемые обманчивыми фантазіями, и относительно неосновательности „мнѣнія, что стоитъ появиться на границѣ Индіи (не въ Хератѣ только) одному нашему корпусу, какъ военное могущество англичанъ будетъ сломлено возставшими народами этой страны“ (тамъ же, стр. 39 и 40). Только для того, чтобы добраться до Инда, счастливо одолѣвъ сопротивление противника и обезпечивая сообщенія, необходимы, по его расчетамъ, можетъ быть даже слишкомъ оптимистичнымъ, 230 т. ч. и три кампаніи, т. е. два-три года. Дѣйствія за Индомъ едва затронуты г. Лебедевымъ, по недостаточности, мнѣ кажется, матеріаловъ, но, конечно, потребуютъ значительныхъ добавокъ войскъ и затратъ новыхъ сотенъ милліоновъ. Наши мечтатели полагаютъ, „что когда русская армія продвинется къ сторонѣ р. Инда на столько, что англичане сознаютъ опасность, то сіи послѣдніе немедленно предложатъ условія мира, который и будетъ заключенъ“: „за обезпеченіе владѣнія англичанъ въ Индіи, что вполне зависитъ отъ Россіи, эта послѣдняя держава вправѣ требовать обезпеченія владѣнія Чернымъ моремъ“ („Страница изъ исторіи восточнаго вопроса“, 1885 г., стр. 1410 и 1411), и конечно очень, очень многого другого. Надо, однако, не знать характера англійскаго народа, который ясенъ изъ его исторіи, чтобы допустить возможность заключенія мира, оставляющаго сохраненіе обладанія Индією въ зависимости отъ иностранной державы, утвердившейся въ Авганистанѣ или на Индѣ. Между тѣмъ мы знаемъ, что Англія вела многіе годы борьбу съ силами всей Европы и, благодаря власти на моряхъ, вышла изъ нея непобѣжденной.

По увѣренію г. Б—ича, англійскіе инженеры „пытались обратить Гератъ въ современную крѣпость“, но эмиръ отказался отъ ихъ услугъ (стр. 103). Видимо неимѣющій точныхъ свѣдѣній объ истинномъ положеніи укрѣпленій Херата и полагающій, что гарнизонъ состоитъ изъ 7 т. ч., при 72 орудіяхъ, г. Лебедевъ думаетъ, что нашему отряду въ 50 т. ч. „будетъ вполне достаточно 4—5 недѣль для того, чтобы водрузить русскій флагъ на стѣнахъ Герата“, англійскія же войска во всякомъ случаѣ не успѣютъ прійти на выручку (стр. 67—69). Но, во-первыхъ, весьма мало вѣроятно, что укрѣпленія Херата оставлены въ состояніи, не позволяющемъ болѣе или менѣе продолжительной обороны, и во-вторыхъ, трудно допустить, чтобы англичане безучастно смотрѣли на скопленіе войскъ и приготовленія въ закаспійской

области и дождался объявленія войны, не усиливъ заблаговременно гарнизонъ Херата и не двинувъ войскъ для его поддержки, — если, конечно, англійское правительство не остановится окончательно на такомъ планѣ войны, который сосредоточить ее на оборонѣ Сулеймановыхъ горъ, предоставивъ русскимъ войскамъ отдаляться отъ своей базы въ враждебной и неимѣющей средствъ продовольствія странѣ до англійскихъ позицій.

Разумѣется, на шести страницахъ (131—136, сверхъ того описаніе городовъ на стр. 98—103) трудно дать обстоятельный географическій очеркъ Авганистана, но можно сдѣлать его весьма мало удовлетворительнымъ, если излагать орографію страны, вмѣсто геологическихъ основъ, съ псевдо-стратегической точки зрѣнія; если утверждать, что климатъ горной страны зависитъ главнымъ образомъ отъ широтъ, а не отъ высотъ надъ уровнемъ моря; если упустить изъ вида значеніе для растительности, животнаго царства и вообще производительности страны количества атмосферной влаги и ея распредѣленія; если сохранить ошибки своихъ источниковъ и надѣлать новыя, и т. д.

Перейдемъ теперь къ этнографической части труда г. Б—ича.

IV. Населеніе Авганистана.

„Нынѣ почти доказано..., что первоначально Афганцы занимали высокія долины расположенныя между Индомъ, Аму-Дарьей и Кабуль-Дарьей“ (стр. 139). Симонъ не столь категориченъ. Онъ признаетъ неосновательными легенды объ еврейскомъ происхожденіи авгановъ (какъ и г. Б—ичъ, за нимъ) и считаетъ первоначальное обитаніе ихъ въ высокихъ долинахъ и т. д. лишь болѣе вѣроятнымъ (р. 104). Однако, это предположеніе всего менѣе вѣроятно, потому что не имѣетъ за себя ничего, противнаго же не мало. Такъ, аборигенами Хиндукуша были уцѣлѣвшіе отчасти въ Кафиристанѣ племена неизвѣстной расы съ языкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ авганскимъ и вообще арійскими (The Kafirs of the Hindu-Kush, by sir George Scott Robertson, London, 1896, p. p. 78, 157 etc.). Эти аборигены были покорены и большею частью истреблены племенами индійскаго происхожденія, извѣстными со времени появленія мусульманства подъ именемъ кафировъ. Подтверждается историческими данными и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на сѣверѣ отъ Кабуль-дарьи авганы появились недавно, именно въ бассейнѣ Пянджкоры, Свата и Кунара лишь въ XV вѣкѣ, а выше по Кабуль-дарьѣ на столѣтіе или подтора ранѣе. Вездѣ на сѣверѣ отъ Кабуль-дарьи авганы встрѣчали язычниковъ, кафировъ, на востокѣ индійскаго, на западѣ перскаго происхожденія.

Существованіе авгановъ впервые „исторически засвидѣтельствовано въ

восьмомъ столѣтіи нашей эры, въ эпоху когда они утвердились въ окрестностяхъ Гора, въ центрѣ нынѣшняго Афганистана. Мусульманское нашествіе поглотило ихъ и силою массами обратило въ исламъ“ (стр. 139, у Симона р. 104). Основанія этихъ утвержденій не указаны, но заключаются они въ басняхъ и вымыслахъ авганскихъ писателей XVI—XVIII столѣтій, которые не подтверждаются или опровергаются свидѣтельствами болѣе раннихъ и достовѣрныхъ историковъ. Населеніе Гура, т. е. бассейна верховьевъ Херируда и бассейновъ вершинъ Хильменда и другихъ сѣверныхъ притоковъ озера Хамуна или Заре, было отнюдь не авганскимъ, а таджикско-иранскимъ, въ смѣси, вѣроятно, съ предшествовавшими аборигенами не-арійскаго происхожденія. Въ настоящее время потомствомъ гурійцевъ являются отчасти хезаре и аймаки, образовавшіеся изъ смѣшенія гурійцевъ и другихъ мѣстныхъ народовъ съ тюрками и монголами, водворившимися въ странѣ въ XIII вѣкѣ и позднѣе, и говорящіе теперь болѣею частію персидскимъ языкомъ, заимствованнымъ у гурійцевъ. Обращеніе населенія Гура въ VIII вѣкѣ массами въ исламъ опровергается свидѣтельствами арабскихъ географовъ X вѣка Истахри и Ибнъ-Хаукала о томъ, что населеніе Гура пребывало въ ихъ время въ большинствѣ въ язычествѣ. О томъ же свидѣствуетъ Отби, писатель начала XI вѣка, который описываетъ покореніе Гура газневидами. Этотъ Отби есть первый пока историкъ, знающій авгановъ. Онъ упоминаетъ ихъ, на юго-востокѣ отъ Кабула, обитающими въ трудно доступныхъ горахъ. Еще опредѣленнѣе выясняетъ обитаніе авгановъ въ Сулеймановыхъ горахъ, которыя, безъ сомнѣнія, и были ихъ кореннымъ гнѣздомъ, современникъ Отби Альбируні: „Въ горахъ, которыя образуютъ западную границу Индіи, обитаютъ разныя племена авганскія, простираясь до долины Синда“.

Какой расѣ или семейству народовъ принадлежатъ авганы, Симонъ и г. В-ичъ умалчиваютъ, о языкѣ же говорятъ, что „корни афганскаго языка, пухту, или пушту, находятся въ персидскомъ, санскритскомъ, арабскомъ и древне-еврейскомъ языкахъ, но громадное количество словъ пушту не имѣетъ источника“ (стр. 139, р. 105)*). Симонъ пользовался столь устарѣлыми источниками, что не зналъ, что еще во второй и третьей четвертяхъ настоящаго вѣка существованіе въ авганскомъ языкѣ древне-еврейскихъ (впрочемъ, у Симона сказано просто „еврейскихъ“, а не „древне-еврейскихъ“, какъ у г. В-ича) корней лингвистами отвергнуто вмѣстѣ съ существованіемъ самобытныхъ корней и словъ, признанныхъ, во всякомъ случаѣ, арійскими. Шель

*) Въ примѣчаніи на стр. 139 г. В-ичъ писалъ: «Какъ увидимъ дальше, при дворѣ эмира, въ высшемъ афганскомъ обществѣ и въ дипломатическихъ перепискахъ употребляется исключительно персидскій языкъ». Это общаніе авторъ нашъ потомъ забылъ, потому что дальше по этому предмету ничего нѣтъ.

споръ только о принадлежности пушту къ языкамъ иранскимъ или къ языкамъ индійскимъ. Споръ этотъ новѣйшимъ изслѣдователемъ авганскаго языка Дармстетеромъ рѣшенъ, кажется окончательно, въ пользу иранскихъ. Авганскій языкъ „происходитъ отъ зендскаго или отъ діалекта, очень похожаго на зендскій“ (Chants populaires des Afghans recueillis par James Darmesteter, Paris, 1888—1890, Introduction, p. LXII).

Авганы „раздѣляются на пять племенъ подраздѣленныхъ на массу классовъ“ (стр. 138). У Симона: „Они дѣлятся на пять племенъ (tribus), подраздѣляющихся на 405 хейлей или клановъ“ (р. 103). Отсюда ясно, что подраздѣленія племенъ на классы вмѣсто клановъ есть у г. В-ича описка или опечатка, подобно тому, какъ у Нила Бронскаго, въ № 245 „Мировыхъ Отголосковъ“, „Афридисы“ „раздѣляются на пять классовъ“ вмѣсто клановъ, хотя пять авганскихъ племенъ дѣлятся у него „на 405 хайловъ или клановъ“. Ни Симонъ, ни г. В-ичъ не приводятъ именъ пяти племенъ и ничего о нихъ и ихъ происхожденіи не говорятъ, за исключеніемъ племени „кадаланай, которое зоветъ себя патанами, чтобы отличить себя отъ остальныхъ четырехъ“ (р. 104). Все это не совѣтъ вѣрно. Источникомъ свѣдѣній Симона о дѣленіяхъ авганъ на племена и хейли долженъ былъ быть, — хотя чрезъ неизвѣстныхъ посредниковъ въ лицѣ компиляторовъ, которыми пользовался Симонъ, — никто иной, какъ Белью, ибо только у него впервые появилась общая цифра 405 хейлей. Между тѣмъ, по Белью, основывавшемуся на семи рукописяхъ, содержавшихъ сказанія о происхожденіи и исторіи авганъ, авганы дѣлятся на три вѣтви, происходящія отъ трехъ сыновей Каиса, потомка царя Саула; въ этихъ трехъ вѣтвяхъ или группахъ авганскихъ племенъ считается 277 хейлей; остальные (изъ общей цифры 405) 128 хейлей принадлежатъ особой группѣ племенъ, которыя отвергаютъ для себя именованіе авгановъ, называются пухтунами или пуштунами и производятъ себя отъ нѣкоего Каррани или Каралани; къ ней принадлежатъ племена везири, африди, оракзи, ходжіани, хаттакъ и пр. (Journal of a Political Mission to Afghanistan in 1857 etc., by H. W. Bellew, London, 1862, p. p. 57—64). Патанами караланайцы или, правильнѣе по Раверти, керларни себя не называютъ, а зовутъ ихъ такъ индійцы, передѣлавъ имя пухтунъ, которое, впрочемъ, въ древности могло имѣть форму пахтанъ. Во всякомъ случаѣ, патанами индійцы зовутъ не однихъ керларниевъ, занимающихъ только сѣверную половину Сулеймановыхъ горъ, а всѣхъ авгановъ. Это указываетъ на то, что въ древности народнымъ именемъ было пухтунъ, а не авганъ. Имя авганъ — новое, неизвѣстнаго происхожденія. Такъ какъ въ авганскомъ языкѣ нѣтъ буквы ф, то произносится оно авганъ, а не афганъ, какъ говорится и пишется по-персидски. Хезарейцы говорятъ, по Личу, avghoon. За-

падно-европейскіе авторы почти все пишутъ афганъ, Афганистанъ, у насъ же иные, какъ В. В. Григорьевъ, слѣдуютъ ихъ примѣру, но многіе, съ Н. В. Ханыковымъ, предпочитаютъ авганъ, правильно полагая, что этническаго, географическаго и пр. собственныя имена должны быть употребляемы согласно съ мѣстными ихъ произношеніемъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ своемъ языкѣ уже вѣками утвердилось другое. Кстати здѣсь замѣтить, что имена многихъ авганскихъ племенъ и ихъ дѣленій образованы изъ личнаго имени съ приставкою за и, значущею „сынъ“, напр. Юсуф-зай, Орак-зай и т. д.; одного, отдѣльнаго члена племени правильно поэтому называть юсуфзай и т. д., но во множественномъ числѣ и цѣлое племя слѣдуетъ, какъ выяснилъ Раверти, именовать юсуфзи, оракзи и т. д., сообразно формѣ множественнаго числа въ авганскомъ языкѣ (The Afghans Waziris, by major Raverty въ Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1895, January, p. 153). По-русски слѣдовало бы пользоваться этой правильной формой, дающей возможность образованія множественнаго числа съ русскимъ окончаніемъ: юсуфзи, оракзи, оракзин и т. д.

Свѣдѣнія о современныхъ авганскихъ племенахъ и ихъ дѣленіяхъ довольно обильны, такъ что Эл. Реклю справедливо находилъ, что, несмотря на противорѣчивость этихъ свѣдѣній, попытка общей классификаціи племенъ возможна («Всобщая географія», томъ IX, стр. 51, Спб., 1887 г., изд. Ильина). Разумѣется, такая классификація должна быть основана на происхожденіи племенъ и съ своей стороны должна способствовать выясненію этого происхожденія. Наибольше успешныхъ попытокъ въ этомъ направленіи слѣдовало бы ожидать отъ такихъ изслѣдователей, которые, какъ Массонъ, Раверти, Белью, долго жили въ Афганистанѣ или имѣли съ авганами многолѣтнія столкновенія, занимаясь изученіемъ языка, быта, этнографіи и исторіи авгановъ. Надежды эти пока не оправдались. Массонъ ограничился нелишними интереса, по изложеннымъ бездоказательно предположеніями о томъ, что дураніи, по истинному своему имени абдалли, походившему на хефталъ, ефталъ, есть, быть можетъ, потомки ефталитовъ или бѣлыхъ хунновъ; хильджіи—тюркское племя халаджъ; юсуфзи, быть можетъ, происходятъ отъ раджутокскихъ племенъ Индіи или, подобно имъ, суть потомки юечжей; везири и вообще племена Сулеймановыхъ горъ могутъ быть, — скорѣе, чѣмъ остальные авганскія племена, — почитаемы истиннымъ корнемъ авганской расы, существующія же генеалогіи и сказанія, приписывающія авганамъ происхожденіе отъ еврейскихъ царей и патриарховъ, есть лишь результатъ народнаго тщеславія и не заслуживаетъ серьезнаго вниманія (Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan etc., by Ch. Masson, London, 1842, vol. I, Preface, p.p. XII—XIV). Майоръ Раверти, большой знатокъ языка, литературы и исторіи авгановъ, многіе годы уже собирается издать результаты своихъ изслѣдованій о происхожденіи, племенахъ и исторіи авгановъ, но къ сожалѣнію намѣреніе это еще не исполнено. Имѣвшій нѣсколько случаевъ про-

должительнаго пребыванія въ Афганистанѣ и служившій долго на его индійскихъ границахъ, трудолюбивый докторъ Белью успѣлъ незадолго передъ смертію издать интересное изслѣдованіе по этнологіи Афганистана—An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, London, 1891, 208 стр., in—8°.

Въ предварительныхъ замѣткахъ по поводу этого труда, помѣщенныхъ въ The Imperial and Asiatic Quarterly Review (October, 1891, p. 267), Белью говоритъ, что «нелѣпыя этимологіи и безсмысленныя сказанія мусульманскихъ генеалоговъ, придуманныя для объясненія носимыхъ разными патавскими племенами именъ, вытѣснили преданія, прежде ходившія въ народѣ. Но къ счастью собственныя имена рѣдко извращены до неузнаваемости, по крайней мѣрѣ имена наиболѣе распространенныхъ и наиболѣе извѣстныхъ племенъ; хотя мусульманскія передѣлки иногда совершенно вытѣснили коренныя имена, но старыя имена иногда употребляются совмѣстно, какъ второстепенныя названія, или сохранены въ именахъ сосѣднихъ племенъ. Родовыя преданія, хотя и сильно извращенныя мусульманскимъ вліяніемъ, болѣею частію удерживаютъ однако слабыя слѣды или туманныя черты оригинала». Въ An Inquiry Белью привелъ имена народовъ и племенъ, упоминаемыхъ на пространствѣ нынѣшняго Афганистана древними классическими писателями: Геродотомъ, историками Александра Македонскаго, Страбономъ, Плиніемъ, Птолемеемъ и пр., и нашелъ, что не только обитавшіе въ предѣлахъ Афганистана, но и большая часть другихъ народовъ и племенъ геродотовскихъ временъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Афганистаномъ въ Иранѣ, Сиріи, Малой Азіи и даже Греціи, имѣютъ представителей въ лицѣ нынѣшнихъ авганскихъ племенъ и ихъ вѣтвей. Такъ, народы второй персидской сатрапіи авганскихъ племенъ и ихъ вѣтвей. Такъ, народы второй персидской сатрапіи Геродота, мизійцевъ, лидійцевъ, кабаловъ, хигенійцевъ онъ узнаетъ въ нынѣшнихъ авганскихъ племенахъ и вѣтвяхъ муса (-хейль), лоди, кабулъ (-хейль) и хугани. Саттагиды, дадики и апариты седьмой сатрапіи оказываются авганскими хаттаками, дади и афридіями. Сагартійцы, заранги или драуги и утииы четырнадцатой сатрапіи уцѣлѣли въ лицѣ сахари (вѣтвь хаттаковъ), дураніевъ и отманъ-хейлей, причѣмъ между прочимъ Белью не даетъ никакихъ объясненій по поводу того факта, что дураніи до Ахметъ-шаха носили имя абдаліевъ и что имя дураніевъ далъ имъ именно этотъ государь, въ связи съ принятымъ имъ титуломъ дури-дурапъ. Часто встрѣчающіяся вѣтви авганскихъ племенъ юнусъ, али и ака суть греческія племена іонійцевъ, эолійцевъ, ахейцевъ. Все племена, на которыя дѣлились по Геродоту персы въ ихъ отечествѣ, а именно маспіои, марафон, германои, пантіалои, дерузи, даи, дропикои и сагартои, найдены нашимъ ученымъ въ Афганистанѣ: юсуфзи, мару, рѣка Курамъ, урочище Пандіали, въ странѣ мохмендовъ, по которому носить свое имя одна изъ вѣтвей этого племени, племя дерези или дерзай на востокъ отъ Херата (можетъ быть вѣтвь ливанскихъ друзовъ), дахи (племя хезарейцевъ), дерби, раджутокскій родъ, или дербеки, небольшой родъ между аймаками, сагери или сехри у хаттаковъ. Дѣлая эти идентификаціи, Белью вмѣстѣ съ тѣмъ отождествляетъ тѣ же частію имена и множество другихъ съ именами родовъ раджутокскихъ и частъ и ихъ

подраздѣлений индусскихъ. По пути Белью приводитъ дѣленія авганскихъ племенъ съ указаніемъ ихъ мѣстообитанія, а иногда и численности, а также нѣкоторыя генеалогическія сказанія, къ сожалѣнію слишкомъ кратко, безъ указанія источниковъ и варіантовъ. Никакихъ общихъ выводовъ и какой либо теоріи происхожденія авгановъ и ихъ племенъ Белью не далъ. Онъ желалъ помѣстить въ своемъ трудѣ собранныя во время путешествій и столкновеній съ народностями Авганистана факты и замѣтки, относящіяся къ этнологіи страны. Признавая свои замѣтки отрывочными и недостаточными, Белью все же надѣялся, что собранные имъ факты и нѣкоторыя указанія могутъ быть не бесполезны для позднѣйшихъ изслѣдователей, обладающихъ больше, чѣмъ онъ, нужными знаніями по исторіи Востока и большими методологическими способностями (р.р. 37, 53 и др.).

Всѣ отождествленія именъ авганскихъ племенъ и вѣтвей съ именами народовъ, обитавшихъ и въ древности въ предѣлахъ Авганистана, не могутъ быть признаны правильными, такъ какъ основаны лишь на весьма дальнемъ сходствѣ нѣкоторыхъ звуковъ и ничѣмъ болѣе не подкрѣпляются, тогда какъ происхожденіе авганскихъ племенъ и ихъ вѣтвей отъ ничтожнаго числа іонійцевъ, эолійцевъ, ахейцевъ, лидійцевъ, отъ разныхъ народовъ Малой Азіи (между прочимъ киликійцевъ, которыхъ Белью отождествляетъ съ гильджіями, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднихъ за тюркское племя), Персін и т. д. рѣшительно невѣроятно. Нѣкоторыя, весьма впрочемъ немногія, отождествленія народовъ, въ древности жившихъ въ предѣлахъ нынѣшняго Авганистана, напр. апаритовъ съ афридіями, могутъ быть приняты въ соображеніе, но большинство и такихъ идентификацій не можетъ быть признано достовѣрнымъ и даже сколько нибудь вѣроятнымъ, напримѣръ, отождествленіе юсуфзиевъ съ аспіями, обитавшими около нижняго теченія Кабуль-дарьи, потому что звуковое сходство слишкомъ отдаленно, и притомъ же мы знаемъ, что юсуфзины прибыли на Кабуль-дарью лишь въ XV вѣкѣ, а потому Белью долженъ былъ прибѣгнуть къ мало вѣроятному предположенію, что аспіи уходили за Кандахаръ и оттуда вновь попали на Кабуль-дарью подъ именемъ уже юсуфзиевъ. Отождествленія нѣкоторыхъ раджпутскихъ и индійскихъ племенныхъ, родовыхъ и кастовыхъ именъ съ именами авганскихъ племенъ и вѣтвей могутъ быть приняты во вниманіе, подкрѣпляя давно сдѣланное общее предположеніе о значительной примѣси къ кореннымъ авганамъ племенъ сосѣдней Индіи. Но если бы можно было допустить правильность всѣхъ идентификацій Белью, не исключая греческихъ, малоазійскихъ и персидскихъ, все же это нисколько не объяснило бы происхожденія авганскаго народа, ибо осталось бы неизвѣстнымъ: какимъ образомъ и откуда взялись весьма отличные отъ языковъ, типовъ, характеровъ и проч. всѣхъ отождествленныхъ съ его племенами и вѣтвями древнихъ народовъ Греціи, Малой Азіи, Персін и Индіи авганскій языкъ, авганскій антропологическій типъ, авганскій народный характеръ, авганскій бытъ и обычаи, все тождественныя у авганскихъ племенъ и вѣтвей, производимыхъ отъ народовъ и племенъ различныхъ языковъ, типовъ, нравовъ и характеровъ.

Происхожденіе авганскаго народа и его племенъ объяснить невозможно, не допустивъ первоначальнаго существованія особаго иранскаго племени на границѣ между Ираномъ и Индіею, которое, выработавъ основныя черты авганскаго языка, типа и характера, распространилось изъ этого первобытнаго гнѣзда, принимая постепенно въ свой составъ, въ качествѣ племенъ и вѣтвей, части сосѣднихъ и приплыхъ народовъ и племенъ и обавганивая ихъ, т. е. надѣлая ихъ вмѣстѣ съ частицами своей крови чертами своего типа, своимъ языкомъ, народнымъ характеромъ и бытомъ.

Если принять въ должное соображеніе тотъ основной фактъ авганской жизни и исторіи, что народъ этотъ находится на извѣстной ступени развитія чловѣческихъ обществъ, которая именуется родовымъ бытомъ, сохранивъ до сихъ поръ въ значительной степени скотоводческій и кочевой образъ жизни; если изучать народныя авганскія генеалогическія сказанія, принимая во вниманіе свойственныя имъ, — какъ подмѣчено въ такихъ же сказаніяхъ другихъ народовъ, пребывающихъ въ родовомъ и кочевомъ бытѣ, — особенности, дающія указанія на постороннія примѣси, вошедшія въ составъ племенъ или образовавшія въ составѣ народности особыя племена; если, наконецъ, воспользоваться различными, относящимися къ выясненію происхожденія авганской народности и ея дѣлений историческими и другими данными, то можно прійти къ слѣдующимъ, весьма вѣроятнымъ, заключеніямъ: Корнемъ авганскаго народа были керларніи, именующіе себя понынѣ пухтунами, подъ какимъ именемъ они были уже извѣстны Геродоту (пактіи), китайскимъ историкамъ около Р. Х. (пу-гу или пу-ду) и индійцамъ съ древнѣйшихъ временъ (патанъ), обитая уже, въ качествѣ одной изъ восточныхъ вѣтвей иранскихъ народовъ, на границѣ съ индо-арійцами, въ сѣверной половинѣ Сулеймановыхъ горъ. Въ Сулеймановыхъ же горахъ жили, главнымъ образомъ, авганы и во время прінятія мусульманства, такъ какъ въ Меккѣ именуются они понынѣ не авганами, а сулейманіями. — Остальныя три группы авганскихъ племенъ произошли отъ выселившихся изъ сѣверной половины Сулеймановыхъ горъ пухтунскихъ отраслей, смѣшавшихся на новыхъ мѣстахъ съ различными народностями или принявшихъ въ свой составъ крупныя инородныя массы въ качествѣ особыхъ племенъ. Древнѣйшимъ такимъ отвлѣченіемъ была группа племенъ гаргаштъ, главное племя которой (какры) считается нынѣ не менѣе 200 т. д.; эта группа занимаетъ южную половину Сулеймановыхъ горъ и должна была получить здѣсь густую примѣсь брахми и белучжей. — Вторая, выселившаяся, вѣроятно, частію изъ вѣтвей керларніевъ, частію изъ родовъ гаргаштовъ, на юго-западъ отъ Сулеймановыхъ горъ, была группа сарбанійская; къ ней принадлежитъ союзъ или вѣтвь каши или кахи, въ которой первое мѣсто занимаетъ племя юсуфзи; эта вѣтвь каши въ XIII или XIV вѣкѣ передвинулась на сѣверо-востокъ къ Кабулу и отсюда въ XV столѣтіи перешла въ

низовья Кабуль-Дарьи, занявъ лѣвый ея берегъ. Другому племени той же группы, абдалліамъ, вышедшимъ, можетъ быть раньше юсуфзиевъ, съ юга Сулеймановыхъ горъ (небольшое племя той же сарбанійской группы китранъ является и нынѣ самымъ юго-восточнымъ авганскимъ племенемъ), суждено было, благодаря отчасти одному изъ его родоначальниковъ Ахмедъ-шаху, стать съ половины XVIII вѣка во главѣ авганскихъ племенъ и дать двѣ династіи, изъ которыхъ вторая продолжаетъ и теперь, съ 1818 г., властвовать въ Авганистанѣ; абдалліи, переименованные Ахмедъ-ханомъ въ дураніевъ, занимаютъ юго-западную окраину Авганистана отъ Кандахара къ Херату. — Последняя группа авганскихъ племенъ производится отъ третьяго сына Канса Бетени, но изъ 77 ея хейлей только 25 считаются потомствомъ сыновей Бетени, остальные же признаются происходящими отъ дочери его, вступившей въ связь съ нашедшимъ у Бетенія убѣжище царевичемъ владѣтельной фамиліи Гура, изгнаннымъ изъ своего отечества. Такъ какъ она вступила съ нимъ потомъ въ бракъ, то зачатый до брака сынъ ея получилъ имя Гильзай (зай — сынъ, гелъ — грѣхъ, преступленіе, воровство), отъ второго же, уже законнаго, сына ведутся роды лоди и суръ. Отъ Гильзая происходитъ племя гильзай, гильджи, хильджи. Патриархально-родовой бытъ выдѣляется на кровномъ родствѣ членовъ рода по мужскимъ только линіямъ, вслѣдствіе чего потомство дочерей отъ чужеродцевъ не можетъ, строго говоря, причисляться къ роду матери, а принадлежить роду отца. Но въ дѣйствительности, по разнымъ случайностямъ, въ составъ племенъ и родовъ попадаютъ иноплеменники и инородцы, иногда производящіе многочисленное потомство, которое образуетъ цѣлые роды и племена. Эти пришельцы, по необходимости, включаются въ генеалогіи, но не какъ родные сыновья, а въ качествѣ пріемышей, дѣтей дочерей и т. п. Въ данномъ случаѣ хильджи, лоди и суръ самими генеалогическими сказаніями указываются какъ племена не авганскаго, чуждаго происхожденія, но обавганившіяся и примкнувшія къ племенамъ авганской группы Бетени. Хильджи есть несомнѣнно обавганившееся тюркское племя хальджъ или халаджъ, которое еще въ X вѣкѣ Истахри и Ибнъ-Хаукаль описывали сохраняющимъ свои тюркскіе языкъ и обычаи, а Отби упоминаетъ рядомъ съ авганами. Въ началѣ XVI вѣка султанъ Баберъ считаетъ уже гелджіевъ авганскимъ племенемъ, стало быть къ его времени они успѣли обавганиться. Что касается лоди и суръ, то весьма вѣроятно, что и эти небольшія племена были чуждаго происхожденія, родство же ихъ съ хальджами вѣроятно есть лишь вымыселъ авганскихъ писателей — патриотовъ XVI и XVII столѣтій, желавшихъ поставить въ небывалыя родственныя отношенія, по общему происхожденію отъ мифическаго гурійскаго царевича,

властвовавшія въ Дели династіи авантюристовъ изъ хильджіевъ (1288—1321 г.г.), лоди (1450—1517 г.г.) и суръ (1538—1556 г.г.) *).

По Симону и за нимъ по г. Б-ичу, „важнѣйшими кланами являются Дураниссы, Гильзай (Гильзайсы), Турисы, Шинварисы, Моманды, Афридисы и Оракзайсы“ (стр. 142). Неизвѣстно почему, ни Симонъ, ни г. Б-ичъ совершенно не упоминаютъ юсуфзиевъ, тогда какъ уже въ XV вѣкѣ они составляли „сто тысячъ копыеносцевъ“, да и теперь въ сложности могутъ выставить не менѣе, численность же ихъ нынѣ во всякомъ случаѣ не менѣе 500 т. д., а земли — самыя плодородныя и богатѣе изъ всѣхъ земель авганскихъ. Нилъ Бронской, именовавшій юсуфзиевъ сватисами, могъ писать: „О сватисахъ „Мировые Отголоски“ довольно говорили въ дни рѣзни на Малакандъ-пассѣ, а потому я останавливаюсь на прочихъ“. Но въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ о сватисахъ никто не писалъ, а потому приходилось дать объ нихъ какія-нибудь свѣдѣнія автору помѣщаемой въ немъ статьи. Ничего также не говорится о такихъ большихъ племенахъ, какъ какеры и везири; между тѣмъ численность послѣднихъ Раверти, вѣсколько преувеличивая кажется, полагаетъ въ 100 тысячъ семей.

Численность керларіевъ и дураніевъ авторы наши опредѣляютъ по 1 м. д. „Самыми близкими сосѣдями послѣднихъ являются Гильзай, значительно уступающіе Дураниссамъ численностью (ихъ 250.000), но имѣющіе въ странѣ значительное вліяніе, благодаря тому, что чрезъ нихъ ведутся всѣ торговныя сношенія Индіи съ Центральною Азією“ (стр. 143, р. 108). „Ch. Simond говоритъ что „торговныя вкусы Гильзай дѣлаютъ ихъ мало пригодными къ борьбѣ“, но ихъ возстанія противъ эмира... доказываютъ противное“ (стр. 143). Это единственный случай, когда г. Б-ичъ упоминаетъ Симона, не называя однако его сочиненія, и то для того, чтобы от-

*) Важнѣйшіе историческіе факты, относящіеся къ происхожденію авгановъ и ихъ племенъ, а также къ древнѣйшему ихъ мѣстопробыванію, можно найти во второй главѣ Введенія къ *Chants populaires des Afghans* Дармстетера, содержащей «Исторію и происхожденіе авгановъ» (р. р. CLII—CLXXXIV), но значительная часть выводовъ сдѣлана мною самостоятельно. Въ упомянутой главѣ всего 32 страницы, однако она представляетъ лучший пока, несмотря на всю его краткость, очеркъ исторіи авгановъ въ главныхъ ея чертахъ. Къ сожалѣнію, вышедшій изъ старой школы и бывшій только лингвистомъ Дармстетеръ остался чуждъ новѣйшему движенію политико-соціальныхъ наукъ. Такъ, по его парадоксальному утвержденію, «авганы не имѣютъ исторіи, потому что анархія не можетъ ея имѣть». Дѣло въ томъ, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на основу жизни авганскаго народа — на родовой его бытъ, и не сообщилъ, что кажущаяся анархія жизни авганскихъ племенъ и подраздѣленій есть на самомъ дѣлѣ своеобразная и сильно замедлившаяся эволюція родоваго быта, подвѣянная особыми внутренними, внѣшними и историческими условіями.

вернуть его мнѣніе. Свѣдѣнія Симона неосновательны не только по приводимой г. Бичемъ причинѣ, но прежде всего потому, что гильджіи очень мало занимаются торговлею: кочевые торговцы, служившіе во время оно (теперь съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ почти до Кандахара и со введеніемъ Хивы и Бухары внутрь русской таможенной границы все сильно измѣнилось) посредниками въ торговомъ обмѣнѣ между средне-азиатскими ханствами и Индією, принадлежали главнымъ образомъ къ союзу лохани или нухани, который въ составъ хильджійцевъ не входитъ, и сами хильджіи родство съ нимъ отвергаютъ (Raverty въ *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, 1875, vol 44, p. p. 34, 36 etc.). Если-бы лохани и принадлежали къ хильджіямъ, все же они составляли бы ничтожную часть ихъ и не могли бы вліять на характеръ всего племени. Впрочемъ свѣдѣнія Симона, а за нимъ и г. Бича, о дураніяхъ и гильджіяхъ вообще невѣрны. Такъ еще Эльфинстонъ, опредѣлявшій численность дураніевъ въ 100 т. семействъ или отъ 800 т. до 1 милл. душъ, а гильджіевъ въ 90 т. семействъ, признавалъ послѣднихъ за храброе, самое сильное по физическому сложенію, самое красивое и самое честное изъ авганскихъ племенъ (vol. II, p. p. 99, 100, 147—149, 158). Массонъ, больше всѣхъ европейцевъ жившій между авганами, считалъ гильджіевъ самымъ многочисленнымъ изъ авганскихъ племенъ (vol. II, p. 204). По Бернеу, число гильджіевъ простирается до 200 т. сем. (Кабуль, русскій переводъ, Москва, 1847, ч. 2, стр. 184). Раверти, считая дураніевъ только до 300 т. душъ, оцѣняетъ численность гильджіевъ въ 500 т. д. (id., p. 34, I. and A. Quarterly Review, 1894, April, pp. 323, 326). Съ своей стороны, по разнымъ соображеніямъ, едва ли я очень ошибусь, предполагая численность дураніевъ и хильджіевъ по 650 т. д., на остальные племена авганъ въ свѣдѣніи эмира предположу 700 т. д., такъ что подъ властію эмира буду считать около 2 м. авгановъ, вмѣсто его владѣній въ Сулеймановыхъ горахъ 1 м. д. керларнійцевъ съ гаргантами и на сѣверѣ отъ Кабуль-дарьи 500 т. душъ, итого въ независимыхъ племенахъ 1½ м. д., а всего авгановъ около 3½ м. д., вмѣсто 3 м. Симона, который полагалъ по 1 м. дураніевъ и караланіевъ слишкомъ преувеличенно, а 250 т. хильджіевъ и 750 т. на всѣ остальные племена чрезмѣрно преуменьшенно.

Относительно хильджіевъ Симонъ и г. Бичъ повторяютъ басню, которую еще Юль (см. статью его въ *Encyclopaedia Britannica*) склоненъ былъ считать выдумкою: „Когда въ семьѣ Гильзаевъ родится ребенокъ, мать пробиваетъ дыру въ стѣнѣ дома и, пропуская чрезъ нее ребенка, говоритъ: Гильзай! Будь добрымъ воромъ, дитя мое!“ (стр. 143). Конечно это вымыселъ, основанный на наивной этимологіи имени гильзай: сынъ грѣха, воровства.

По собственнымъ (не по Симону) свѣдѣніямъ г. Бича, „Афридисеы“ „не рѣдко... добровольно вербуются въ англо-индійскую армію для того чтобы, научившись обращенію съ скорострѣльнымъ ружьемъ, бѣжать изъ полка, конечно, захвативъ съ собой ружье и аммуницію“ (стр. 144). Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы англо-индійскія власти были столь просты, чтобы часто допускать что-либо подобное, а афридіи столь часто коварны. По крайней мѣрѣ имѣется такой фактъ, что значительная часть „хайберскихъ стрѣлковъ“ (большую частію изъ афридіевъ), занимавшихъ форты и посты въ Хайберскомъ ущельи, послѣ взятія этихъ укрѣпленій большими силами ихъ соплеменниковъ, въ августѣ 1897 г., явилась къ англо-индійскимъ властямъ съ ружьями Снайдера, какъ только успѣла добраться до безопасныхъ мѣстъ, хотя могла бы объяснить утерю казеннаго оружія отнятіемъ его неприятелемъ и т. п. (Military operations on the N. W. Frontiers, C.—8714, vol. II, p. 96). Считающій солдатъ изъ афридіевъ въ британскихъ войскахъ вообще примѣрно вѣрными своему долгу, полковникъ Хольдичъ, который долженъ былъ пріобрѣсти недурное знакомство съ авганами вообще и съ афридіями въ особенности во время войны 1879—1880 г.г., при русско-авганскомъ разграниченіи и во время экспедиціи въ Тира въ 1897 г., напоминаетъ еще, что именно рота афридіевъ первая пришла на помощь части 35 сейкского полка, окруженной момендами (The Geographical Journal, 1898, October, Tirah, by colonel sir T. H. Holdich, p. 351); онъ имѣетъ, повидимому, въ виду дѣло 16 сентября 1897 г., когда генералъ Джеффри съ частію артиллеріи небольшимъ количествомъ пѣхоты (35 полка) и саперовъ не успѣлъ дойти до главныхъ силъ своего отряда, подвергся ночью нападенію превосходныхъ силъ момендовъ, понесъ значительныя потери и былъ вырученъ подошедшими изъ отряда четырьмя ротами (Military operations, vol. 2, p. 15). По мнѣнію Хольдича, стремленіе афридіевъ обзавестись дальнобойными магазинами истекаетъ, помимо ихъ воинственности и страсти къ оружію, изъ превосходства, которое даетъ хорошее оружіе для кровной мести; прежде афридіи, будучи конечно на сторожѣ противъ враговъ, все же могли заниматься земледѣльческими полевыми работами днемъ, теперь же, при распространеніи дальнобойныхъ винтовокъ, это сдѣлалось крайне опаснымъ, ибо невозможно стало ни увидать прячущагося врага, ни опредѣлить—откуда летятъ пули, влѣдствіе чего приходится полевыми работами заниматься по ночамъ. По его же мнѣнію, большинство афридіевъ побывало на британской службѣ въ „хайберскихъ стрѣлкахъ“ или въ рядахъ туземной пѣхоты и кавалеріи, и каждый накопилъ достаточныя деньги для покупки „дорогой сердцу каждого афридіи хорошей винтовки“ (Geogr. Journal, id., p. p. 349—351).

Не принимая въ соображеніе, что авганы живутъ подъ властію

родового быта и должны подчиняться свойственным этой ступени социального развития институтам и формам, Симонъ и нашъ авторъ описываютъ обычаи кровной мести, гостеприимства и убъжища, какъ какіе-то странные курьезы *). О левиратѣ авторъ нашъ пишетъ: „афганскіе браки представляютъ ту особенность, что вдова обязательно должна выйти замужъ за брата ея покойнаго мужа,—обычай этотъ часто встрѣчается и въ другихъ странахъ, но здѣсь онъ оригиналенъ, ибо Афганистанъ съ этими странами ничего общаго не имѣетъ“ (стр. 140, Симонъ, р. 107): общее у авгановъ съ народами, у которыхъ встрѣчается левиратъ, есть нахождение въ родовомъ бытѣ. Только то же невѣдѣніе свойственныхъ родовому быту обычаевъ и понятій позволяетъ г. Б-ичу утверждать, что „бракосочетаніе“ у авгановъ „является попросту куплей-продажей“, тогда какъ самъ же описываетъ обычай умыканія, совсѣмъ не соответствующій простой куплѣ-продажѣ. Хотя г. Б-ичъ вдобавокъ увѣряетъ, что мать послѣ смерти мужа „становится имуществомъ сына своего“ и что „нерѣдки случаи когда сыновья продаютъ своихъ вдовствующихъ матерей подходящимъ покупателямъ“ (стр. 141), но ни у Симова, ни у компетентныхъ писателей ничего подобнаго не встрѣчается и надо думать, что это вымыселъ или крайнее преувеличеніе, или недоразумѣніе незнающаго авторомъ источника.

Въ одной неудобопонятной, по недостатку смысла и пунктуации, фразѣ г. Б-ичъ приписываетъ развитіе памяти и, кажется, генеалогическихъ способностей у авганскихъ начальниковъ, между прочимъ, неизмѣнно въ Авганистанѣ паспортной системы (стр. 141): „Каждый Афганецъ, къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ, имѣетъ свою часть въ имуществѣ всего клана (вѣтви), а въ случаѣ побѣды и удачнаго грабежа—долю въ награбленномъ,—благодаря этому и потому что въ Афганистанѣ не имѣется паспортной си-

*) Авганскіе термины для обычнаго права, кровной мести, гостеприимства и права убъжища г. Б-ичъ взялъ вторично у Дармстетера, который въ *Chants populaires des Afghans* (р. 120) вкратцѣ цитировалъ изъ *Lettres sur l'Inde* (р. р. 99—103) слѣдующее: *Nangi pushtāna ou Pushtūn-vālai, le code d'honneur afghan comprend trois devoirs: nanavāta, le devoir de protection envers celui qui est sous votre toit; badal, devoir de vendetta; mailmastiya, devoir d'hospitalité.* Эти термины слѣдуетъ читать у французскаго ориенталиста не приблизительно къ англійскому произношенію, какъ это дѣлаетъ г. Б-ичъ (стр. 142)—нанаватай, бадалъ, мейл-мастай и почему то пуштунъ-валай,—а нанавата, бадалъ, мѣлмастія и пуштунъ-валѣ. Последнее впрочемъ правильнѣе произносить, какъ значится у автора пуштунскихъ грамматикъ и словаря Белью и какъ читается у самого Дармстетера приводимая имъ туземная транскрипція: лухтунъ или пуштунъ-валн. Значитъ этотъ послѣдній терминъ не «авганскій кодексъ чести» (это значеніе нанги пуштана), а «пуштунскій законъ» или «право».

стемы каждый мушнина записанъ въ памяти старѣйшинъ клана, имамовъ и вообще начальниковъ, генеалогическія способности которыхъ развиты до чрезвычайности“. По свидѣтельству Эльфинстона (vol. 2, р. 328), авганы „знаютъ свою, а часто и чужихъ людей, генеалогію за шесть или за семь колѣнъ“. Происходитъ это отъ того, что при родовомъ бытѣ почти вся жизнь опредѣляется родствомъ и его степенями, съ соответствующими родовыми отношеніями.

Не могу я также согласиться съ г. Б-ичемъ и Симономъ, что въ бѣдныхъ классахъ „господствуетъ развратъ“ (стр. 140), потому что это не подтверждается компетентными источниками, а также и потому, что по авганскому обычному праву за прелюбодѣяніе полагается смерть.

Ведѣвъ за Симономъ (р. 106) авторъ нашъ открылъ въ Авганистанѣ „религіозную секту сеидовъ“ (стр. 140), но сеиды, т. е. потомки Магомета, существуютъ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ и никакой религіозной секты не составляютъ, а принадлежать обыкновенно къ тому толку, который преобладаетъ въ странѣ, гдѣ обитаютъ.

Игнорированіе родового быта и недостатковъ свѣдѣній о социальной и политической организаціи авганскихъ племенъ помѣшали Симону и Б-ичу, за нимъ слѣдовавшему, правильно понять и описать эту организацію. „Типъ общаго управленія племенъ“, по ихъ словамъ, таковъ: „Каждая община (удусъ) племени, раздѣленная на хайлы или кланы, ведетъ въ мирное время совершенно независимую жизнь. Внутреннее управленіе удуса находится въ рукахъ хана которому помогаетъ джиргахъ (собраніе начальниковъ), каждый членъ котораго является предѣлительствующимъ въ джиргахъ второстепеннаго значенія, т. е. въ собраніяхъ по хайламъ... Въ маловажныхъ лучаяхъ ханъ дѣйствуетъ не совѣтуясь съ главнымъ джиргахомъ, какъ и послѣдній иногда постановляетъ рѣшенія не совѣтуясь второстепенными собраніями. Наоборотъ, въ важныхъ событіяхъ безъ ознакомленія съ мнѣніемъ всего племени ничего не рѣшается“ (стр. 137, р. 101). На самомъ дѣлѣ, это не общій типъ социально-политической организаціи авганскихъ племенъ, какъ утверждаютъ наши авторы, а средній между двумя преобладающими типами, которые остались имъ неизвѣстными. Коренной авганскій типъ существуетъ у племенъ керларнійской группы и заключается въ томъ, что дѣла каждой мельчайшей вѣтви племени рѣшаются джиргомъ или собраніемъ всѣхъ главъ семей вѣтви, которое само и исполняетъ свои рѣшенія, если же это невозможно или неудобно, поручаетъ исполненіе старшинѣ или мелику. Мелики эти выбираются джиргами на опредѣленный срокъ и никакой властью, внѣ точнаго исполненія рѣшенія джирги, не пользуются. Дѣла, касающіяся нѣсколькихъ вѣтвей, состоящихъ въ ближайшемъ родствѣ и имѣющихъ постоянные общіе

интересы, рѣшаются джиргою изъ меликовъ всѣхъ вѣтвей, въ составъ которой обыкновенно входятъ также, по обычаямъ, почетнѣйшія и вліятельнѣйшія лица вѣтвей, исполнительная же власть поручается, опять избираемому мелику. По количеству степеней племенныхъ развѣтвленій, степеней собраній бываетъ нѣсколько, дѣла же всего племени рѣшаются джиргами изъ всѣхъ меликовъ высшихъ вѣтвей, съ участіемъ самыхъ вліятельнѣйшихъ людей племени, а исполненіе поручается меликамъ этихъ высшихъ вѣтвей или особо для того назначеннымъ племенною джиргою на каждый случай лицамъ. Такимъ образомъ, вся власть въ керларнѣйскихъ племенахъ и ихъ вѣтвяхъ принадлежитъ джиргамъ и мелики или старшины являются лишь исполнителями, вѣвъ точнаго исполненія рѣшеній общины никакою властью не пользующимися. Другой типъ социальнo-политической племенной организаціи существуетъ у западныхъ авганскихъ племенъ, особенно же у дураніевъ и хильджіевъ, являясь видимо результатомъ иныхъ историческихъ и природныхъ условій, въ зависимости притомъ отъ инородныхъ примѣсей, которыя привили къ авганскимъ корнямъ чужды имъ деспотическія начала. Въ этихъ племенахъ и ихъ вѣтвяхъ также существуютъ джирги, но надъ ними стоятъ наследственные старѣйшины или ханы, которые обыкновенно дѣйствуютъ по обсужденію важныхъ дѣлъ въ джиргахъ и сообразно ихъ постановленіямъ, но могутъ дѣйствовать и по своему усмотрѣнію. Ведеть это къ тому, что ханы достаточно людныхъ и сильныхъ вѣтвей пользуются деспотической властью, обративъ подчиненныхъ хановъ въ простыхъ исполнителей своихъ распоряженій и упразднивъ общеплеменныхъ хановъ и джиргу. Естественнымъ этого послѣдствіемъ было распадѣніе племенъ на управляемые независимыми ханами вѣтви, находящіяся вслѣдствіе честолюбія хановъ въ вѣчной враждѣ и безсилныя для всякихъ внѣшнихъ предпріятій. Благодаря именно такому положенію дѣлъ, въ западныхъ авганскихъ племенъ утвердился и держится власть эмировъ, опирающаяся не столько на значеніе ихъ въ племени дураніевъ, къ которому они по происхожденію принадлежатъ и которое также раздѣлено на недружныя вѣтви съ особыми наследственными родоначальниками, сколько на обладаніе городами, дающими финансовыя средства и отчасти кадры для чуждой племеннымъ раздорамъ арміи, и на безсиліе враждующихъ между собою племенъ и ихъ вѣтвей, почему эмиры могутъ усмирять ослушающихся хановъ при помощи ихъ враговъ. Занимающія южную половину Сулеймановыхъ горъ племена гаргаштской группы издавна уже раздроблены на множество управляемыхъ наследственными ханами вѣтвей, почему онѣ, несмотря на дальность отъ Кабула и гористую природу страны, допускающую успѣшное сопротивленіе, легко приводились къ послушанію эмирами. Воспользовалась этимъ и англійская политика, склонивъ хановъ субсидіями, пенсіями и поддержкою

ихъ власти къ подчиненію британскому управленію, введеніе котораго въ южной части Сулеймановыхъ горъ и завершено въ 1887 году образованіемъ и присоединеніемъ къ Индіи „Британскаго Белучжистана“, области съ довольно страннымъ названіемъ, ибо белучжей въ странѣ очень мало и населеніе состоитъ главнымъ образомъ изъ авганскихъ племенъ. Подобнымъ образомъ давно уже подчинено британской власти самое восточное изъ керларнѣйскихъ, племя хаттаковъ, благодаря тому, что оно управлялось наследственными ханами и обитаетъ въ легко доступныхъ мѣстностяхъ. У пограничныхъ племенъ на сѣверѣ отъ Кабуль-дарьи идетъ борьба между демократическимъ и деспотическимъ типами. Изъ нихъ у терколариевъ (вѣроятно тюркскаго происхожденія) и у момендовъ ханы, повидимому, существуютъ искони. У юсуфзиевъ имѣется нынѣ ханъ лишь въ той части, которая обитаетъ въ верховьи р. Пенджкоры, въ Дирѣ, остальные же юсуфзій сохраняютъ демократическій родовой строй, керларнѣйскаго типа. Ни потомки Бабера, владѣвшіе Индією, Пинаверомъ и Кабуломъ, ни эмиры Авганистана, ни могущественные сейки не могли добиться прочной подчиненности керларнѣйцевъ и юсуфзиевъ. Столь же безуспѣшны пока попытки Англіи. Главная тому причина — отсутствіе наследственныхъ владѣтелей. Хановъ не трудно склонить къ покорности деньгами, усиленіемъ ихъ власти въ племенахъ, увеличеніемъ ихъ владѣній, угрозами лишить ханства и т. д., тогда какъ всѣ эти средства непримѣнимы къ цѣлымъ племенамъ или ихъ вѣтвямъ. Между выборными меликами независимыхъ пограничныхъ племенъ всегда оказывается достаточное, въ избыткѣ, количество охотниковъ получать субсидіи изъ индійскаго казначейства и обратиться въ наследственныхъ хановъ своихъ племенъ, сдѣлавъ сколько угодно заявленій о пламенномъ желаніи ихъ родовъ подчиниться британскому управленію, но какъ только англійскія власти приступаютъ къ исполненію ихъ просьбъ, племена оказываются враждебными, и тѣ же мелики, волей неволей, принимаютъ участіе въ открывающихся противъ англичанъ военныхъ дѣйствіяхъ. Таково было, имѣвшее конечно отчасти и другія причины, происхожденіе столкновеній съ везирями въ 1894, 1895 и 1897 гг., вызвавшихъ снаряженіе большихъ отрядовъ съ значительными расходами. Но и поддержка хановъ, съ цѣлю подчиненія горцевъ при помощи возвышенной на счетъ демократіи родовъ ханской власти, не проходитъ для англійской политики въ этихъ странахъ безъ большихъ непріятностей. Такъ, въ началѣ іюля 1897 года англійскія власти оставили безъ удовлетворенія жалобы юсуфзиевъ Свата на захваты дирекимъ ханомъ непринадлежавшихъ ему земель праваго берега р. Свата и на насильственное имъ подчиненіе своей власти тамошнихъ независимыхъ родовъ. А чрезъ три недѣли нѣкій безумный факиръ увлекъ все населеніе Свата къ

нападенію на англійскія укрѣпленія въ Чакдере и Малакандѣ, повлекшему затѣмъ послѣдовательно къ возстанію момендовъ, афридівъ и оракзівъ, а также буирицевъ, подавленіе котораго потребовало отъ Англо-Индій тяжкихъ усилій. Между тѣмъ этотъ самый факиръ болѣе двухъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ проповѣдовалъ джихатъ и населеніе смотрѣло на него лишь какъ на сумасшедшаго.

Удержаніе и защита независимости есть, по словамъ Симона, единственная связь, существующая между вѣтвями и племенами авгановъ, но она такъ сильна, что каждый членъ ихъ пренебрегаетъ ради нея всякими опасностями и жертвуетъ жизнью. „Народъ авганскій болѣе чѣмъ какой-либо другой восточный обладаетъ тѣмъ патриотизмомъ, которому приносится все въ жертву“ (р. 102, стр. 137). Къ страстной привязанности къ независимости г. Б-чъ присоединяетъ „общую религію“ и, конечно, можно прибавить большее или меньшее количество общей крови, общій языкъ, общіе нравы и обычаи и т. д. Совокупность всего этого создаетъ народность, но преобладающая черта авганской народности есть свободолюбіе и страстная привязанность къ независимости. Конечно, всякая народность дорожитъ своей независимостью и самобытностью, но интенсивность и формы этой привязанности весьма различны. У авгановъ эта привязанность достигаетъ особой энергіи и страстности.

Одно констатированіе общезвѣстнаго факта цѣны не имѣетъ, если оно не сопровождается уясненіемъ его происхожденія и всесторонней оцѣнкою. Отъ Симона и г. Б-ча слѣдовало бы поэтому ожидать, что они дадутъ какія-нибудь разъясненія по поводу этого факта, имѣющаго въ политическомъ отношеніи, въ сущности единственно ихъ интересующемъ, самую важную послѣдствія *), но ни у того, ни у другого ничего не находимъ. Мнѣ кажется яснымъ, что свободолюбіе и привязанность къ независимости выработались и укоренились въ качествѣ основной черты авганской народности благодаря демократическо-родовому строю керларійскихъ племенъ, отъ которыхъ происходятъ всѣ остальные, страстность же этой привязанности есть послѣдствіе сангвиническаго расоваго темперамента. Подтверждается это, между прочимъ, тѣмъ фактомъ, что западныя авганскія племена и племена гаргантекой группы, конечно главнымъ образомъ вслѣдствіе примѣсей въ нихъ чужихъ народно-

*) По словамъ Симона, «священная война, объявленная муллами, будетъ столь же fatale aux Anglais qu'aux Russes, le jour où de montagne au montagne se répèterait dans tout l'Afghanistan le même cri: Indépendance! Indépendance! (р. 113). Но г. Богдановичу, авганскія племена и въ отдѣльности «грознаю массою встанутъ въ защиту своей независимости», но «еще болѣе грозною массою встанутъ эти племена, когда въ опасности окажется независимость всей федераціи афганской, откуда бы эта опасность ни шла—съ сѣвера или съ юга» (стр. 150).

стей съ отличными отъ коренныхъ авганскихъ особенностями политическо-соціального строя и народнаго характера, допустили у себя возникновеніе наслѣдственной деспотической ханской власти и преобладаніе ея надъ джиргами, являющимися у нихъ лишь пережиткомъ кореннаго авганскаго строя. Именно эта замѣна кореннаго авганскаго демократическо-родоваго строя деспотическо-ханскимъ и ослабленіе чрезъ это свободолюбія и привязанности къ независимости объясняютъ и тотъ фактъ, что западныя и гаргантекія племена легко, сравнительно, поддавали чуждому господству, тогда какъ керларійцы и сохранившіе наиболѣе ихъ общественный строй юсуфизмъ успѣвали отстаивать свою независимость и свободу противъ притязаній знаменитѣйшихъ завоевателей и сильнѣйшихъ сосѣднихъ державъ.

Свѣдѣнія разбираемой статьи о нравахъ и характерѣ авганскаго народа единкомъ скудны и поверхностны. Упоминается конечно, по обыкновенію, о „дукавствѣ и жестокости“, о грабежахъ и убійствахъ, о „двухъ заповѣдяхъ, чтимыхъ всѣми авганцами: Кровь за кровь, желѣзо и огонь всѣмъ невѣрующимъ“ (стр. 137, р. 102). Но насилія, жестокость, вѣроломство и т. д. не могутъ быть почитаемы непреложными, неотъемлемыми принадлежностями какого-либо народа, ибо онѣ суть лишь результатъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ и условій и должны исчезнуть съ устраненіемъ и измѣненіемъ этихъ условій. Какимъ образомъ авганы, при врожденномъ сангвиническомъ темпераментѣ, могутъ быть не жестокими, не мстительными, не кровожадными, не склонными къ грабежамъ и насиліямъ, ежели они въ теченіе тысячелѣтій своего существованія подвергались непрерывнымъ насиліямъ, жестокостямъ и грабежамъ со стороны большихъ и малыхъ владѣльцевъ сосѣднихъ странъ? Одинъ изъ гуманнѣйшихъ людей своего времени султанъ Баберъ, описывая походы свои противъ разныхъ авганскихъ племенъ, предпринимавшіеся съ однообразною цѣлію грабежей и вынужденія къ платежу дани, упоминаетъ, въ качествѣ неизбѣжнаго финала стычекъ съ авганцами, о воздвиженіи пирамидъ изъ головъ не только убитыхъ въ бою, но и взятыхъ въ плѣнъ авгановъ. „Когда авганы видятъ невозможность продолжать борьбу, они являются къ (побѣдоносному) врагу съ травой во-рту, какъ бы говоря этимъ: Я твой быкъ“ (Mémoires, t. I, p. 325). Одинъ этотъ обычай показываетъ—какова была участь авганскихъ горцевъ, приносившихъ покорность: имъ предстояло положеніе даже не раба, а животнаго.

Въ краткихъ свѣдѣніяхъ о не-авганскихъ народностяхъ страны г. Б-чъ говоритъ о таджикахъ, что ихъ „слѣдуетъ считать аборигенами сѣверо-западныхъ провинцій страны“ (стр. 145), но правильнѣе было бы сказать не однихъ „сѣверо-западныхъ провинцій“, а всей западной половины страны. „Народность эта названа таджиками (крестьянами) въ отличіе отъ тюрковъ

(воиновъ), имъ родственныхъ“. Это невѣрно, ибо таджики и турки суть народности, этнически другъ другу чужды. У Симона сказано не то. Онъ признаетъ таджиковъ аборигенами „западныхъ провинцій“, а не только сѣверо-западныхъ (р. 110). По его словамъ, имя таджикъ, „значащее крестьянинъ, противоположно имени туркъ (воинъ). Истинные (proprement dits) таджики сами даютъ себѣ именоваіе парсивановъ или парсизвановъ. Тѣ изъ нихъ, которые ведутъ жизнь кочевую, извѣстны подѣ именемъ аймаковъ. Эти послѣдніе кочуютъ въ странѣ, образуемой бассейномъ верховьевъ Херируда“ (р. 111). Было въ иранскихъ земляхъ время, когда таджики были только земледѣльцы, крестьяне, а все турки только войны; однако это время давно миновало, особенно въ Афганистанѣ. Но чтобы слово таджикъ означало крестьянина, а слово туркъ—воинъ, это невѣрно (см. о происхожденіи и значеніи слова таджикъ у Ханькова „Иранъ К. Риттера“, стр. 507 и слѣд.). Справедливо (по Феррье и др.), что таджики Афганистана зовутъ себя парсиванами, т. е. людьми персидскаго языка, но не вѣрно, будто кочевые таджики именуются аймаками, ибо аймаки есть особое племя, происходящее отъ смѣшенія гурійцевъ и пр. съ турками. Хотя аймаки и хезарейцы говорятъ персидскими нарѣчіями, но таджиками не называются, какъ и кызылбаша. Г. Б-ичъ напрасно приписываетъ кызылбашамъ „персидское происхожденіе“ (стр. 145): это турки, приведенные Надиръ-шахомъ изъ Персіи, но донныѣ говорящіе между собою по-турки (Elphinstone, Bellew). Хезарейцевъ онъ производитъ то отъ какихъ-то „персидскихъ завоевателей“ (стр. 140), то отъ монголовъ (стр. 145). На самомъ дѣлѣ это турки и монголы до-тимуровскихъ временъ, смѣшавшіеся съ найденнымъ ими въ восточномъ Паропамизѣ и западномъ Хиндукушѣ мѣстнымъ населеніемъ смѣшаннаго происхожденія, но персидскаго языка, которымъ и говорятъ теперь почти все хезарейцы. Различіе происхожденія хезарейцевъ и аймаковъ, являющихся одинаково смѣшеніями турко-монголовъ съ мѣстнымъ населеніемъ персидскаго языка, заключается въ томъ, во-первыхъ, что турки и монголы, потомствомъ которыхъ являются хезарейцы, прибыли во время Чингизъ-хана и его первыхъ наслѣдниковъ, тогда какъ турецкіе роды аймаковъ были другіе и прибыли при первыхъ тимуридахъ; во-вторыхъ же, и составъ мѣстнаго населенія, тоже смѣшаннаго происхожденія, былъ разный. Разница въ вѣроисповѣданіи (хезарейцы—шіиты, тогда какъ аймаки—сунниты) также есть слѣдствіе этническаго различія и историческихъ судебъ двухъ народностей: у аймаковъ утвердился суннизмъ вслѣдствіе вліянія хератскихъ тимуридовъ, которые водворили въ странѣ турковъ, составлявшихъ главную часть ихъ войскъ; хезарейцы же, принявъ исламъ отъ мѣстнаго населенія, проникнутаго шіитскими началами, остались вѣрными шіитству, потому что подчиненность ихъ тимуридамъ

и позднѣйшимъ государямъ Херата и Кабула была всегда слаба, если не упразднялась совсѣмъ.

Неосновательно также Симонъ (р. 111) и нашъ авторъ считаютъ узбековъ „потомками туркменовъ“ (стр. 145): узбеки происходятъ отъ разныхъ турецкихъ родовъ, перешедшихъ на югъ отъ Сыръ-Дарьи съ шейбанидами въ началѣ XVI столѣтія, и отъ найденныхъ въ Мавераннахрѣ турковъ, но туркменовъ между ними было и есть очень немного.

Г. Б-ичъ нѣсколько разъ утверждаетъ (стр. 142 и 146), что „въ нашей Средней Азіи, равно какъ и въ Бухарѣ, все ростовники также Индусы“, какъ въ Афганистанѣ. Это не совсѣмъ вѣрно: въ средѣ кочевниковъ, которые составляютъ много болѣе половины населенія нашей Средней Азіи, т. е. Туркестана и степныхъ областей, индусовъ не было и нѣтъ, между тѣмъ они терпятъ отъ ростовниковъ (татары, сарты и русскіе) гораздо болѣе, чѣмъ осѣдлое населеніе, въ которомъ сарты и таджики также едва ли когда либо уступали на этомъ поприщѣ пальму первенства индусамъ, хотя постановленія шаріата заставляли ихъ облекать здѣсь свой промыселъ въ формы, скрывающія его сущность.

V. Управленіе и военныя силы Афганистана.

„Афганистанъ какъ государство существуетъ лишь 135 лѣтъ, и Амедъ-Шахъ, его основатель, образовалъ правительство безъ твердыхъ началъ, безпрестанно осаждаемое честолюбивыми ханами и соперниками находившимися въ вѣчной враждѣ“ (стр. 146). Авторъ нашъ упустилъ изъ вида, что 135 лѣтъ значатся у Симона, писавшаго въ 1885 году, почему въ 1898 году, когда онъ самъ пишетъ, къ 135 годамъ прибавилось еще 13, такъ что долженъ бы считать, что афганское государство существуетъ уже 148 лѣтъ. Но на самомъ дѣлѣ оно существуетъ уже 151 годъ, потому что основано Ахмедъ-ханомъ въ 1747 году: Симонъ, видимо, взялъ свою цифру изъ чьей-то книги 1882 года. У Симона стоитъ Ахмедъ-шахъ, а не Амедъ-шахъ, какъ у Нила Бронского („Мировые Отголоски“ 1897 г. № 262), по опискѣ или опечаткѣ, которую г. Б-ичъ повторять надобности не было, потому что въ другомъ мѣстѣ статьи у него значится правильно Ахмедъ-шахъ. Обратившись къ исторіи, мы увидимъ, что внутреннее управленіе афганскихъ племенъ Ахмедъ-шахъ предоставилъ ихъ старѣйшинамъ, по существовавшимъ обычаямъ; во всехъ важныхъ дѣлахъ по управленію государствомъ онъ совѣтовался съ главами племенъ и дѣйствовалъ съ ихъ согласія, вообще же онъ установилъ порядки управленія, соответствовавшіе быту своего народа (History of Afghanistan, by Malleson, 1879, p.p. 276 и слѣд.).

Такъ какъ именно тѣ правительства обладаютъ небольшою прочностью, которыя соотвѣтствуютъ духу, быту и потребностямъ народнымъ, то никакъ нельзя согласиться съ утвержденіемъ, что Ахмедъ-ханъ „образовалъ правительство безъ твердыхъ началъ“. Изъ преемниковъ его только тѣ и могли править съ успѣхомъ и доставить своему народу спокойствіе и извѣстную степень благосостоянія, а государству силу и вѣншую безопасность, насколько позволяли обстоятельства, кто, какъ Достъ-Мохаммедъ, Ширъ-Али и Абдэррахманъ, слѣдовали началамъ управленія, принятымъ Ахмедъ-шахомъ. Если за престолонаслѣдіе возникали распри и честолюбивые претенденты возбуждали смуты, то происходитъ это отъ причинъ, которыя никакими „началами“ у народовъ, подобныхъ авганскому, при его бытѣ и характерѣ, устранены быть не могутъ, пока не совершится измѣненіе быта и нравовъ.

Народности Авганистана „не соединены узами общей крови, не обладаютъ общими преданіями и стремленіями и не имѣютъ общей имъ всѣмъ исторіи. Современный Афганистанъ является чисто случайною географическою единицею составленною изъ обитателей Средней Азіи, объединенныхъ мечомъ побѣдителей или гениемъ отдѣльныхъ государственныхъ людей, но общая имъ религія и любовь къ независимости являются, однако, достаточно сильною связью различныхъ частей той конфедераціи, во главѣ которой стоитъ Абдуррахманъ-ханъ“ (стр. 146). На самомъ дѣлѣ образованіе Авганистана совсѣмъ не случайность, а необходимое и естественное слѣдствіе существованія и роста энергичной и полной силъ авганской народности, которая, послѣ долговременнаго прозябанія въ своемъ горномъ гнѣздѣ, пустила ростки въ окрестныя страны и сдѣлалась въ нихъ господствующею, постепенно впитавъ въ свой составъ значительныя части ихъ разноплеменнаго населенія. Чистыхъ, безпримѣсныхъ народностей теперь на бѣломъ свѣтѣ почти не существуетъ, и смѣшенія, въ большинствѣ случаевъ, не ухудшаютъ расы, а улучшаютъ, восполняя недостатки каждой достоинствами другихъ. Единство народности создается не безпримѣсностью крови, общія капли которой, однако, у смѣшанныхъ народностей становятся гуще и обильнѣе съ каждымъ поколѣніемъ, а единствомъ языка, быта, нравовъ, вѣрованій и т. д. Все это у авганскаго народа есть, а потому совершенно естественно, что въ XVIII вѣкѣ, когда численность ихъ достигла значительнаго размѣра, авганы воспользовались одряхленіемъ, разложеніемъ и безсиліемъ властвовавшихъ надъ ними дотошъ правительствъ Индіи и Персіи, освободились и даже пытались подчинить оба государства своему господству. Ни численность, ни силы авгановъ не позволили, однако, имъ удержать владычество надъ Персіею и Индіею, но они прочно утвердились въ части земель, отнятыхъ у болѣе слабой Персіи, и успѣваютъ пока возвращать въ свои руки узбекскія и таджикскія ханства и владѣніица между

Хиндукушемъ съ его западными продолженіями и Аму-дарьей, хотя эти владѣнія неоднократно отлагались вѣдствіе отсутствія авганскаго населенія на сѣверѣ отъ Хиндукуша.

Въ истекающемъ столѣтіи на судьбы авганскаго народа и Авганистана, не только во вѣншихъ, но отчасти и во внутреннихъ отношеніяхъ, оказали весьма важныя вліянія соперничество Россіи и Англіи и стремленіе послѣдней, для большей безопасности Индіи отъ русскаго нашествія, подчинить Авганистанъ непосредственной своей власти или по крайней мѣрѣ поставить его въ прочныя вассальныя отношенія. Двѣ предпринятыя Англіею, съ промежуткомъ почти въ 30 лѣтъ, войны одинаково выяснили, что справиться съ войсками авганскаго правительства и занять Кабулъ и Кандахаръ не трудно, но къ удержанію страны въ своей власти представляются весьма большія препятствія, порождаемыя неукротимой враждебностью авганскаго народа къ чужому господству, возстаніями его и затрудненіями продовольствовать войска и поддерживать сообщенія съ Индіею. Трудности удержанія Авганистана въ своей власти вынудили Англію заключить обѣ войны выводомъ войскъ изъ страны и возстановленіемъ независимыхъ во внутреннемъ управленіи эмировъ. Неопровержимый опытъ показалъ также, что только тотъ эмиръ можетъ удержать свой престолъ и власть, который не допускаетъ не только вмѣшательства Англіи во внутреннее управленіе страны, но не позволяетъ также пребыванія въ Кабулѣ и другихъ городахъ англійскихъ резидентовъ, такъ какъ примѣромъ индійскихъ туземныхъ владѣній авганы убѣждены, что пребываніе резидентовъ неминуемо влечетъ за собою вмѣшательство англичанъ во внутреннее управленіе. Сообразно этому, подчинявшіе вѣншія отношенія страны усмотрѣнію Англіи Достъ-Мохаммедъ-ханъ и Ширъ-Али не допускали ни вмѣшательства Англіи во внутреннія дѣла, ни англійскихъ резидентовъ. Принятіе Якубъ-ханомъ въ 1879 г. резидента въ Кабулѣ имѣло послѣдствіями убіеніе возставшими войсками и населеніемъ столицы резидента Каванъяри, возобновленіе войны и потерю эмиромъ престола. Повинуясь опыту, Англія, при возведеніи на престолъ Абдэррахманъ-хана въ 1880 г., отказалась и отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла, и отъ назначенія резидента. Вѣдствіе этого внутреннія отношенія во владѣніяхъ эмира почти свободны отъ прямыхъ вѣншихъ вліаній, хотя конечно получаемая эмиромъ субсидія много увеличиваетъ его силу внутри государства.

Въ полномъ и непосредственномъ подчиненіи эмиру и назначаемымъ имъ по усмотрѣнію агентамъ состоятъ, какъ и при его предѣстникахъ, лишь города и находящіеся въ ихъ окрестностяхъ не-авганскія селенія, а также населеніе авганскаго Туркестана. Авганскія племена сохраняютъ своихъ на-

слѣдственныхъ хановъ и старшинъ и самостоятельное внутреннее управление по обычаямъ. Въ такомъ же положеніи находятся племена аймаковъ и хезарейцевъ, изъ которыхъ первые впрочемъ издавна приведены въ тѣсную зависимость отъ губернатора Херата. Хезарейцы, напротивъ, всегда отличались непокорностью, и взиманіе налоговъ производилось съ нихъ весьма часто лишь при помощи военной силы.

У г. Б-ича, слѣдующаго Симону, находимъ: „Политически Авганистанъ раздѣленъ на 9 провинцій, административно соединенныхъ въ слѣдующія пять губерній, отчасти прямо подчиненныхъ эмиру, отчасти полунезависимыхъ (у Симона, р. 100, 5 gouvernements, soumis à l'émir de Caboul ou bien semi-independants): 1) „Кабулистанъ—занимающая территорію Кабула и Кафиристана; 2) Гезаръ“, т. е. Хезареджатъ, страна хезарейцевъ; 3) „Хорассанъ—состоящая изъ Кандагарской и Гератской провинцій; 4) Туркестанъ“, и 5) „Сайстанъ. Провинціи подраздѣлены на округа, называемые заесъ, а послѣдніе—на племена и хайлы (кланы), живущіе въ вѣчной враждѣ и кровавыхъ спорахъ“ (стр. 136). Эмиръ, „пользуясь неограниченною властію въ областяхъ находящихся подъ его непосредственнымъ управленіемъ (Кабулистанъ), руководить другими улусами и ханствами не умаляя авторитета ихъ собственныхъ управленій. Что же касается территоріальнаго подраздѣленія, то во главѣ каждого заеса находится хакемъ (статскій начальникъ); правосудіе же, полиція и военныя силы находятся въ рукахъ сердаря, или военного начальника“ (стр. 138).

О „политическомъ“ дѣленіи Авганистана на девять провинцій и объ „административномъ“ соединеніи ихъ въ пять губерній я не встрѣчалъ ни свѣдѣній, ни упоминаній ни у одного компетентнаго писателя и потому полагаю, что эти дѣленія и соединеніе суть лишь собственные догадки, соображенія или недоразумѣнія Симона или столь же мало, какъ онъ, компетентнаго источника. Конечно, влѣдствіе географическихъ, топографическихъ, этническихъ, экономическихъ и историческихъ причинъ, въ Авганистанѣ существуютъ области или провинціи, центры и границы которыхъ остаются почти неизмѣнными, каковы бы ни были административныя и даже политическія дѣленія и обстоятельства. Такія провинціи составляютъ: 1) Кабулъ, 2) Кандахаръ, 3) Хератъ, съ принадлежащими къ нимъ округами, и 4) Туркестанъ съ Бадахшаномъ. Только эти области имѣютъ значеніе провинцій или губерній, ибо всегда существуютъ въ качествѣ и административныхъ подраздѣленій, между которыми распредѣляется вся территорія Авганистана. Вопреки Симону, Кандахаръ и Хератъ никогда не составляли одной области или губерній и всегда имѣли особаго начальника или губернатора, подчинявшагося непосредственно эмиру. Напротивъ Сеистанъ (нѣсколько деревень и нѣсколько

небольшихъ родовъ дураниевъ и белучжей) всегда подчиняется губернатору Кандахара, иногда Херата, а Хезареджатъ состоитъ въ вѣдѣніи то Херата, то Кабула. Четыре области или провинціи состоятъ изъ округовъ или дѣленій двухъ родовъ, отличающихся по населенію и управленію. Перваго рода округа состоятъ изъ деревень и городковъ, населенныхъ главнымъ образомъ не авганами и не кочевниками и находящихся по управленію и платежу податей и отправленію повинностей въ полной зависимости отъ правителя области, который назначаетъ или утверждаетъ всѣхъ мѣстныхъ начальниковъ. Второго рода округа состоятъ изъ племенъ и вѣтвей авганскихъ, хезарейскихъ и аймакскихъ, которыхъ управленіе принадлежитъ ихъ наслѣственнымъ ханамъ и старѣйшинамъ. Чтобы округа именовались „заесъ“ (у Симона *zaes*, у Нила Бронского, по опискѣ или опечаткѣ, *засесъ*), этого нигдѣ кромѣ названныхъ Симона, Б-ича и Бронского не встрѣчалъ и увѣренъ, что тутъ какое набудъ недоразумѣніе со стороны Симона или его неизвѣстнаго источника.

Хотя свѣдѣнія объ административномъ устройствѣ Авганистана, а также о поземельномъ строѣ, о налогахъ и доходахъ государства вообще и теперь довольно скудны, а въ то время, когда писалъ Симонъ, въ 1885 г., въ началѣ эмиретованія Абдэррахманъ-хана, были еще менѣе обильны и точны, однако все это не оправдываетъ неудовлетворительности однихъ изъ этихъ свѣдѣній и отсутствія остальныхъ въ очеркѣ г. Б-ича, который могъ найти ихъ даже въ лучшихъ словаряхъ, не говоря уже о другихъ источникахъ послѣднихъ лѣтъ.

Не лучше и свѣдѣнія о вооруженныхъ силахъ Авганистана. „Регулярная армія подраздѣляется на три категоріи: дѣйствующая армія, резервъ (дефтери) и территоріальная армія (улуси)“ (стр. 148). Такъ какъ влѣдъ за этимъ пояснено, что территоріальная армія есть „ополченіе“, численность котораго равняется „десятой части здороваго мужскаго населенія страны“, т. е. это поголовное ополченіе всего могущаго носить оружіе населенія, то непонятно—какимъ образомъ такое ополченіе можетъ составлять одну изъ категорій регулярной арміи, ибо регулярная армія и ополченіе вещи совершенно разныя. Въ регулярной арміи состоитъ около 60 т. ч. изъ вольноопредѣляющихся всѣхъ народностей, главнымъ же образомъ „изъ взятыхъ по набору обитателей Кандагара, Герата и Кабула и ихъ округовъ“. Полки, эскадроны и батареи регулярной арміи „въ случаѣ войны, могутъ быть усилены значительными резервами“, ибо численность резервныхъ доходитъ до 100 т. ч. „Если разсчитывать, что улусы могутъ, какъ то показалъ 1838 годъ, выставить въ поле десятую часть мужскаго населенія, то въ случаѣ джехада ... авганскія силы будутъ состоятъ изъ 700 тысячъ человѣкъ“. Такъ какъ

регулярная армія вмѣстѣ съ резервами составляетъ 160 т., то ополченіе должно дать 540 т. ч. Мы уже видѣли, что всѣхъ авгановъ,—считая и неподвластныхъ эмиру, состоящихъ подъ контролемъ Англіи восточныя племена,—слѣдуетъ полагать около $3\frac{1}{2}$ милліоновъ душъ обоюго пола; съ добавленіемъ около 3 м. душъ остальныхъ народностей, обитающихъ на земляхъ, подвластныхъ авганамъ, все населеніе авганскихъ земель составитъ $6\frac{1}{2}$ м. душъ обоюго пола; мужское населеніе, т. е. около половины этой цифры, будетъ равняться 3.250.000 ч., десятою же частью послѣдней цифры является 325.000 ч., а не 540.000 ч., какъ ошибочно представилось нашему автору. У Симона нормою для расчета принята была не десятая мужского, а восьмая часть всего населенія: „Если считать, что въ ополченіе (ouloussi) станеть, какъ показали событія 1838 года, одна восьмая часть всего населенія Авганистана, то, въ случаѣ джихада, дѣйствующія авганскія силы слѣдуетъ оцѣнить въ цифру до 700.000 человекъ“ (р. 118). Но восьмая часть всего населенія или четвертая мужского дастъ 812.500 ч. Ссылка Симона на событія 1838 года совершенно неудачна, потому что собственно въ 1838 г. никакихъ военныхъ дѣйствій не происходило (если не имѣть въ виду войны Персіи съ владѣльцемъ Херата) и война съ Англіею фактически началась лишь въ 1839 году. Въ этой войнѣ ни всѣ восточныя племена, ни Хератъ, ни хезарейцы никакого участія не принимали, Бадахшанъ и Туркестанъ остались въ сторонѣ отъ нея, въ кабульской же области, гдѣ и сосредоточивались военныя дѣйствія, англійскимъ войскамъ не приходилось имѣть дѣла съ массами ополченцевъ болѣе, чѣмъ въ 15—20 т. ч. Во всякомъ случаѣ, и тутъ общая цифра ополченцевъ осталась неизвѣстною, такъ что никакихъ данныхъ для опредѣленія, какую часть населенія они составили, не существуетъ. Англо-индійскіе дѣятели и генералы обыкновенно полагаютъ, что восточныя племена могутъ выставить въ общей сложности до 200 т. воиновъ. Повидимому эта цифра близка къ дѣйствительности. Если, сообразуясь съ нею, принять, что населеніе владѣній эмира въ состояніи выставить 300 т. ополченія и 150-тысячную регулярную армію (со включеніемъ резервныхъ), то общая цифра всѣхъ авганскихъ вооруженныхъ силъ составитъ 650 т. ч., т. е. какъ разъ десятую часть населенія, и эта цифра тѣмъ болѣе вѣроятна, что нѣкоторое превышеніе нормы у воинственныхъ авганъ едва вознаградитъ дефицитъ со стороны не-авганскаго населенія.

Обученіе и „внутренняя организація регулярной афганской арміи представляетъ почти копію съ таковой же арміи индійской, инструкторами же были до сихъ поръ частію офицеры и унтеръ-офицеры Англичане, частію же туземцы служившіе въ англо-индійской арміи“ (стр. 148, р. 118). Пѣхота и кавалерія имѣютъ магазинки, артиллерія состоитъ изъ орудій „послѣднихъ евро-

пейскихъ образцовъ“. „Довести до такого состоянія армію почти въ 60 тысячъ (кроме упомянутыхъ резервовъ) Абдуррахманъ-хану удалось лишь благодаря Англичанамъ видѣвшимся въ арміи эмира авангардъ индійской арміи при русскомъ нашествіи. Нынѣ эта ихъ жестокая ошибка ими же сознается, но поздно...“ (стр. 149). Можетъ быть, и есть оплакивающіе „жестокую ошибку“ англичане, но люди свѣдущіе смотрятъ на дѣло иначе и притомъ совершенно правильно. И эмиръ Ширъ-Али-ханъ имѣлъ 60 т. войска, обученнаго по англо-индійскимъ уставамъ и очень не дурно вооруженнаго, съ хорошею артиллеріею. Армія Абдуррахманъ-хана не достаетъ, по отзывамъ англійскихъ членовъ разграничительной коммисіи 1885—1887 г.г., того же, чего не доставало главнымъ образомъ арміи Ширъ-Али-хана: европейскихъ офицеровъ (см., напр., Northern Afghanistan, by major Yate, London, 1888, p.p. 367, 368). Въ случаѣ вѣрности Абдуррахманъ-хана, въ войнѣ съ Россіею, авганскія войска, обученныя одинаково съ англо-индійскими, получаютъ британскихъ офицеровъ, владѣющихъ авганскимъ языкомъ (знаніе его обязательно для службы въ войскахъ сѣверо-западной границы), и въ состояніи будутъ противостоять лучшимъ европейскимъ войскамъ. Напротивъ, въ случаѣ войны противъ Англіи, авганскія войска, безъ европейскихъ офицеровъ, говорящихъ по-авгански и знающихъ англо-индійскіе воинскіе уставы, будутъ столь же безсильны, какъ оказались войска Ширъ-Али-хана. Сверхъ того, авганскія войска и ополченія не въ состояніи бороться съ арміями европейскаго противника въ правильной войнѣ по той причинѣ, что бѣдность страны продуктами продовольствія и средствами перевозокъ не позволяетъ сосредоточивать значительныхъ массъ не только ополченія, но и регулярной арміи. Самое выставленіе ополченія возможно въ столь значительныхъ размѣрахъ, какіе выше приняты, лишь при условіи нахожденія ополченцевъ вблизи ихъ жилищъ и полученія ими продовольствія изъ домовъ своихъ. По всѣмъ этимъ причинамъ единственною разумною системою войны для авганскихъ военныхъ силъ можетъ быть признана лишь партизанская, при которой ополченіе, пользуясь знаніемъ мѣстности, можетъ, не безуспѣшно и причиняя большой уронъ, задерживать движенія наступающаго противника, а главное нападать на его обозы и прерывать сообщенія, вызывая раздробленіе силъ и случаи истреблять мелкія части.

По свѣдѣніямъ Симона, источникъ которыхъ не указанъ, но которыя повторяются нашимъ авторомъ, Абдуррахманъ-ханъ пытался убѣдить племена дураніевъ и шинвари „держатъ, по примѣру Бадахшана и Вахана, автономныя войска на которыя эмиръ могъ бы опереться въ случаѣ необходимости. Мы не наемники и не будемъ ими—отвѣчали приглашенные въ Кабулъ делегаты“ (стр. 150). Весьма сомнительно все это, потому что „автономныя войска“ опасны для власти эмира надъ землями и племенами, гдѣ заведутся,

какъ это показывалъ примѣръ Бадахшана не разъ. „Въ 1895 году Абдрахманъ-ханъ затѣялъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ введеніе въ Афганистанъ всеобщей воинской повинности, для обсужденія чего созвалъ въ Кабулъ всѣхъ хановъ улусовъ. Протесты оказались столь рѣшительными и твердыми, что эмиру не оставалось ничего другого какъ, по афганскому выраженію, „оставить отдыхать спящихъ собакъ“ (стр. 150). Я не знаю, откуда все это взялъ г. Б-ичъ, но „афганское выраженіе“ приводилось Симономъ въ 1885 году (р. 121): „Абдрахманъ-ханъ пытался въ послѣднее время ввести въ независимыхъ ханствахъ ту повинность, которую несутъ уже ханства Бадахшанъ и Ваханъ, которые имѣютъ особыя мѣстныя войска, обязанныя однако выступать въ походъ каждый разъ, какъ потребуетъ эмиръ. Но опытъ скоро показалъ, что въ настоящее время, какъ и прежде, сдѣлать изъ всѣхъ авгановъ наемниковъ невозможно. Шинваріи и дураниі дали по этому поводу убѣдительныя доказательства своей рѣшимости не принимать никакого ига, и эмиръ, несмотря на свои деспотическія наклонности, вынужденъ былъ оставить, по авганскому выраженію, *reposer les chiens qui dorment*“.

VI. Эмиръ и англо-авганскія отношенія.

Авторъ разбираемой статьи „Афганистанъ и его эмиръ“, намѣчая ея задачи, собирався, кромѣ очерка Афганистана, дать „характеристику“ его эмира. Слѣдовало поэтому ожидать, что въ статьѣ будутъ помѣщены важнѣйшія біографическія данныя объ эмирѣ Абдэррахманъ-ханѣ и изложены главныя событія его жизни и характерныя черты его дѣятельности, въ связи съ тѣми задачами, которыя ставили правителю Афганистана внутреннія и внѣшнія политическія отношенія. Ожиданія эти не оправданы. Въмѣсто обѣщанной характеристики, у г. Б-ича читаемъ: „Намъ остается сказать нѣсколько словъ о самомъ повелителѣ Афганистана, эмирѣ Абдрахманъ-ханѣ, для чего мы воспользуемся трудомъ послѣдняго Европейца бывшаго и описавшаго свое пребываніе въ Кабулѣ... г. Керзона, добавивъ кое-что изъ извѣстной работы Дармстеттера“ (стр. 104). Какое именно сочиненіе французскаго оріенталиста Дармстеттера имѣлъ въ виду нашъ авторъ,—онъ не указалъ. Извѣстной ученой „работой“ Дармстеттера, относящейся къ Афганистану и авганамъ, можно правильно называть только *Chants populaires des Afghans*, Paris, 1888—1890, но книга эта г. Б-ичу неизвѣстна, какъ видѣли мы по его весьма неудовлетворительнымъ свѣдѣніямъ объ авганскомъ языкѣ. Другимъ сочиненіемъ того же умершаго уже четыре года тому назадъ ученаго, имѣвшимъ отношеніе въ авганамъ, были *Lettres sur l'Inde. A la frontière afghane*, Paris, 1888; это наброски, замѣтки и впечатлѣнія изъ поѣздки въ Индію

и на авганскую границу, предназначенныя для большой публики, живо написанныя и не претендующія на научное значеніе. Вѣроятно г. Б-ичъ имѣетъ въ виду именно эту книжку Дармстеттера.

Джорджъ Керзонъ (George Curzon), сынъ лорда Scarsdale, выступилъ на поприще политической дѣятельности въ 1885 году, въ качествѣ секретаря лорда Солсбери; въ 1886 году онъ былъ избранъ въ члены палаты общинъ и вскорѣ сдѣлался вліятельнымъ дѣятелемъ партіи тори и ея министровъ; въ нынѣшнемъ году, не достигши еще сорока-лѣтняго возраста, онъ назначенъ на постъ вице-короля Индіи. Избравъ спеціальностью азиатскую политику Англіи, онъ, для ознакомленія съ ея предметами на мѣстахъ, совершилъ нѣсколько путешествій въ Индію, лично ознакомился съ значительною частію Персіи и наконецъ осенью и зимою 1894 года совершилъ поѣздки на Памиры и затѣмъ въ Кабулъ. Книжка Керзона, которою пользовался нашъ авторъ, есть содержащее краткій отчетъ о поѣздѣ въ Кабулъ сообщеніе, прочитанное 10 мая 1895 года въ Royal Institution of Great Britain. Все существенное и имѣющее значеніе для уясненія политики эмира и его характеристики изъ взятаго г. Б-ичемъ у Керзона заключается въ слѣдующемъ: „Я смотрю на эмира Абдрахманъ-хана какъ на твердо убѣжденнаго и вѣрнаго союзника великобританскаго правительства. Хотя и часто случались у него несогласія съ индійскимъ управленіемъ, бывали даже моменты когда отношенія между ними были натянуты, но я не думаю чтобы общій ходъ имперской политики могъ когда либо поколебать его вѣрность. Онъ знаетъ что мы не замыслимъ, да и не желаемъ присоединять къ себѣ его владѣнія. Онъ смотритъ на насъ какъ на единственную опору цѣлости его территоріи и сохраненія свободы Афганистана. Какъ независимый государь, онъ, ради подданныхъ своихъ, долженъ играть въ независимость, чѣмъ нѣсколько и раздражается нашъ officialный міръ, но въ критическую минуту онъ непременно обратится за совѣтомъ къ Англіи и бросится въ ея объятія. Какъ одно изъ доказательствъ этого, я могу привести настоятельное желаніе непременно пріѣхать нынѣшнимъ лѣтомъ (1895 г.) въ Англію... Если же онъ не могъ исполнить своего желанія и послалъ вмѣсто себя своего младшаго сына, то это отнюдь не влѣдетъ нѣкоторыхъ безпорядковъ въ странѣ, а просто благодаря состоянію своего здоровья, при которомъ онъ не считалъ себя въ правѣ уѣхать изъ Афганистана“ (стр. 105 и 106). Тутъ г. Б-ичъ замѣчаетъ отъ себя: „Дальнѣйшія обстоятельство показали что въ этомъ отношеніи англійскій дипломатъ жестоко ошибся: восточный перехитрилъ его. Весною 1895 г. здоровье эмира было несравненно лучше чѣмъ во время визита г. Керзона, миссія котораго и заключалась въ томъ чтобы во что бы то ни стало добиться отъ эмира его путе-

шества. Восточный дипломат прекрасно зналъ что онъ нуженъ Англичанамъ въ Лондонѣ лишь для манифестаціи въ пику Россіи, но другъ Англіи благоразумно не пожелалъ быть непріятнымъ и своему сѣверному сосѣду“ (стр. 106 и 107). Мы обсудимъ ниже, на основаніи дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ и не несообщенныхъ читателямъ обстоятельствъ, кто ошибался, Керзонъ или нашъ авторъ.

„Эмиръ съ твердостью заявилъ мнѣ что считаетъ Англію и Афганистанъ членами одной семьи, и это убѣжденіе, хотя принадлежащее пока только правителю, сравнительно съ его подданными ушедшему впередъ на цѣлыя поколѣнія,—можетъ проникнуть и въ прочіе умы населенія“. По этому поводу г. Б-ичъ,—такъ мѣстами переводящій Керзона, что не легко догадаться объ истинной рѣчи послѣдняго,—приводить, по воспоминаніямъ лорда Робертса, заявленіе эмира на свиданіи съ вице-королемъ въ Реваль-Пинди: „Лично я сторонникъ тѣснаго союза въ Англіей, но... подданные мои не раздѣляютъ моихъ мнѣній и симпатій... Это грубые люди, невоспитанные и подозрительные“. „Что это была фраза восточнаго дипломата и патентованнаго стилиста,—пишетъ самъ г. Б-ичъ,—видно изъ настоящихъ событій, ибо отъ одного слова эмира зависить прекращеніе войны на сѣверо-западной границѣ Индіи. Увѣряя Англію въ дружбѣ, эмиръ слова этого не произноситъ“ (стр. 108). На самомъ дѣлѣ, въ „настоящее“ время, т. е. въ августъ и сентябрь 1898 г., когда обращался г. Б-ичъ къ читателямъ „Русскаго Вѣстника“, никакой войны на сѣверо-западной границѣ Индіи нѣтъ, и мы увидимъ, что эмиръ словомъ и дѣломъ выказалъ себя вѣрнымъ другомъ Англіи во время происходившихъ, съ конца іюля 1897 года до начала 1898 года, между нею и пограничными племенами столкновений, которыя къ концу марта завершились покорностью наиболѣе упорствовавшихъ горцевъ, и установленіемъ на всей сѣверо-западной границѣ Индіи спокойствія, съ того времени не нарушавшагося.

Относительно внутреннихъ отношеній приводится изъ Керзона объ эмирѣ: „Ему приходилось управлять твердою рукою, которую не достаточно назвать желѣзною. Я не могу представить себѣ чтобы въ цѣломъ мірѣ нашелся государь котораго его народъ боялся бы съ такимъ основаніемъ какъ боится Абдурахманъ-хана его народъ“. Здѣсь г. Б-ичъ замѣчаетъ: „Дарместетеръ первый недѣли своего пребыванія въ Кабулѣ возмущался жестокостію эмира, но, пишетъ онъ, „по мѣрѣ того какъ проходило время я убѣдился что смотрѣть на поведеніе азіатскаго правителя буйной націи съ точки зрѣнія западной цивилизаціи XIX вѣка—значить совершать не только ошибку, но и несправедливость““ (стр. 107). Ограничимся пока указаніемъ на странное недоразумѣніе г. Б-ича или его источника, если онъ цитируетъ съ чужихъ

словъ: французскій ориенталистъ въ Кабулѣ и вообще въ предѣлахъ земель эмира никогда не бывалъ; онъ посѣтилъ только часть британскихъ владѣній, граничащихъ съ Афганистаномъ, какъ видно и изъ подзаглавія его книги, выше приведеннаго,—„На афганской границѣ“.

Я уже приводилъ изъ предисловія статьи г. Б-ича, что его интересуютъ вопросы: кто виноватъ въ возстаніи племенъ противъ Англіи въ 1897 году, участвовалъ ли въ этомъ возстаніи прямо или косвенно эмиръ, каковы отношенія эмира къ Россіи и Англіи. вмѣсто обстоятельнаго рѣшенія этихъ вопросовъ авторъ нашъ ограничивается разбросанными въ разныхъ статьяхъ статьи случайными замѣчаніями и намеками. Если по возможности собрать ихъ, то оказывается:

1) Причиною возстанія 1897 года, согласно съ мнѣніемъ неизвѣстныхъ „здравомыслящихъ на вещи Англичанъ“, были захваты Ангаією „путемъ обмана“ земель пограничныхъ племенъ и покушенія на ихъ независимость (стр. 129).

2) Такъ какъ Англія нанесла эмиру „въ послѣдніе годы цѣлый рядъ оскорбленій“, то „возмущеніе эмира противъ его покровителей и друзей было бы актомъ естественнымъ“ (стр. 130); если же сообразить, что эмиру, оружейные заводы котораго производятъ 15 ружей и 20 т. патроновъ въ день, „было чѣмъ снабдить десятки тысячъ Афридиссовъ, Оракзансовъ, Момаидовъ, Мумаидовъ и пр.“ (стр. 150), и что хотя „отъ одного слова эмира зависить прекращеніе войны“, но онъ „слова этого не произноситъ“, коварно „увѣряя Англію въ дружбѣ“ (стр. 108), то повидимому несомнѣнно, что авторъ нашъ склоненъ къ мнѣнію, что подъ влияніемъ „цѣлага ряда оскорбленій“ эмиръ не чуждъ возбужденію племенъ къ возстанію и снабжалъ ихъ оружіемъ. Указать—въ чемъ именно состоялъ „цѣлый рядъ оскорбленій“, возбудившихъ эмира противъ Англіи, г. Б-ичъ не позаботился, но этотъ пропускъ, зная отношенія статьи его къ писаніямъ Нила Бронского подъ тѣмъ же заглавіемъ, можно восполнить при помощи послѣднихъ: „Въ послѣдніе годы эмиръ видитъ въ себѣ жертву преднамѣренныхъ оскорбленій. Лордъ Ленсдоунъ, дебютируя въ качествѣ вице-короля, счелъ долгомъ протестовать передъ эмиромъ противъ варварскихъ его наказаній, но наказанія эти для Афганистана совѣтъ не варварскія, а составляютъ единственное средство для укрѣпленія трона эмира“. Эмиръ обидѣлся, и „когда правительство Индіи пригласило его на дурбаръ, приглашеніе было принято съ обдуманной грубостью“. Чтобы не возвращаться потомъ къ этому предмету, приходится сказать, что приглашеніе на дурбаръ и грубость въ отвѣтъ эмира есть чей-то вымыселъ, такъ какъ ничего подобнаго не знаютъ компетентные писатели, какъ Wheeler и др. „Тогда индійское правительство рѣшило послать доктора

Робертсона *) для улаженія все увеличивавшихся затрудненій, но эмиръ, согласившись въ принципѣ на принятіе миссіи, разошелся съ правительствомъ въ опредѣленіи численности эскорта... и не назначалъ дня для приѣма миссіи, которая и не состоялась. Положеніе дѣлъ, казалось, не имѣло исхода, какъ вдругъ, благодаря совѣту мистера Пайна, эмиръ заявилъ, что если его здоровье не позволяетъ ему посѣтить Индію и вице-короля, то за то онъ отправится въ Англію“. Результатомъ будто-бы этого заявленія были „миссія сэра М. Дагоранда и приглашеніе королевы посѣтить Англію (миссія Керзона)“. Упомянувъ затѣмъ о брошюрѣ *The Afghan Alliance* нѣкогого Kay Robinson, котораго, почему-то, считаетъ очень компетентнымъ человекомъ и у котораго, повидимому, болѣе или менѣе почерпнулъ свои свѣдѣнія объ „оскорбленіяхъ“, Нилъ Бронской продолжалъ: „Оскорбленія, о которыхъ онъ говоритъ, дошли въ послѣднее время до своего апогея, чаша эмира переполнилась и... по всей афганской границѣ возстали племена потанскаго и афганскаго происхожденія, изъ коихъ послѣдніе (афридиссы и окариссы) всегда признавали надъ собою власть эмира, а не Англіи... Эмиръ... по послѣднимъ извѣстіямъ дѣятельно собираетъ въ Кабуль со всѣхъ сторонъ Афганистана мулъ съ цѣлю объявить джехадъ...“ („Міровые Отголоски“, 28 августа 1897 года, № 237). Ниже мы укажемъ, что происходило въ дѣйствительности вмѣсто фантазій корреспондента „Міровыхъ Отголосковъ“, теперь же предупредимъ, что М. Дагорандомъ названъ у Нила Бронского сэръ Мортимеръ Дьюрандъ, а „окариссами“ оракзи или „оракзиссы“ г. Б-ича.

3) „Возмущеніе эмира противъ его покровителей и друзей“, т. е. противъ Англіи, г. Б-ичъ находитъ не только „актомъ естественнымъ“, но „при настоящихъ обстоятельствахъ вполне возможнымъ“ (стр. 130). Какія это обстоятельства—авторомъ не выяснено, но „главныя массы“ войскъ эмира, которыя ранѣе „были сосредоточены болѣе на нашей, чѣмъ на индійской границѣ, теперь... частію передвинуты, частію передвигаются на южную и восточную границы, благодаря переизмѣнѣ курса политики эмира и улучшенію его отношеній съ Россіей позволившихъ ему исполнить это передвиженіе“ (стр. 147 и 148). Кажется, всего этого нельзя понять иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что доведенный до крайности оскорбленіями Англіи эмиръ вошелъ въ какое-то соглашеніе съ Россіей и передвинулъ „массы“ своихъ войскъ на англо-индійскую границу, дабы оказать помощь уже открывшимъ военныя дѣйствія пограничнымъ племенамъ, которыя онъ подстрекнулъ къ войнѣ и снабдилъ оружіемъ.

*) Въ доктора Робертсона Нилъ Бронской умудрился превратить, какъ увидимъ, главнокомандующаго англо-индійской арміей генерала Роберта.

Обращаясь къ разсмотрѣнію приведенныхъ свѣдѣній и мнѣній г. Б-ича, припомнимъ, что съ независимыми отъ эмировъ или мало имъ подчинявшимися, занимающими Сулеймановскую горную систему и южные отроги Хиндукуша противъ низовьевъ Кабуль-дарьи, восточными авганскими племенами Англія вошла въ соприкосновеніе съ 1849 года, по завоеваніи Пенджаба у сейковъ, унаслѣдовавъ и границы владѣній сейковъ съ землями означенныхъ племенъ. Отношенія къ этимъ племенамъ въ продолженіе истекшихъ пятидесяти лѣтъ не переставали составлять одну изъ труднѣйшихъ задачъ англо-индійской политики, оставшуюся, однако, не разрѣшенною. Конечно, отношенія Англіи къ пограничнымъ племенамъ находятся въ связи съ ея отношеніями къ Авганистану и имѣютъ общимъ источникомъ и цѣлью оборону Индіи отъ Россіи. Отказавшись отъ обладанія Авганистаномъ и возведя въ 1880 году на престолъ Кабула Абдэррахманъ-хана, на условіи подчиненія ей вѣншихъ отношеній его страны, Англія оставила, однако, за собою прибрѣтенныя по гандамакскому договору 1879 года отъ эмира Якубъ-хана главныя долины Сулеймановыхъ горъ, съ ведущими въ Индію изъ Авганистана путями и перевалами, и „контроль“ надъ окрестными горными племенами, съ тою цѣлю, чтобы, усиливъ естественныя затрудненія для движеній вражескихъ силъ чрезъ Сулеймановы хребты искусственными укрѣпленіями, сдѣлать изъ пограничной горной страны главную преграду русскому нашествію, на случай неуспѣхности военныхъ дѣйствій на сѣверныхъ границахъ Авганистана или въ предѣлахъ его, а также на случай перехода Авганистана на сторону Россіи. Для достиженія цѣли было бы, разумѣется, всего лучше, если бы Англія фактически обладала страной и управляла населеніемъ. Къ этому естественно и стремится англо-индійская политика, но воинственность, свободолюбіе и враждебность всякой, особенно же чуждой, власти восточныхъ авганскихъ племенъ представляли столь большія препятствія, что Англія рѣшила признавать независимость племенъ и не вмѣшиваться въ ихъ внутреннее управленіе и отношенія, не допуская, однако, связей ни съ эмиромъ, ни тѣмъ болѣе съ Россією, не отказывая себѣ, въ случаѣ надобности, по стратегическимъ соображеніямъ, завладѣвать нужными дорогами и пунктами, съ согласія племенъ или силою, и намѣреваясь подчинить своей власти и управленію всѣ племена постепенно, при помощи политическихъ мѣропріятій и вліянія. Благодаря щедрымъ субсидіямъ, во время войны 1878—1880 гг., пограничныя племена держали себя нейтрально. По окончаніи ея, британскій агентъ для Белучжистана и юго-восточной части авганскихъ племенъ сэръ Робертъ Сендеманъ, во время войны уютившій—по выраженію Раверти—дорогу отъ Инда до Кандахара золотомъ, приступилъ къ подчиненію юго-восточныхъ авганскихъ племенъ англійской власти и управленію.

Вслѣдствіе преобладанія у калеровъ и другихъ юго-восточныхъ племенъ наслѣдственно-ханской власти дѣятельность Сендемана, располагавшаго, особенно послѣ покоренія Россіею Туркменіи, а затѣмъ послѣ подчиненія Мерва и столкновеній на авганской границѣ, обильными средствами, была успѣшна и въ 1887 году изъ земель племенъ, въ которыхъ введено имъ англійское управленіе, съ сохраненіемъ власти хановъ и суда по обычаямъ, образована особая провинція Ивдиі подъ названіемъ Британскаго Белучистана. Но попытки дальнѣйшаго распространенія англійскаго управленія на сѣверъ, среди свободолюбивыхъ, съ демократическо-родовымъ самоуправленіемъ, керларнійскихъ племенъ встрѣтили большія препятствія. Сендеманъ находилъ и здѣсь меликовъ, призывающихъ англійскія деньги и военныя силы для своего обогащенія и приобрѣтенія деспотической власти надъ общинами, но народная масса относилась враждебно. встрѣчала англійскихъ агентовъ и войска съ оружіемъ въ рукахъ. Въ 1888—1891 гг. Сендеманъ успѣлъ еще подчинить англійскому управленію Сивистанъ (долины Зхоба, Бори и Барханъ), но только при помощи ежегодно высылавшихся военныхъ отрядовъ, которые первые года достигнуть Зхоба не могли, вслѣдствіе вооруженнаго сопротивленія племенъ. Затѣмъ распространеніе британскаго управленія на сѣверъ, уже въ земляхъ воинственныхъ везирей, остановилось. Даже въ долинѣ Зхоба возникли волненія, возбужденіе которыхъ приписывалось отчасти пограничнымъ авганскимъ властямъ.

Признавъ крайне необходимымъ окончательно устранить сношенія эмира съ пограничными племенами и служившую для нихъ предлогомъ неопредѣленность границы, англо-индійское правительство добилось этой цѣли соглашеніемъ Дьюранда 12 ноября 1893 года. Однако, вмѣсто ожидавшагося умиротворенія и подчиненія горцевъ, установленіе въ натурѣ знаковъ на точно опредѣляемой границѣ и устройство постоянныхъ военныхъ стоянокъ въ Ваню, въ долинѣ Точи и пр., съ подчиненіемъ районовъ около этихъ пунктовъ британскому управленію, вызвали въ 1894—1897 гг. рядъ вооруженныхъ столкновеній съ везирями и нѣсколько дорого стоявшихъ военныхъ экспедицій. Между тѣмъ читральскій походъ 1895 и послѣдовавшее за нимъ устройство военной дороги для сообщенія Шишавера съ Читралемъ, съ возведеніемъ для ея охраненія укрѣпленій въ Малакандѣ и Чакдере, въ земляхъ юсуфзиевъ, вызвали со стороны сѣверныхъ пограничныхъ племенъ опасенія за свою независимость и неприкосновенность земель. 10 іюня 1897 года ожесточеніе и ненависть къ британской власти и территориальнымъ захватамъ выразились, неожиданнымъ и для самого мѣстнаго населенія, нападеніемъ его въ деревнѣ Майзарѣ, долины Точи, на англійскій отрядъ, составившій конвою мѣстнаго британскаго комиссара, при чемъ были убиты или ранены всѣ пять офицеровъ отряда и 52 человека изъ 300 нижнихъ чиновъ. Снаряжен-

ный для отмищенія отрядъ генерала Бирда, изъ 5—6 тыс. человекъ, долженъ былъ остаться въ предѣлахъ Везиристана до конца ноября, чтобы, во-первыхъ, вынудить покорность вѣтви маддахель, произведшей нападеніе и удалившейся въ предѣлы владѣній эмира, и, во-вторыхъ, чтобы удержать отъ возстанія остальныхъ везирей, которые иначе послѣдовали бы примѣру юсуфзиевъ и другихъ сѣверныхъ племенъ. Возстаніе послѣднихъ началось, подобнымъ майзарскому, неожиданнымъ взрывомъ въ долинѣ Свата 26 іюля 1897 года и нападеніями внезапно образовавшихся скопищъ горцевъ на укрѣпленія Чакдере и Малаканда. Ночныя и дневныя атаки противъ этихъ укрѣпленій, съ большими потерями для горцевъ, продолжались до прибытія подкрѣпленій къ 31 іюлю и до перехода затѣмъ англичанъ въ наступленіе.

Племена Свата были усмирены въ продолженіе августа, но между тѣмъ въ возстаніи приняли участіе и открыли враждебныя дѣйствія, съ одной стороны, племена Вунира, съ другой—нѣкоторыя племена Баджаура, нижней Пянджоры и моменды, увлеченные муллою Неджмъ-аддиномъ, въ скопище котораго стеклось много добровольцевъ изъ пограничныхъ владѣній эмира и изъ населенія британской пишаверской долины. Двѣ бригады изъ сватскаго отряда генерала Биндонъ Блуда и двѣ бригады изъ Пишавера подъ начальствомъ генерала Элліса привели всѣ эти племена къ покорности въ теченіи сентября и части октября, за исключеніемъ бунирскихъ юсуфзиевъ, усмиреніе которыхъ совершено въ январѣ 1898 года. Между тѣмъ въ двадцатыхъ числахъ августа открыли военныя дѣйствія афридіи и оракзи. Первые 23—25 августа, не безъ нѣкотораго сопротивленія, овладѣли фортами Хайберскаго прохода, гарнизоны которыхъ состояли изъ „хайберскихъ стрѣлковъ“, набранныхъ большею частью изъ племени самихъ же афридіевъ. Оракзи въ концѣ августа и началѣ сентября дѣлали нападенія на форты въ хребтѣ Самана и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, но большею частію безуспѣшно. Сформированный противъ афридіевъ и оракзиевъ отрядъ генерала Локхарта, силою до 20 тыс. чел. (не считая всего до 4 тыс. резерва и вспомогательныхъ колоннъ, изъ которыхъ приняла участіе въ войнѣ лишь курамская подвижная колонна численностью до 2.500 чел.), началъ военныя дѣйствія 18 октября. Форсировавъ три горныхъ перевала, войска Локхарта, въ числѣ около 14 тыс. чел., къ 1 ноября достигли котловины Майданъ, центра страны афридіевъ, извѣстной подъ именемъ Тира. Здѣсь Локхартъ обнаруживалъ условія, на которыхъ оракзиамъ и афридіямъ могъ быть дарованъ миръ. Оракзи немедленно ихъ приняли, афридіи же уклонились. Тогда отдѣляемые изъ отряда колонны постепенно опустошили обрабатываемыя мѣстности земель афридіевъ, истребляли ихъ жилища, захватывали скотъ и т. д. Между 27 ноября и 6 декабря Локхартъ, съ частью отряда, совершилъ экспедицію

въ долину р. Курмапы, соединился съ проникшею туда курамскою колонною и вынудилъ мѣстныхъ племена чамканиевъ и масузиевъ принести покорность. Такъ какъ афридіи, отправивъ частію свои семьи въ авганскіе предѣлы, частію же укрывая ихъ въ горахъ, не покорялись, продолжая партизанскую войну и дѣйствуя на сообщенія, а между тѣмъ наступили холода и оставлять войска въ Тира долѣе не представлялось возможности, то, отправивъ тяжести обратно прежнимъ путемъ, Локхартъ 7—17 декабря вывелъ свой отрядъ двумя колоннами къ Пишаверу, внизъ по теченію рѣкъ Гара и Мاستуры, объявивъ афридіямъ, что въ случаѣ дальнѣйшей непокорности ихъ вернется обратно въ ихъ земли. Въ концѣ декабря часть отряда Локхарта заняла Хайберскій проходъ почти безъ сопротивленія. Наступленіе весны, невозможность застѣва хлѣбовъ въ случаѣ возвращенія англійскихъ войскъ въ Тира, угрожающій вслѣдствіе этого голодъ и конечное раззореніе вынудили, наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, и афридіевъ принести покорность и выполнить поставленные условія къ началу апрѣля, когда и послѣдовало расформированіе отряда Локхарта.

Въ продолженіе военныхъ дѣйствій 1897 года, принимавшія въ нихъ участіе авганскія горныя племена понесли огромныя потери убитыми и ранеными; большая часть ихъ укрѣпленныхъ башенъ, домовъ и другихъ сеньгеровъ (укрѣпленій) уничтожена, множество жилищъ, садовъ и разнаго имущества истреблено; спасаясь отъ непріятельскаго нашествія, семьи ихъ подверглись въ горныхъ убожищахъ великимъ бѣдствіямъ, лишеніямъ и болѣзнямъ. Горцы убѣдились, что, благодаря дѣйствію артиллеріи, англичане могутъ овладѣвать всѣми считавшимися непроходимыми ущельями, горами и перевалами, защищать же ихъ, несмотря на все свое мужество и жертвы, племена оказываются не въ состояніи. Понесенные матеріальные ущербы и упадокъ духа, безъ сомнѣнія, лишатъ пограничныя племена на долгое время возможности возобновить борьбу съ Англо-Индією. Конечно, озлобленіе противъ англичанъ и ненависть къ нимъ крайне возрасли, но потребуются нѣсколько лѣтъ для того, чтобы горцы возстановили разрушенныя жилища и сильно пострадавшее хозяйство, а также для того, чтобы гнетущее впечатлѣніе поражений, своей слабости и превосходства могущества врага нѣсколько изгладилось *). Съ другой стороны и Англо-Индіи столкновенія съ горами обош-

*) Приведеніе всѣхъ источниковъ краткаго обзора столкновеній Англіи съ пограничными племенами въ 1897 г. потребовало бы много мѣста. Поэтому ограничусь указаніемъ на главнѣйшій, самый достоверный: *Military operations on the North-West Frontiers of India*, London, 1898. Въ двухъ томахъ этого представленнаго парламенту сборника содержатся телеграммы и различная офиціальная переписка. У насъ имѣется обстоятельная статья г. Г. В. «Очеркъ Тирахской экспедиціи» и пр. въ «Военномъ сборникѣ» 1898 года, августъ, стр. 342—384. Въ наши газеты слишкомъ часто поща-

лись не дешево. Съ 10 іюня 1897 года по 8 марта 1898 года англо-индійскія войска потеряли убитыми и умершими отъ ранъ 506 чел. и ране-

дали невѣрныя или извращенныя свѣдѣнія. Такъ, напр., Ниль Бронской въ № 260 «Міровыхъ Отголосковъ» (20 сентября 1897 г.) извѣщалъ, что 16 (п. ст., т. е. 2 ст.) сентября генераль Джеффрей «патолкнулся» на громадное скопище «мумандовъ» «и потерпѣлъ полное пораженіе». «Я нарочно вчера посѣтилъ два клуба... чтобы... посмотреть, отразилось ли что нибудь на высокихъ лицахъ»... «Огразилось... лица вытянутыя». Злорадство однако было напрасное, такъ какъ ночное нападеніе на небольшую часть отряда Джеффрея, не успѣвшую соединиться съ главными силами отряда, было все же отражено и никакихъ вліяній на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій не имѣло (см. *Military operations*, vol. 2, p. 14—18). М. В. Венюковъ, въ газетѣ «Кавказъ» 31 октября 1897 г., представлялъ положеніе дѣлъ такъ: «Въ прошломъ іюлѣ (англичанамъ) пришлось потерпѣть пораженіе въ долинѣ Суата; позднее смѣлая нападенія Афридіевъ, Мохмендовъ, Оракзаевъ приблизили театръ военныхъ дѣйствій къ Пишаверу, а тѣмъ англійскимъ войскамъ, которыя проникли было въ Ваджауръ на правый берегъ Пинджкоры, приходится опасаться не только пораженія, но и истребленія». Имѣющему 60 т. «Локарту приходится изворачиваться съ трудомъ и англійское правительство вынуждено было посылать подкрѣпленія изъ Европы».—Даже чуждый англофобства и обыкновенно хорошо освѣдомленный хроникеръ «Русскаго Богатства» С. Н. Южаковъ писалъ ошибочно, что «въ долинѣ Тачи, въ концѣ іюня, былъ атакованъ и истребленъ»... «летучій отрядъ англійскихъ войскъ, обходившій предгорья Соломонова хребта» (февраль 1898 г., стр. 123); на самомъ дѣлѣ нападеніе было произведено 10 іюня н. ст. въ д. Майзаръ, долины Точи, не на летучій отрядъ и т. д., а на конвой мѣстнаго комиссара Ги въ 300 ч., но конвой этотъ истребленъ не былъ, а только потерялъ 57 ч. убитыми и ранеными, «Осенняя кампанія (генерала Локхарта) была неудачна. Англичане послѣдовательно потеряли всѣ горныя форты, которыми владѣли, а успѣхи, одержанные въ открытыхъ сраженіяхъ, не привели къ покорности» (стр. 124); въ дѣйствительности, афридіи овладѣли лишь фортами и постами Хайберскаго прохода, занятыми «хайберскими стрѣлками» изъ туземцевъ, безъ британскихъ офицеровъ, притомъ задолго до начала кампаніи Локхарта, которая именно этими дѣйствіями афридіевъ была вызвана, всѣ же главные форты въ горахъ Самана, занятые регулярными войсками, англичане удержали въ своей власти, отразивъ нападенія оракзіевъ; не покорились осенью лишь афридіи, союзники же ихъ оракзи не только принесли покорность до выхода Локхарта изъ Тира, но и выполнили всѣ ея условія. «Весною войну придется возобновить съ новыми силами» (тамъ же); на самомъ дѣлѣ весною покорились и афридіи, видя готовность старыхъ силъ возвратиться въ Тира.

Нѣкоторые русскія, французскія и нѣмецкія газеты,—столько же по нерасположенію къ Англіи, сколько по невѣдѣнію истиннаго положенія дѣлъ на англо-индійской границѣ,—старательно собирали и печатали лѣтомъ и осенью 1898 года всякіе слухи о грабежахъ и убійствахъ на этой границѣ, о раздорахъ дирскаго хана съ соседями и т. под., предвѣщая возобновленіе войны Англіи съ пограничными племенами. Всѣ эти предсказанія не оправдались и не могли оправдаться, потому что ранѣе нѣсколькихъ лѣтъ горцы могутъ взяться за оружіе лишь въ случаѣ крайней необходимости, будучи вынуждены Англією, которая совершенно, съ своей стороны, не желаетъ вызывать ихъ къ войнѣ.

ными 1,378 чел. Въ томъ числѣ убито и умерло отъ ранъ англійскихъ офицеровъ 44, нижнихъ чиновъ 136 чел. и ранено офицеровъ 93, англійскихъ нижнихъ чиновъ 404 чел. Для военныхъ дѣйствій противъ горцевъ Англо-Индія должна была выставить одновременно, въ разныхъ отрядахъ, отъ 60 до 70 тыс. чел., т. е. такое число войскъ, которое только и можетъ, при нормальныхъ условіяхъ, выдѣлять вся англо-индійская армія для военныхъ операцій за границею и которое превосходитъ силы, употреблявшіяся въ англо-авганскихъ войнахъ. Огромные расходы, потребовавшіеся для войны, при голодѣ въ Индіи, отразились на финансахъ Индіи чрезвычайно тяжело. Между тѣмъ, хотя враждебнымъ племенамъ нанесены были чувствительныя пораженія, однако слишкомъ суровыя условія мира, въ особенности, напирѣвъ, введеніе англійскаго управленія и отчужденіе земель, могли побудить многія племена къ рѣшимости продолжать войну, для которой отъ Англіи потребовались бы тяжкія усилія на неопредѣленно-долгое время, въ продолженіе котораго могли возникнуть столкновенія съ Россією, легко возможные по поводу борьбы интересовъ на дальнемъ Востокѣ, и въ такомъ случаѣ враждебныя отношенія населенія сѣверо-западной границы угрожали бы Индіи большими опасностями. Какъ бы то ни было, англійское правительство не пожелало ожесточать горцевъ и возбуждать ихъ къ отчаянному сопротивленію для защиты своихъ земель и самоуправленія. Предложенныя племенамъ условія примиренія однообразно сохраняли имъ независимость и обладаніе ихъ землями; побѣдители ограничились наложеніемъ весьма умѣренныхъ штрафовъ и требованіемъ выдачи нѣкоторой части имѣвшагося у горцевъ оружія, особенно дальнобойныхъ магазинныхъ, или ихъ довольно высоко назначенной стоимости. Той же осторожной и миролюбивой политики нынѣшнее министерство намѣрено держаться относительно пограничныхъ племенъ и въ будущемъ. Такія, по крайней мѣрѣ, инструкціи даны лордомъ Хамилтономъ въ упоминавшейся уже депешѣ вице-королю Индіи отъ 28 января 1898 года, и таковы были объясненія правительства въ парламентѣ, въ началѣ весенней сессіи нынѣшняго года.

Для выясненія отношеній эмира къ столкновеніямъ пограничныхъ племенъ съ Англіей необходимо бросить краткій взглядъ на его общее внутреннее и внѣшнее положеніе *). Когда, послѣ отреченія эмира Якубъ-хана отъ престола и высылки его въ Индію, осенью 1879 года, престолъ эмира Авганистана сдѣлался вакантнымъ, то племянникъ Ширъ-Али-хана Абдэррахманъ-ханъ,—

*) Помѣщенные ниже свѣдѣнія взяты изъ различныхъ источниковъ, но главнѣйшіе факты можно найти въ известной біографіи эмира Абдэррахманъ-хана, изданной Wheeler'омъ (*The Ameer Abdur-Rahman*, by Stephen Wheeler, London, 1895), замѣчательной какъ по обилію и вѣрности свѣдѣній, такъ и по безпристрастію автора.

поддерживавшій нѣкогда соперника Ширъ-Али, другого своего дядю Азима, вмѣстѣ съ нимъ разбитый въ январѣ 1869 года и проживавшій съ 1870 г. въ Самаркандѣ,—получилъ отъ русскаго правительства разрѣшеніе попытаться свое счастіе. Въ началѣ 1880 года онъ появился въ Бадахшанѣ, а въ мартѣ власть его была признаваема уже во всѣхъ авганскихъ владѣніяхъ на сѣверѣ отъ Хиндукуша. Успѣху его способствовало отсутствіе соперниковъ, такъ какъ старшій сынъ Якубъ-хана, провозглашенный эмиромъ вождями ополченій, боровшихся съ англичанами въ Кабульской области, былъ несовершеннолѣтенъ и находился на югѣ отъ Хиндукуша, братъ же Якубъ-хана, Эюбъ-ханъ, вслѣдствіе безпорядковъ между его войсками въ Хератѣ, долго не могъ собраться съ силами и выступить противъ англичанъ къ Кандахару. Окончательно уже рѣшившее, вслѣдствіе трудностей удержать Авганистанъ подъ непосредственной своей властью, передать страну эмиру, котораго излюбить населеніе и который согласится подчинить Англіи свои внѣшнія отношенія, англійское правительство поручило завѣдывавшему въ Кабулѣ политическою частію сэру Лепель Гриффину войти съ Абдэррахманъ-ханомъ въ сношенія. Начатыя письмомъ Лепель Гриффина отъ 1 апрѣля переговоры шли довольно медленно, такъ какъ Абдэррахманъ-ханъ, находившійся за Хиндукушемъ, не рѣшался дѣйствовать безъ одобренія вождей племенъ и ополченій на югѣ Хиндукуша. Англійскія условія заключались въ томъ, что эмиру Кабула будетъ предоставлено подчинить себѣ Хератъ, но Кандахаръ останется подъ властію особаго правителя, отъ него независимаго и поставленнаго Англією, и что постановленія гандамаккаго договора о границѣ съ независимыми племенами и „контроль“ надъ ними Англіи останутся въ силѣ; эмиръ обязуется не имѣть политическихъ сношеній съ другими государствами, за что Англія будетъ помогать въ защитѣ его владѣнія отъ всякаго невызваннаго нападенія извнѣ; отказываясь отъ всякаго вмѣшательства во внутреннее управленіе владѣній эмира и отъ назначенія въ предѣлы ихъ англійскихъ резидентовъ, Англія предоставляла себѣ содержать въ Кабулѣ агента изъ мусульманъ, для обычныхъ сношеній съ эмиромъ по текущимъ дѣламъ. Принявъ наконецъ предложенныя условія, Абдэррахманъ прибылъ 20 іюля въ Чарикаръ, англійскія же власти собрали въ Кабулѣ подчинившихся имъ мѣстныхъ сердарей и старѣйшинъ и объявили его эмиромъ. Свидѣвшіе затѣмъ съ сэромъ Гриффиномъ, эмиръ совершилъ свой въѣздъ въ Кабулъ лишь послѣ выступленія англійскихъ войскъ, закончившагося 10 августа. Получивъ, съ августа 1880 года до іюля 1881 года, отъ Англіи въ субсидіи всего 3,615.000 рупій, новый эмиръ успѣлъ въ теченіе этого времени прочно утвердиться въ принятыхъ отъ Англіи владѣніяхъ, съ добавленіемъ 15 апрѣля 1881 г. Кандахара, правитель котораго отказался отъ своего поста. 27 іюля

1881 года Эюбъ-ханъ хератскій успѣлъ захватить Кандахартъ, но 22 сентября онъ былъ разбитъ эмиромъ и бѣжалъ въ Персію, такъ какъ въ это же время войска эмира изъ Туркестана заняли Хератъ. Такимъ образомъ, въ концѣ сентября 1881 года Абдэррахманъ-ханъ объединилъ въ своихъ рукахъ весь Авганистанъ въ тѣхъ предѣлахъ, какіе имѣлъ онъ при Достъ-Мохаммедѣ и Ширъ-Али, за исключеніемъ земель, уступленныхъ по гандаманскому договору.

Призваніе Абдэррахманъ-хана на тронъ эмира Авганистана и дальнѣйшая его поддержка были со стороны Англіи правильнымъ и исполнѣннымъ оправданнымъ политическимъ расчетомъ. Коль скоро Англія рѣшила отказаться отъ непосредственнаго обладанія Авганистаномъ, желая, для противодѣйствія нашествію съ сѣвера, имѣть въ немъ лишь вѣрнаго вассала, пользующагося полной самостоятельностью во внутреннемъ управленіи, то всякій эмиръ, если только онъ человѣкъ умный и энергичный, неминуемо сдѣлается вѣрнымъ слугою ея внѣшней политики, потому что, при признаніи со стороны Россіи Авганистана находящимся въ сферѣ вліянія Англіи, ни одинъ эмиръ не можетъ удержаться на престолѣ не только противъ воли Англіи, но безъ ея субсидій и поддержки внутри государства. Субсидіи крайне нужны были эмиру, по вступленіи на престолъ, для организаціи всѣхъ частей управленія въ странѣ, расшатанной смутами и разоренной непріятельскимъ нашествіемъ. Безъ денегъ едва-ли бы онъ справился съ Эюбъ-ханомъ, пользовавшимся значительной популярностью въ качествѣ побѣдителя надъ бригадою генерала Борроуза при Мейвандѣ; эмиръ не одержалъ бы, быть можетъ, надъ нимъ побѣды, если бы не имѣлъ денегъ для подкупа части войскъ Эюбъ-хана, измѣнившихъ ему въ критическій моментъ. Безъ англійскихъ денегъ очень трудно было бы Абдэррахманъ-хану удержаться на тронѣ и усмирять многочисленныя возстанія, имѣя противъ себя хановъ и старѣйшинъ могущественнѣйшихъ племенъ, которыхъ независимость онъ прекращалъ или ограничивалъ, приверженцевъ семейства Ширъ-Али, все духовенство и руководимую имъ массу населенія, считающую, вмѣстѣ съ муллами, Абдэррахманъ-хана за невѣрнаго и друга невѣрныхъ. При такомъ положеніи, когда эмиръ, въ сущности, опирается лишь на немногихъ личныхъ приверженцевъ и на армію, вѣрность которой, противъ внутреннихъ, по крайней мѣрѣ, враговъ, весьма, при извѣстныхъ условіяхъ, проблематична, главная поддержка эмира заключается въ силахъ и помощи Англіи. Такъ смотритъ на свое положеніе и самъ эмиръ, потому что, получивъ въ 1888 году извѣстіе о пораженіи своей арміи, посланной для усмиренія возстанія Исхакъ-хана въ Авганскомъ Туркестанѣ, онъ немедленно обратился за помощію къ англо-индійскому правительству: справедливо, при ненависти духовенства, нелюбви народа и враждебности хановъ и сердарей,

считая себя находящимся въ крайней опасности, онъ просилъ вице-короля выслать къ нему на помощь возможно болѣе войскъ, и готовъ былъ даже просить о занятіи британскими войсками Кандахара, если бы не отговорилъ его британскій консулъ (агентъ при эмирѣ). Тревога была напрасна и ошибочныя вѣсти о пораженіи его войскъ вскорѣ замѣнились достоверными свѣдѣніями о рѣшительномъ пораженіи Исхакъ-хана, едва спасшагося бѣгствомъ въ Бухару. Но приведенный фактъ весьма интересенъ, ибо показываетъ, съ одной стороны, что самъ эмиръ видитъ единственную надежную опору для себя, при крайней опасности, въ помощи Англіи, и что, съ другой стороны, онъ считаетъ себя въ правѣ рассчитывать на эту помощь, какъ вѣрный другъ и вассалъ. Рассказываютъ, что эмиръ, въ доказательство точнаго исполненія главнаго требованія отъ Авганистана со стороны Англіи, категорически заявлялъ, что у русскихъ властей не найдется отъ него ни одной строчки, написанной по вступленіи на тронъ эмира. Конечно, это—правда, хотя вѣрность эмира въ этомъ отношеніи вѣроятно не подвергалась большимъ искушеніямъ, такъ какъ русскія власти прекратили существовавшія ранѣе письменныя сношенія съ эмирами Авганистана со времени полученнаго еще отъ Якубъ-хана, на поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ, извѣщенія о томъ, что при подчиненіи внѣшнихъ сношеній страны Англіи авганскому эмиру не подобаетъ имѣть непосредственной переписки съ властями другихъ государствъ. Если Абдэррахманъ-ханъ считалъ себя обязаннымъ Россіи благодарностью за одиннадцатилѣтній пріютъ въ Самаркандѣ, то пораженіе его войскъ на Кушкѣ въ 1885 г. нанесло такой ударъ его самолюбію, какъ государя и авганца, что отъ чувства расположенія къ Россіи, которое онъ, весьма, впрочемъ, умѣренно, выражалъ при первыхъ сношеніяхъ съ сѣромъ Лепель Гриффиномъ, не осталось и слѣдовъ. Съ своей стороны Англія скоро стала смотрѣть на утвердившагося на кабульскомъ тронѣ Абдэррахманъ-хана, какъ на полезнаго и надежнаго друга, и уже въ іюнѣ 1883 года, для укрѣпленія взаимныхъ связей, лордъ Рипонъ предложилъ эмиру ежемѣсячную субсидію въ 100 т. рупій (т. е. 1.200.000 рупій въ годъ), „на содержаніе войскъ и оборону сѣверо-западныхъ границъ его владѣній“. Свиданіе съ новымъ вице-королемъ Индіи лордомъ Дюффриномъ въ Реваль-Шинди, въ началѣ апрѣля 1885 г. содѣйствовало окончательному утвержденію союза, которому обѣ стороны и остаются неизмѣнно вѣрными, не смотря на неизбѣжныя, временами, съ той или другой стороны, недоразумѣнія и небольшія неудовольствія, скоро улаживаемыя, такъ какъ союзниковъ связываютъ крѣпкія узы обоюдныхъ интересовъ.

Такъ, устраняясь отъ всякаго вмѣшательства во внутреннее управленіе Авганистана, англо-индійское правительство считало необходимымъ дѣлать эмиру, въ общихъ интересахъ, дружественныя представленія о болѣе

умѣренности и мягкости наказаній. Первымъ дѣломъ эмира по вступленіи на престолъ было сильнѣйшее гоненіе противъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ его враговъ въ лицѣ пользовавшихся популярностью вождей народныхъ ополченій, боровшихся противъ англичанъ, за опасную для его власти ихъ популярность, противъ приверженцевъ семейства Ширъ-Али-хана, противъ сторонниковъ Англіи, оказавшихъ ей услуги въ Авганистанѣ, и т. д. Множество людей было лишено жизни или свободы и изгнано изъ предѣловъ Авганистана. Въ 1881 г. индійское правительство воздержалось отъ всякихъ вмѣшательствъ по этому поводу, но въ 1882 году, когда власть эмира уже достаточно окрѣпла, вице-король обратился къ нему съ просьбою о разрѣшеніи нѣкоторымъ изъ изгнанныхъ или бѣжавшихъ, находящихся подъ покровительствомъ Англіи за ихъ услуги, лицъ возвратиться въ ихъ отечество. Эмиръ отказалъ наотрѣзъ: «Они никогда не будутъ мнѣ друзьями и я не могу выплачивать имъ по три лака (300 т. рупій) въ годъ. Если британскія власти примѣютъ ихъ ко мнѣ, я уничтожу ихъ всѣхъ». Усмирения возстаній въ 1881 г. (вардаковъ и кохистанцевъ), въ 1883 г. (шинваріевъ), въ 1886—7 гг. (гильджіевъ, братъ мятежнаго главы которыхъ былъ подвергнутъ жестокому истязаніямъ: ему выщипали изъ бороды волосы и лили на голову кипящее масло, пока не замучили до смерти) и особенно въ 1888 г. (возстаніе Исхакъ-хана) сопровождалось жестокими казнями и мучительствами. Послѣ пораженія и бѣгства Исхакъ-хана, эмиръ въ ноябрѣ 1888 года отправился на сѣверъ Хиндукуша и пробылъ тамъ до іюня 1890 года, занимаясь казнями. Еще гильджіи обращались къ императрицѣ-королеви Викторіи съ просьбою о защитѣ отъ тиранніи эмира. Въ 1890 году индійское правительство нашло необходимымъ рекомендовать эмиру большую умѣренность въ производимой имъ въ Туркестанѣ расправѣ, ссылаясь на то, что излишняя жестокость можетъ подать поводъ къ вмѣшательству Россіи. Эмиръ отвѣтилъ, что онъ лучше, чѣмъ индійское правительство, знаетъ нравы своихъ подданныхъ, и что только сообразныя этимъ нравамъ наказанія, имъ примѣняемыя, могутъ упрочить спокойствіе въ его владѣніяхъ и предотвратить возобновленіе смутъ. Конечно, эти и позднѣйшія, по поводу кафировъ, представленія о большей гуманности были не совсемъ пріятны эмиру, но такъ какъ дружественные совѣты мотивировались общими интересами, а отклоненіе ихъ эмиромъ не имѣло никакихъ послѣдствій, то нѣтъ основаній полагать, что эмиръ считалъ ихъ для себя какими либо «оскорбленіями», тѣмъ болѣе, что не можетъ же онъ не сознавать, что Англія, къ которой онъ прибѣгаетъ за помощью даже по внутреннимъ дѣламъ, какъ это случилось при полученіи извѣстій о побѣдѣ Исхакъ-хана, не можетъ быть лишена права давать ему дружественные совѣты для пре-

дупрежденія народнаго ожесточенія и возстаній, для усмиренія которыхъ требуются ея силы и средства.

Дармстетеръ, оставляя слишкомъ скоропалительно составленное имъ на основаніи первыхъ слуховъ объ Абдэррахманъ-ханѣ, какъ о жестокомъ тиранѣ, мнѣніе былъ не совсемъ неправъ, потому что одна строгость наказаній не лишаетъ азіатскаго властителя популярности, ибо азіатцы привыкли къ примѣненію смертной казни. Однако, мнѣніе Дармстетера объ Абдэррахманъ-ханѣ, какъ объ *ideal du justicier asiatique* (*Chants populaires des Afghans*, p. 48), также неосновательно и объясняется недостаточностью свѣдѣній, которыя доходили до него во время кратковременнаго пребыванія въ 1886 году на авганской границѣ, тѣмъ болѣе, что возстаніе гильджіевъ было усмирено черезъ годъ послѣ путешествія Дармстетера въ Индію и на авганскую границу, а возстаніе Исхакъ-хана произошло черезъ два года, и потому онъ не имѣлъ свѣдѣній ни о жестокостяхъ, которыми сопровождалось усмиреніе, ни о произведенномъ ими на народъ впечатлѣніи. Хотя азіатцы не смущаются казнями преступниковъ и мятежниковъ, однако и на востокѣ всему есть мѣра, положимъ, отличная значительно отъ западной. И на востокѣ народное сознаніе признаетъ справедливымъ наказаніе лишь виновныхъ и не всегда мирится съ массовыми истребленіями и съ мучительствами въ видѣ нормы. Перешедшее мѣру терпѣнія тиранство и безумная жестокость Надиръ-шаха возбудили общенародную ненависть и закончились его гибелью отъ рукъ персіянъ, хотя это былъ освободитель Персіи отъ ига и грабительства авгановъ-гильджіевъ и завоеватель Авганистана и Индіи. Положимъ, Абдэррахманъ-ханъ не доходилъ до такихъ безумныхъ злодѣйствъ, какъ Надиръ-шахъ, но зато же онъ не совершилъ и тѣни тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя долго заставляли переносить тиранство Надира. Достъ-Мохаммедъ-ханъ и Ширъ-Али-ханъ, предшественники Абдэррахманъ-хана, были строгими правителями, прибѣгавшими къ казнямъ, когда это было нужно, но жестокость и казни нынѣшняго эмира переходили всякую мѣру и достойно вызвали ненависть къ нему всего его народа, такъ какъ жертвами его жестокости пало множество вліятельнѣйшихъ людей всѣхъ подвластныхъ ему племенъ и народностей. Въ авганскихъ народныхъ пѣсняхъ, собранныхъ Дармстетеромъ, нѣтъ и намека на существованіе у народа взгляда на эмира, какъ на «идеалъ азіатскаго судіи». Въ этихъ пѣсняхъ Абдэррахманъ-ханъ клеймится какъ «вскормленникъ» русскихъ, продавшійся англичанамъ и измѣннически погубившій національнаго героя Мохаммедъ-Джана, стоявшаго во главѣ народныхъ ополченій, успѣшно возставшихъ въ концѣ 1879 г. противъ нашествія англичанъ и вынудившихъ Роберта очистить Кабулъ и отсиживаться въ Ширпурѣ до прибытія подкрѣпленій. Въ одной изъ такихъ пѣсней

поется: «Гази (воитель за вѣру) Мохаммедъ-Джанъ-ханъ, мученикъ, оставилъ этотъ міръ. Его велѣлъ погубить эмиръ, схвативъ его при помощи измѣнны... Съ той поры, какъ сердаръ Абдэррахманъ сѣлъ на тронъ эмировъ, исчезло довѣріе челоѣка къ челоѣку. Онъ не перестаетъ дѣлать нападенія на Миръ-Баку и Баку-Туля (предводители возставшихъ въ 1881 г. кохистанцевъ) и избиваетъ газіевъ массами» (*Chants populaires des Afghans*, p. p. 67—69). Еслибы мы имѣли пѣсни позднѣе 1886 года, то, конечно, тамъ нашлось бы много о тиранствѣ и жестокости эмира, остальные же черты, возбуждавшія къ нему народную нелюбовь, уже есть въ небольшомъ собраніи Дармстетера, содержащемъ, впрочемъ, къ сожалѣнію, лишь пѣсни авганъ британскихъ земель и частицы ближайшихъ къ Пешаверу пограничныхъ племенъ.

Болѣе чѣмъ жестокость и кровожадность эмира въ отношеніи къ его подданнымъ озабочивали англо-индійское правительство честолюбивыя стремленія эмира къ увеличенію его владѣній на востокъ, на счетъ пограничныхъ племенъ, Читрала и пр. Волненія въ Везиристанѣ, не безъ нѣкоторой основательности, приписывались желанію эмира расширить тутъ свои владѣнія. Съ цѣлю окончательнаго устраненія недоразумѣній относительно границы и пограничныхъ племенъ, индійское правительство заявило въ 1892 году о желаніи отправить въ Кабуль британское посольство, о присылкѣ котораго эмиръ самъ просилъ въ 1888 году, но тогда поѣздка предназначавшагося въ послы сэра Мортимера Дьюранда не состоялась, вѣдствие возмущенія Исхакъ-хана и путешествія затѣмъ самого эмира въ Туркестанъ. На предложеніе 1892 года эмиръ отвѣтилъ согласіемъ, но когда оказалось, что въ послы снаряжается главнокомандующій индійской арміей генераль Робертсъ, возбудившій двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ въ Кабуль, своими казнями и жестокостію, неизгладимую ненависть и ожесточеніе населенія, то эмиръ благоразумно затянулъ переговоры, а затѣмъ отклонилъ отправленіе посольства подъ предлогомъ смутъ въ странѣ вѣдствие возмущенія хезарейцевъ. Дѣйствительно, прибытіе въ Кабуль Робертса могло ознаменоваться катастрофою, подобною участи Каваньяри. Между тѣмъ, зная, что Робертсъ, за истеченіемъ срока его службы въ Индіи, долженъ отправиться въ Англію въ первой половинѣ 1893 года, эмиръ правильно рассчиталъ, что, отерочивъ прибытіе посольства, избавится отъ Робертса и сопряженныхъ съ его появленіемъ въ Авганистанъ опасностей. Серьезные писатели ничего не говорятъ о переговорахъ относительно конвоя Робертса. Одинъ изъ муллъ, пописывающихъ въ англійскихъ журналахъ, увѣрялъ (*Nineteenth Century*, 1898, February, p. 244), что на увѣдомленіе лорда Лэндсдауна о назначеніи въ конвой Робертса, сообразно его высокому положенію

во главѣ индійской арміи, отряда въ 10 т. ч., эмиръ отвѣтилъ, что съ своей стороны, согласно восточнымъ обычаямъ, вышлетъ на встрѣчу 50 т. ч. Это, конечно, такой же и по тому же шаблону вымышленный анекдотъ, какъ приводимый Wheeler'омъ: во время пребыванія эмира въ Авганскомъ Туркестанѣ, одинъ русскій генераль послалъ предупредить эмира, во избѣжаніе недоразумѣній, что онъ намѣренъ произвести близъ авганской границы маневры съ отрядомъ въ 500 ч.; на это эмиръ отвѣтилъ, что самъ собирается произвести соотвѣтственные маневры съ 5 т. ч. По выѣздѣ Робертса въ Англію, эмиръ не замедлилъ извѣстить, что смуты прекращены и что поэтому никакихъ препятствій къ приему британскаго посольства не имѣется. Посолъ сэръ Мортимеръ Дьюрандъ былъ принятъ въ Кабуль съ большимъ почетомъ и заключилъ 12 ноября 1893 года соглашеніе, которое удовлетворило обѣ стороны. Сохранивъ за собою на восточныхъ склонахъ западнаго Сулейманскаго хребта довольно доходныя и заселенныя спокойнымъ населеніемъ округа Хостъ и Фермуль, эмиръ отказался отъ притязаній на остальные земли въ Сулеймановыхъ горахъ, принялъ предложенную въ этомъ смыслѣ линію границы и обязался окончательно устраниваться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла живущихъ за этою границею племенъ, какъ состоящихъ подъ исключительнымъ контролемъ Англіи; на сѣверѣ отъ Кабуль-дарьи эмиръ отрекся отъ всякихъ притязаній на Читраль и лежащія далѣе на востокъ владѣнія, а также на земли въ бассейнахъ Свата и Пянджкоры, за что Англія утвердила произведенный имъ захватъ Асмара, предоставивъ завладѣть и Кафиристаномъ. Сверхъ того, Англія увеличила ежегодный размѣръ субсидіи эмиру на 400 т. р., такъ что всего онъ сталъ получать 1,600.000 рупій.

Свѣдѣнія г. В-ича, о возложенной на Керзона при поѣздѣ его въ Кабуль официальной миссіи, ошибочны. Керзонъ, членъ консервативной партіи, не только не имѣлъ какого либо порученія отъ стоявшаго въ то время у власти либеральнаго министерства, но публично въ лондонскомъ географическомъ обществѣ, — гдѣ дѣлалъ 18 февраля 1895 года сообщеніе о поѣздѣ на Памиры, — претендовалъ на англо-индійское правительство, запретившее ему „по неизвѣстнымъ таинственнымъ причинамъ“ съѣздить на озеро Викторіи и на В. Памиръ (*The Geographical Journal*, 1896, July, p. 17). Кабуль посѣтилъ онъ какъ частный челоѣкъ, какъ стоявшій въ это время не у дѣлъ бывшій товарищъ государственнаго секретаря по дѣламъ Индіи, могущій снова сдѣлаться членомъ кабинета, когда событія приведутъ ко власти консервативную партію взамѣнъ либеральной. Эмиръ, съ трудомъ допускающій и официальные посольства, разрѣшилъ Керзону поѣздку въ Кабуль какъ политическому дѣятелю, лично къ нему расположенному. Дѣйствительно,

Керзонъ въ корреспонденціяхъ въ Times и въ многочисленныхъ статьяхъ въ журналахъ не разъ высказывался объ эмирѣ, какъ о дорогомъ и вѣрномъ другѣ Англіи, доходя напр. до утвержденія, что Авганистанъ существуетъ потому, что находится подъ управленіемъ человѣка съ желѣзной волей, по смерти же его или удаленіи все государство рухнетъ, какъ карточный домикъ (The Nineteenth Century, 1893, August). Не мудрено, поэтому, что эмиръ, при бесѣдахъ съ Керзономъ, сообщилъ ему о намѣреніи своемъ совершить путешествие въ Англію для укрѣпленія существующихъ дружественныхъ отношеній. Затѣмъ, по болѣзни или по другимъ причинамъ эмиръ самъ не поѣхалъ, а послалъ младшаго сына, это большой важности не имѣетъ. Я отвергаю, однако, предположеніе г. Б-ича о томъ, что эмиръ не поѣхалъ въ Англію, чтобы не причинить непріятности Россіи. Такъ какъ Россія признаетъ Авганистанъ находящимся въ сферѣ вліянія Англіи, то до поѣздки вассала Англіи въ Лондонъ ей не могло быть никакого дѣла, какъ и вообще до взаимныхъ между ними отношеній. Самъ же г. Б-ичъ рассказываетъ, что въ 1885 г., при свиданіи съ вице-королемъ въ Реваль-Шинди, эмиръ, „потрясая поднесенною саблею, воскликнулъ: поражу ею всѣхъ враговъ Англіи“ (стр. 103). Англійскія описанія ничего не говорятъ о потрясеніи саблей и угрозѣ поразить ею всѣхъ враговъ Англіи; по нимъ рѣчь эмира состояла въ слѣдующемъ: „Я глубоко тронутъ доброжелательствомъ вице-короля и оказанными мнѣ королевой-императрицей знаками расположенія. Въ отвѣтъ на эти чувства я выражаю готовность вмѣстѣ съ моими войсками и народомъ оказать всякаго рода услуги, которыя могутъ быть потребованы отъ меня или авганцевъ. Такъ какъ англійское правительство объявило о своей помощи мнѣ для отраженія какого бы то ни было вѣшняго врага, то справедливость требуетъ, чтобы Авганистанъ шелъ самымъ непоколебимымъ образомъ рука объ руку съ британскимъ правительствомъ“.

Соглашеніе Дьюранда не оправдало воздававшихся на него со стороны Англіи надеждъ относительно пограничныхъ племенъ, но эмиръ съ своей стороны исполнялъ его во всей точности. Вѣрнѣ ему онъ оказался и во время столкновеній Англіи съ горцами въ 1897 году, хотя положеніе его было весьма затруднительно. Съ одной стороны, начавшія войну съ англичанами или собиравшіяся открыть военныя дѣйствія племена обращались къ эмиру съ просьбами о помощи; духовенство ихъ, поддерживаемое муллами всего Авганистана, настаивало на объявленіи эмиромъ священной войны противъ невѣрныхъ и о помощи возставшимъ всѣми его силами и средствами; население смежныхъ съ пограничными племенами областей Авганистана устремлялось массами подъ предводительствомъ муллъ за границу въ ряды воюющихъ съ невѣрными; пограничные начальники, въ душѣ болѣею частію сочув-

ствующіе войнѣ противъ невѣрныхъ англичанъ, безсильны были, и при добромъ желаніи, задержать переходъ за границу добровольцевъ, тѣмъ болѣе, что въ горныхъ пограничныхъ мѣстностяхъ прекратить уходъ за границу безчисленными горными тропами, особенно въ ночное время, невозможно; вожди и руководители возстаній не стѣснялись злоупотреблять именемъ эмира, увѣряя горцевъ въ сочувствіи эмира и въ его готовности объявить священную войну по окончаніи необходимыхъ приготовленій. Съ другой стороны, введенные въ заблужденіе разсѣиваемыми подстрекателями къ возстаніямъ слухами и дѣйствительнымъ присоединеніемъ къ скопищамъ горцевъ прибывшихъ изъ владѣній эмира добровольцевъ, нѣкоторые англійскіе политическіе пограничные комиссары доносили, что эмиръ помогаетъ племенамъ высылкою подкрѣпленій и оружія. Получивъ сообщеніе англо-индійскаго правительства отъ 13 августа 1897 года о поступившихъ къ нему донесеніяхъ относительно участія въ скопищѣ муллы Адды, вторгшемся изъ страны момендовъ, подданныхъ эмира и даже его солдатъ, чего не могло бы случиться безъ вѣдома сипахъ-салара (главнокомандующаго), Гулямъ-Хайдеръ-хана, на враждебность котораго правительство обращало и ранѣе вниманіе эмира (Military operations on the North-west Frontiers of India, London, 1898, C.—8713, vol. 2, p. 75), эмиръ 18 августа отвѣтилъ, что свѣдѣнія о нахожденіи въ шайкѣ муллы Неджмъ-эддина солдатъ его арміи ложны и онъ лично готовъ принять присягу, что ничего подобнаго не было. Что касается урожденца деревни Адды джелальбадскаго округа, муллы Неджмъ-эддина, то британскимъ пограничнымъ начальникамъ хорошо извѣстно, что мулла этотъ бѣжалъ изъ Кабула нѣсколько лѣтъ тому назадъ и проживалъ послѣ того въ деревнѣ Джароби пишаверскаго вѣдомства, на британской сторонѣ границы. Мулла этотъ имѣетъ тысячи учениковъ и послѣдователей въ населеніи джелальбадскаго округа и между момендами, и считается ими за пророка. Какъ въ прежнія времена въ Европѣ папы выдавали себя за хозяевъ рая и ада и народъ имъ вполнѣ въ этомъ вѣрилъ, такъ Неджмъ-эддинъ и другіе муллы присваиваютъ себѣ такую же власть и имѣютъ тысячи вѣрующихъ. Въ теченіе послѣднихъ четырнадцати лѣтъ муллы употребляли всѣ усилія возмущать противъ него его подданныхъ и въ каждомъ бунтѣ, какъ напр. въ Кандахарѣ (вѣроятно, разумѣется овладѣніе этимъ городомъ со стороны Эюбъ-хана), въ дѣлѣ муллы Мушкъ-и-Алама (духовный глава гильджіевъ, возбуждавшій ихъ возстанія 1886—1887 гг.) и въ дѣлѣ узбекскихъ муллъ, поддерживавшихъ бунтъ Исхакъ-хана въ Балхѣ (1888 г.), во всякомъ мятежѣ подстрекателями были муллы. Всѣ муллы уже многіе годы всевозможными способами стараются убѣдить своихъ послѣдователей и народъ, что онъ, эмиръ, есть кафиръ (невѣрный), и производить вооруженные мятежи во всѣхъ

мѣстахъ Авганистана. Тысячи людей погибли въ бояхъ съ обѣихъ сторонъ, нѣкоторые изъ муллъ-возмутителей были убиты съ тысячами своихъ учениковъ. Каждый мулла возбуждаетъ народъ противъ него, эмира, пока въ состояніи, придя же въ безсиліе, бѣжитъ въ британскіе предѣлы и, по великодушію Англіи, находитъ тамъ пріютъ. Такъ поступилъ и Неджмъ-эддинъ, по милости котораго теперь льется столько крови (тамъ же, pp. 88, 89). По объясненію британскаго пограничнаго начальства, мохмендская деревня Джароби дѣйствительно находится на британской сторонѣ, если руководствоваться тою чертою границы, которая объявлялась комиссаромъ въ 1894 году; если же придерживаться соглашенія между пограничными начальниками обѣихъ сторонъ, состоявшагося весною 1897 года, то деревня лежитъ въ авганской территоріи (id., p. 89).

По донесенію британскаго агента (изъ мусульманъ) въ Кабулъ, британское сообщеніе, отъ 13 августа, было прочитано эмиромъ на торжественномъ собраніи, созванномъ для празднованія годовщины принятія эмиромъ титула Зія-уль-миллятъ вад-динъ и состоявшемъ изъ гражданскихъ и военныхъ сановниковъ Авганистана, хановъ, старшинъ и муллъ изъ всѣхъ частей Авганистана, всего около 3 тыс. человѣкъ. По прочтеніи, эмиръ напомнилъ обстоятельства вступленія его на престолъ и заявилъ, при общемъ подтвержденіи присутствующихъ, что былъ всегда вѣренъ своимъ обязательствамъ предъ британскимъ правительствомъ, никогда не намѣревался дѣйствовать противъ него, не позволялъ и не побуждалъ своихъ подданныхъ и солдатъ принимать участіе во враждебныхъ противъ него дѣйствіяхъ. Въ заключеніе эмиръ торжественно поклялся, что всегда желалъ сохранить дружественныя отношенія съ британскимъ правительствомъ и никогда не желалъ ему какого либо вреда. На собраніи же былъ прочитанъ и одобренъ проектъ вышеизложеннаго отвѣта индійскому правительству отъ 18 августа (тамъ же, pp. 91, 92).

23 сентября, въ письмѣ къ британскому агенту въ Кабулъ, эмиръ увѣдомилъ, что прибывшіе отъ афридіевъ 18 депутатовъ задержаны, по его распоряженію, въ Джелалъбадѣ, въ привезенныхъ же ими и высланныхъ къ нему изъ Джелалъбада просьбахъ отъ 5 сентября афридіи изъявляютъ желаніе повиноваться ему, какъ мусульманскому государю, и просятъ о помощи противъ Англіи, съ которою начали священную войну за захваты авганскихъ земель и возведеніе крѣпостей. Въ данномъ на эти петиціи отвѣтѣ эмиръ, по его словамъ, изложилъ, что проходитъ уже 18-й годъ, какъ онъ прибылъ въ Кабулъ, но они не обращались къ нему относительно дѣлъ своихъ съ Англією, даже въ то время, когда онъ проѣзжалъ чрезъ ихъ земли, чрезъ Хайберъ, въ Реваль-Шинди и обратно; не пожелали они обратиться къ нему по этимъ дѣламъ и въ ту пору, когда проѣзжалъ въ Кабулъ сэръ

Мортимеръ Дьюрандъ и когда, при переговорахъ съ этимъ британскимъ посломъ о границѣ, онъ могъ бы коснуться и дѣлъ афридіевъ. „Все это время они молчали, молчаніе же означаетъ согласіе. Я не знаю, по какому поводу возникъ раздоръ между вами и англичанами, но прежде, чѣмъ начинать войну, вамъ слѣдовало увѣдомить меня“. Заключивъ, по государственнымъ видамъ, союзъ съ британскимъ правительствомъ, онъ, эмиръ, не можетъ его нарушить, пока британцы, хотя христіане, строго его соблюдаютъ; какъ можетъ онъ, будучи мусульманиномъ, нарушить договоръ, когда въ коранѣ сказано: „исполняйте ваши общанія“. Въ концѣ концовъ, эмиръ отказалъ въ просьбахъ афридіевъ настрѣзъ: „за надѣланное вашими руками, отдѣлывайтесь своими шеями“ (тамъ же, pp. 133, 134).

7 октября, увѣдомляя, что британскія военныя силы, разбивъ шайки муллъ Адды, преслѣдовали его до Джароби, но онъ успѣлъ скрыться въ авганскіе предѣлы, лордъ Эльджинъ просилъ эмира воспрепятствовать муллѣ возобновить смуты въ британскихъ владѣніяхъ, въ случаѣ же бѣгства оракзіевъ, — противъ которыхъ выступаютъ войска подъ начальствомъ генерала Локхарта, — въ авганскіе предѣлы, обезоруживать ихъ и не позволять принимать участіе въ смутахъ. Эмиръ отвѣтилъ 13 октября, что Неджмъ-эддинъ скрывается, въ случаѣ же поимки будетъ высланъ изъ предѣловъ Авганистана. „Я хорошо знаю этихъ муллъ многіе годы. Они подобны тѣмъ попомъ временъ Петра Великаго, которые причинили большія смуты въ Россіи“. Общаясь, въ случаѣ бѣгства оракзіевъ и афридіевъ въ его предѣлы, не позволять имъ вторгаться за британскую границу, эмиръ просилъ принять въ соображеніе, что его положеніе относительно этихъ горцевъ много отличнѣе отъ положенія британскаго правительства. Послѣднее — великое правительство. Оно употребляетъ для усмиренія горцевъ войска изъ англичанъ, сейковъ и индусовъ. Между тѣмъ всѣ военныя силы эмира состоятъ изъ соплеменниковъ этихъ горцевъ, которые притомъ тысячами отдають дочерей въ замужество другъ другу и находятся между собою въ постоянныхъ родственныхъ сношеніяхъ. Если бы онъ, эмиръ, запретилъ своимъ подданнымъ принимать къ себѣ семейства ихъ заграничныхъ родственниковъ, то подвластные ему племена сдѣлались бы къ нему столь же враждебными, какъ къ британскому правительству, тогда какъ онъ не имѣетъ солдатъ изъ англичанъ, сейковъ и индійцевъ (томъ же, pp. 162, 163).

Въ собственноручномъ отвѣтѣ на письмо британскаго агента, сообщавшее, между прочимъ, благодарность вице-короля за устраненіе домогательствъ афридіевъ о помощи, эмиръ писалъ 17 октября: „Что касается дружбы моея съ британскимъ правительствомъ, то она существуетъ уже долгое время, и я желаю, чтобы она продолжалась. Я не откажусь отъ этой дружбы,

пока живу. Что может сказать мнѣ этотъ жалкій и трепещущій народъ (т. е. афридіи, приславшіе новыхъ депутатовъ) такого, что побудило бы меня измѣнить мои убѣжденія? Если бы (могущественный) непріятель (разумѣется, конечно, Россія) вступилъ въ борьбу съ славнымъ британскимъ правительствомъ, то, несмотря на мощь и силу этого врага, даже не взирая на на раззореніе моей страны его руками, я не отступлю отъ дружбы съ славнымъ правительствомъ. Эти люди (т. е. афридіи) поступаютъ какъ безумные, вслѣдствіе своего невѣжества и по наущенію своихъ муллъ: какъ могу я (ради нихъ) измѣнить своимъ убѣжденіямъ и вѣрѣ въ дружбу Англіи?“ (pp. 167, 168). Въ дополнительномъ, посланномъ ночью того же 17 октября, письмѣ эмиръ извѣстилъ, что послѣ отправки первого принялъ поланцовъ афридіевъ и оракзиевъ, умолявшихъ о спасеніи, признавшихъ безуміе затѣянной ими войны съ Англіею и просившихъ эмира исходатайствовать имъ прощеніе отъ британскаго правительства. Эмиръ отвѣтилъ имъ, что они лжецы и бездѣльники, но депутаты клялись, что говорятъ правду. Эмиръ пришелъ къ заключенію, что ежели британскимъ правительствомъ уже сдѣланы распоряженія о наказаніи оракзиевъ и афридіевъ, то толковать ему съ ними не о чемъ: что они заслужили, безумно слушаясь своихъ проклятыхъ муллъ, то и получать; если же приказовъ о карѣ еще не отдано и британское правительство согласится даровать имъ прощеніе на какихъ либо условіяхъ, то можно бы вступить съ нимъ въ переговоры, о чемъ эмиръ и могъ бы объявить депутатамъ (p. 168).

Въ газетѣ Times of India, 16 октября 1897 года, напечатанъ англійскій переводъ прокламаціи эмира отъ 13 августа того же года. Хотя объ этой прокламаціи въ „Синей книгѣ“, относящейся къ столкновеніямъ съ пограничными племенами, совсѣмъ не упоминается, однако въ подлинности ея едва-ли можно сомнѣваться, такъ какъ въ ней выражены главныя идеи эмира, изложенныя имъ въ разное время въ дипломатической перепискѣ, частію даже позднѣе напечатанія перевода прокламаціи въ индійской газетѣ. Изъ содержанія этой прокламаціи можно заключить, что тотчасъ по полученіи вѣстей о возстаніи юсуфзиевъ въ Сватѣ муллы и мелики другихъ пограничныхъ племенъ, поддержанные всѣмъ духовенствомъ Авганистана, обратились къ эмиру, какъ къ мусульманскому государю и общей главѣ авганскихъ племенъ, съ просьбою принять со всѣмъ своимъ народомъ участіе въ священной войнѣ. Обращаясь въ прокламаціи къ мулламъ, къ „ученымъ мужамъ Авганистана“, возведшимъ его на престолъ, эмиръ съ горечью упрекаетъ ихъ въ измѣнѣ и враждѣ, которую они вскорѣ къ нему обнаружили, оставивъ ей вѣрными до послѣдняго времени. Онъ перечисляетъ важнѣйшіе случаи, въ которыхъ муллы становились противъ него, на сторонѣ его враговъ: Эмбъ-

хана, Мохаммедъ-Джана, вождей мятежныхъ гильджиевъ и пр. Относительно пограничныхъ племенъ прокламація констатируетъ, что они не признавали власти эмира и что сэръ Мортимеръ Дьюрандъ предъявлялъ эмиру въ Кабулѣ письма отъ народа Баджаура, момондовъ, юсуфзиевъ, афридіевъ и пр., въ которыхъ заключались заявленія о желаніи находиться подъ англійской властью и о томъ, что они отъ эмира не зависятъ. Въ виду всего этого и невозможности нарушить союзъ съ Англіею, который британское правительство точно соблюдаетъ, эмиръ категорически отказывается принять участіе въ затѣваемыхъ муллами и пограничными племенами безпорядкахъ. Съ какой стати—говоритъ эмиръ въ прокламаціи—буду я губить себя изъ-за васъ?... Почему вы называете эти безпорядки священной войной? Для священной войны придетъ свое время: когда оно наступитъ, тогда объ этомъ будетъ вамъ объявлено. „Если бы вы (т. е. пограничныя племена) теперь предоставили себя въ мое распоряженіе и подчинились моей власти, то я постарался бы, если Богу угодно, удовлетворительно покончить ваши дѣла съ англійскимъ правительствомъ“. Въ послѣдней фразѣ заключается, видимо, та же мысль, какую эмиръ проводитъ по второму письмѣ отъ 17 октября: отнюдь не желая ссориться съ англійскимъ правительствомъ, эмиръ тѣмъ не менѣе не прочь былъ заручиться подчиненіемъ своей власти пограничныхъ племенъ и выступить въ роли посредника между ними и Англіею. По словамъ состоящей при эмирѣ въ качествѣ врача миссъ Л. Хамилтонъ (статья ея въ Pearson's Magazine, April, 1898), эмиръ предвидитъ для Англіи большія затрудненія въ отношеніяхъ ея къ пограничнымъ племенамъ: „Чѣмъ далѣе на сѣверъ подвигается Англія, тѣмъ болѣе будутъ противиться ей горныя племена и тѣмъ болѣе постоянными и серьезными сдѣлаются мелкія пограничныя войны“ (см. Review of Reviews, 1898, April, p. 369). Можетъ быть эмиръ мечтаетъ, что, убѣдившись въ неудобствахъ имѣть дѣло съ авганскими горами, Англія рѣшится передать и ихъ въ управленіе своего вѣрнаго вассала, какъ ввѣрило Авганистанъ. Англо-индійское правительство, однако, не пожелало допустить эмира даже до посредничества между собою и состоящими по договорамъ подъ исключительнымъ контролемъ Англіи пограничными племенами. Оставивъ безъ отвѣта намеки эмира въ этомъ смыслѣ, вице-король ограничился посылкою 28 октября копій съ объявленія, которое поручено было сдѣлать горцамъ генералу Локхарту объ условіяхъ мира (Mil. operations, vol. 2, p. 169). Изданною въ Джелалъабадѣ прокламаціею эмиръ воспретилъ своимъ подданнымъ переходить границу для участія въ войнѣ горцевъ противъ Англіи подъ опасеніемъ штрафа съ каждаго виновнаго въ 1 т. рупій (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1898, January, p. 216) На покорность афридіевъ имѣло рѣшительное влияние то обстоятельство, что посланная родомъ закъа депутація не была въ началѣ

весны пропущена въ Кабуль и выслана, по приказанію эмира, обратно за границу (тамъ же, 1898, July, p. 218). 28 іюня 1898 года, при обсужденіи въ United Service Institution of India сообщенія полковника Хэтчинсона The Story of Tirah etc., членъ совѣта вице-короля сэръ James Westland подтвердилъ заявленіе докладчика о томъ, что эмиръ честно выполнялъ свои обязательства къ Англіи; эмиръ предупреждалъ племена, что они безумствуютъ, начиная войну противъ Англіи, высланнымъ же отъ нихъ депутатамъ объявлялъ, что не хочетъ имѣть съ ними никакого дѣла, ибо они подчинены британской власти, къ которой и должны обращаться; „и это онъ говорилъ въ то время, когда ему достаточно было пошевелить мизинцемъ, чтобы война приняла несравненно болѣе обширные размѣры, чѣмъ тѣ, которыми она ограничилась“ (Journal of the United Service Institution of India, 1898, July, pp. 251, 252).

Такимъ образомъ оказались правы Керзонъ и англійскіе государственные люди, полагавшіе съ нимъ и съ сэромъ Лепель Гриффиномъ (Nineteenth Century, 1897, October, p. 507), что „эмиръ Кабула—самый вѣрный изъ союзниковъ, которыхъ Англія имѣетъ въ Европѣ и Азіи“. Конечно личность эмира имѣетъ значеніе, но, вопреки Керзону, крайне сомнительно, чтобы Авганистанъ непременно разсыпался послѣ смерти Абдэррахманъ-хана, ибо государство это составляетъ достаточно прочное географическое, этническое и политическое цѣлое, въ существованіи котораго притомъ заинтересована Англія. Если бы по смерти Абдэррахманъ-хана и возникли распри за обладаніе престоломъ, Англія, наученная примѣромъ неудачнаго уклоненія ея отъ помощи Ширъ-Али-хану въ борьбѣ съ соперниками, на этотъ разъ озаботится предупредить и прекратить смуты немедленно и твердою поддержкою признаннаго ею наслѣдника престола, который, подъ давленіемъ необходимости и интересовъ, окажется столь же вѣрнымъ вассаломъ, какъ Абдэррахманъ-ханъ. Помимо войны съ Россіей,—которая, надо надѣяться, будетъ избѣгнута, благодаря благоразумію правительствъ, такъ какъ успѣхи ея и результаты не вознаграждать и побѣдителя за причиненныя войною бѣдствія,—огромныя для Англіи опасности заключаются не въ личности эмира, а въ англо-индійской политикѣ относительно пограничныхъ племенъ и въ возможности образованія англо-индійскаго Кавказа съ населеніемъ столь же воинственнымъ и столь же страстно привязаннымъ къ независимости, какъ кавказскіе горцы, но не раздѣленнымъ, какъ послѣдніе, на десятки особыхъ народностей, говорящихъ различными языками, а принадлежащимъ лишь къ разнымъ племенамъ одной и той же авганской народности и потому могущимъ объединиться противъ общаго врага, чего не могли достигнуть кавказскіе горцы. Сами англійскіе писатели начали въ послѣднее время признавать большое сходство между русскимъ и индійскимъ Кавказами и предлагать для покоренія послѣдняго тѣ

же мѣры, которыя употреблены были Россією. Едва ли однако такія мѣры могутъ быть признаны ведущими къ цѣли, такъ какъ авганскіе горцы отличаются отъ кавказскихъ не только возможностью объединенія между собою, но составляютъ сверхъ того лишь часть народности, господствующей въ Авганистанѣ, и непременно, рано или поздно, привлекутъ къ участію въ борьбѣ своихъ западныхъ единоплеменниковъ. Какимъ образомъ англо-индійская политика можетъ создать англо-индійскій Кавказъ—это предметъ очень сложный, который, понятно, разсматривать здѣсь неумѣстно, но который весьма важенъ и интересенъ, выдвинутъ на очередь столкновеніями 1897 года и занимаетъ многіе наиболѣе вліятельные и дальновидные умы Англо-Индіи, хотя не привлекаетъ пока вниманія общественнаго мнѣнія Англіи, отвлеченнаго теперь въ другія стороны.

Подробный разборъ статьи Л. А. В—ича показываетъ, что поставленные себѣ авторомъ задачи выполнены во многомъ неудовлетворительно. Произошло это въ значительной мѣрѣ не отъ недостатка доброй воли и стараній. Взятый авторомъ въ основу работы очеркъ Симона, при всѣхъ своихъ недочетахъ, все же одинъ изъ лучшихъ въ публицистикѣ и г. В—ичъ пытался дополнить его изъ новѣйшихъ публицистическихъ сочиненій. Неуспѣхъ зависѣлъ главнымъ образомъ, или по крайней мѣрѣ къ весьма значительной степени, отъ указанной въ началѣ настоящей статьи скудости свѣдѣній объ Авганистанѣ и отъ неудовлетворительнаго положенія научной ихъ разработки и изученій. При недостаткѣ же отчетливыхъ, правильныхъ и всесторонне обработанныхъ свѣдѣній о странѣ, ея населеніи и положеніи трудно разбираться и въ противорѣчивыхъ вѣстяхъ, слухахъ и толкахъ о недавнихъ и текущихъ событіяхъ.

Октябрь 1898 г.
Спб.

Н. А. Аристовъ.